

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 1 • Том 18 • 2025 •
ЯНВАРЬ – МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПЕРЕВОДА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 1 • Volume 18 • 2025 •
JANUARY–MARCH

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Бальо Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovskiy, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Elefterios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia);

Nina B. Isolauti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia);

Yulia N. Koltsova, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Hannelore Lee-Jahnke**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland);

Larisa A. Manerko, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Roman A. Matasov**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mikhail N. Marusenko, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Школа общей теории, истории и методологии перевода

<i>Ван Синъюань. Экстралингвистические аспекты переводческой деятельности</i>	7
<i>Воюцкая А.А. К вопросу о неопределённости как категории теории и методологии перевода</i>	21
<i>Ли Танбо, Ян Линь. Перевод и развитие международной коммуникационной компетенции в Китае: цифры и факты</i>	35
<i>Цзу Сюецзин, Лю Цзинпин. Трансформация переводческих компетенций в эпоху технологий искусственного интеллекта</i>	45
<i>Лю Шижао. Развитие герменевтических исследований художественного перевода в Китае</i>	63
<i>Плиева З.Б. Когнитивный аспект представления концепта <i>время</i> на материале «Сказки о потерянном времени» Е. Шварца в переводе на английский и ингушский языки</i>	92
<i>Тетендова М.А. Мотивация как определяющий фактор переводческой деятельности и формы её выражения</i>	114

Школа теории и методологии устного перевода

<i>Зигмантович Д.С. Традиции и инновации в исследовании устного синхронного перевода: опыт Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова</i>	135
---	-----

Школа теории дискурса

<i>Миронова Н.Н., Ду Канцзэ. Мультимодальные дискурсы в фокусе современных исследований</i>	168
---	-----

Школа когнитивной лингвистики

<i>Манерко Л.А., Блинова Н.С. Специфика юмора в научно-популярном англоязычном дискурсе TED TALKS через призму метафоры и других языковых средств</i>	188
---	-----

Школа теории и истории сравнительной лексикографии

<i>Айсен Я.Д., Голубева-Монаткина Н.И. О российских и британских энциклопедиях XIX века</i>	213
---	-----

Рецензии

<i>Лекторский В.А. Межкультурная коммуникация и лингвистическое образование в цифровом обществе</i>	231
---	-----

CONTENTS

The School of General Theory, History and Methodology of Translation

<i>Wang Xinyuan.</i> Extra-linguistic aspects of translation activity	7
<i>Voyutskaya A.A.</i> On the Issue of Uncertainty as a Category of Theory and Methodology of Translation	21
<i>Li Tangbo, Yang Lin.</i> Translation and the development of international communication competence in China: figures and facts	35
<i>Zu Xueqing, Liu Jingpeng.</i> Transformation of translation competencies in the era of technology AI	45
<i>Liu Shirao.</i> The development of hermeneutical studies of literary translation in China	63
<i>Plieva Z.B.</i> The cognitive aspect of presenting the time concept in “The tale of wasted time” by E. Schwartz as translated into English and Ingush	92
<i>Tetenova M.A.</i> Motivation as a determinant of translation activity and forms of its expression	114

The School of Theory and Methodology of Interpreting

<i>Zigmantovich D.S.</i> Simultaneous interpreting research: balancing tradition and innovation at Lomonosov Moscow State University’s Higher School of Translation and Interpreting	135
--	-----

The School of Discourse Therapy

<i>Mironova N.N., Du Kangze.</i> Multimodal discourses: contemporary research focus	168
---	-----

The School of Cognitive Linguistics

<i>Manerko L.A., Blinova N.S.</i> Specific features of humour in popular English scientific discourse of ted talks through the prism of metaphor and other language means	188
---	-----

The School of Theory, History and Comparative Lexicography

<i>Aisen Ia.D., Golubeva-Monatkina N.I.</i> On Russian and British encyclopaedias	213
---	-----

Reviews

<i>Lektorskiy B.A.</i> Book review of interdisciplinary communication and linguistic education in a digital society	231
---	-----

ШКОЛА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ, ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81-139

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-7-20

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ван Синьюань

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: yuan921116@126.com

Аннотация. В приведённой статье обсуждаются экстралингвистические аспекты переводческой деятельности, акцентируя внимание на мнениях Н.К. Гарбовского, А.Д. Швейцера, Р.К. Миньяр-Белоручева и О.И. Костиковой. Подчёркивается важность учёта социокультурного контекста и внеязыковых факторов в процессе перевода, предлагая изучать условия создания и восприятия текстов, а также социальный статус участников коммуникации.

Автор указывает на необходимость дальнейшего исследования этих аспектов, утверждая, что понимание функции перевода является непрерывным процессом, который эволюционирует с течением времени. Отмечается, что перевод выполняет разнообразные социальные функции — от политической до просветительской на протяжении всей истории человечества, что подчёркивает его значимость в различных сферах жизни.

Таким образом, текст акцентирует внимание на многообразии факторов, влияющих на перевод, и призывает к дальнейшему углублению исследований в этой области.

Ключевые слова: экстралингвистические аспекты, перевод, социальная функция

Для цитирования: Ван Синъюань. Экстралингвистические аспекты переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025, № 1. С. 7–20. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-7-20

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;
одобрена после рецензирования 10. 04.2025;
принята к публикации 13.04.2025.

EXTRA-LINGUISTIC ASPECTS OF TRANSLATION ACTIVITY

Wang Xinyuan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: yuan921116@126.com

Abstract. The above article discusses the extra-linguistic aspects of translation activity, emphasizing the opinions of N.K. Garbovskiy, A.D. Schweitzer, R.K. Minyar-Beloruchev and O.I. Kostikova. Emphasizes the importance of taking into account the sociocultural context and extra-linguistic factors in the translation process, suggesting studying the conditions of creation and perception of texts, as well as the social status of communication participants.

The author points out the need for further research into these aspects, arguing that understanding the function of translation is a continuous process that evolves over time. It is noted that translation has performed a variety of social functions ranging from political to educational throughout human history, which emphasizes its importance in various spheres of life.

Thus, the text emphasizes the diversity of factors affecting translation and calls for further research in this area.

Keywords: extra-linguistic aspects, translation, social function

For citation: Wang Xinyuan. (2025) Extra-linguistic aspects of translation activity. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 1. P. 7–20. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-7-20

The article was received on February 01, 2025;
approved for reviewing on April 10, 2025;
accepted for publication on April 13, 2025.

1. Теоретические основы экстралингвистических функций перевода

Китайские и зарубежные теоретики перевода уделяют всё больше внимания экстралингвистической функции перевода. При теоретическом обсуждении перевода мы не должны довольствоваться поиском простой эквивалентности на уровне языка, а должны обратить внимание на роль, которую играет переводческая личность в социальной коммуникации. Историческое развитие общества свидетельствует о том, что перевод играет значительную роль в творческой деятельности человека и нередко выполняет важные социальные функции. Социальная функция перевода постоянно связана с развитием общества, интересами и запросами различных классов. Социальная функция перевода отражает ценностную ориентацию перевода, а ценность перевода подчинена социальной функции перевода.

В конкретной переводческой деятельности мотивация переводчика и метод перевода также тесно связаны с экстралингвистическими аспектами. Можно сказать, что изучение экстралингвистических аспектов перевода позволяет более глубоко и всесторонне вникнуть в переводческую деятельность и сформировать правильное представление о переводе.

Таким образом, современная теория перевода требует принципиально нового подхода, выходящего за рамки традиционного лингвистического анализа. Как показывает исследование, переводческая деятельность неразрывно связана с социальными процессами, культурными традициями и историческим контекстом. Именно этот комплексный подход позволяет по-настоящему понять как социокультурный феномен природу перевода. Перевод предстаёт не просто технической операцией по передаче информации с одного языка на другой, а сложным процессом межкультурной коммуникации, где переводчик выступает активным участником, а не пассивным посредником. Такое понимание открывает новые перспективы для исследования переводческой деятельности в её взаимосвязи с общественным развитием.

2. Исторические примеры значимости перевода

Китайский учёный Сюй Гуанци (徐光启) из династии Мин в работе «Список календарей» (历书总目表), представленной в 1631 году, отмечал: «Некоторые из нас думают, что если мы хотим достичь хороших результатов, то должны интегрировать и заимствовать, а для этого нужно сначала провести работу по переводу: ...После этого

тех, кто знаком с Тайтунским календарём и понимает его суть, следует попросить внимательно изучить его и интегрировать западные знания в рамки системы Тайтунского календаря» (臣等愚心以为欲求超胜, 必须会通, 会通之前, 必修翻译: ... 翻译既有端绪, 然后令甄明《大统》, 深知法意者, 参详考宣, 熔彼方之材质, 入《大统》之型模) (Сюй Инь, 1987). В период поздней династии Мин китайская культура находилась в состоянии застоя, что стало серьёзным препятствием для общественного развития. В это время в Китай прибыли иностранные миссионеры, которые занимались религиозной деятельностью и одновременно принесли с собой европейскую культуру. Сюй Гуаньци считал перевод научно-технических работ предпочтительным текстом для распространения западной культуры и науки, и чётко обозначил роль научно-технической переводческой деятельности, то есть через интеграцию и объединение опыта другой страны, чтобы достичь цели «развитие», способствуя тем самым развитию общества.

Ван Цзолян в книге «О переводе поэзии» написал: «На более глубоком уровне перевод поэзии приносит огромную пользу любой национальной литературе и любой национальной культуре. Он не просто открывает ряд выходящих наружу дверей и окон; он может придать новую жизненную силу национальной литературе и языку. Если убрать перевод, то культура каждого народа сильно обеднеет, и весь мир потеряет свой блеск» (Линь Хуантянь, 1997). Здесь вновь подчёркивается незаменимая роль культурной функции перевода в обогащении мировой культуры.

В конкретной переводческой деятельности мотивация переводчика и метод перевода также тесно связаны с экстралингвистическими аспектами. Можно сказать, что изучение экстралингвистических аспектов перевода позволяет более глубоко и всесторонне раскрыть переводческую деятельность и сформировать правильное представление о переводе.

Н.К. Гарбовский подчеркнул: «Швейцер, представляя иное направление в теории перевода, полагал, что в предмет теории перевода «входит процесс перевода в широком социокультурном контексте с учётом влияющих на него внеязыковых факторов — его социальных, культурных и психологических детерминантов» (Гарбовский, 2007: 207), а Миньяр-Белоручев считает, что теория перевода должна не ограничиваться сугубо лингвистическим аспектом процесса перевода, но также изучать и «условия порождения исходного текста, и условия восприятия переводного текста, и социальный статус коммуникантов, и речевую ситуацию, и различные

сопутствующие явления, что входит в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков» (Миньяр-Белоручев, 1996: 6).

Исторические примеры убедительно демонстрируют, что перевод на протяжении веков играл ключевую роль в развитии цивилизаций. Деятельность таких выдающихся переводчиков, как Сюй Гуанци или Линь Ютан, показывает, что перевод служил не просто инструментом передачи знаний, но и мощным катализатором культурного и научного прогресса. Особенно показателен опыт китайской традиции, где перевод западных научных трудов способствовал преодолению культурной изоляции и модернизации общества. В то же время, как свидетельствует история, перевод выполнял и обратную функцию — знакомил мир с достижениями китайской цивилизации. Эти исторические прецеденты подтверждают, что перевод всегда был и остаётся важнейшим механизмом диалога культур и взаимного обогащения цивилизаций.

Приведённые выше исследования экстралингвистических аспектов перевода не являются исчерпывающими и всеобъемлющими, и мы считаем, что необходимо и дальше совершенствовать и углублять эти исследования. Человеческое познание — это постепенный процесс. Как отмечал В.И. Ленин в «Философских тетрадах», постижение сути вещей есть «бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т.д., от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности» (Ленин, 1936: 212). То же самое можно сказать о нашем понимании функции перевода. С древнейших времен до наших дней, на каждом этапе исторического развития человеческого общества, перевод играл определённую роль в различных областях, и в его изучении можно увидеть различные социальные функции, такие как политическая, научно-техническая, экономическая, просветительная и т.д.

3. Современные тенденции и роль перевода в глобальном мире

Политическая диверсификация и экономическая глобализация стали двумя главными темами современности. Прямым следствием экономической глобализации стало то, что английский язык изучает и использует гораздо больше людей в международном сообществе, чем когда-либо в прошлом. «Английский язык доминирует в области науки, техники, медицины и компьютеров: он распространён в академических исследованиях, книгах, журналах и программном обеспечении, играет важную роль во всех сферах

политики, дипломатических переговорах, торговле и культурном обмене. Для нации распространение и продвижение английского языка означает развитие, модернизацию, научно-технический прогресс, а для конкретного человека владение английским приобретает черты авторитета и нравственности» (Сунь Хуэйцзюнь, 2005: 69). Некоторые люди считают, что в XXI веке английский язык распространится на весь мир и будет универсально принят различными языковыми группами, а значит, можно избавиться от переводчика и общаться напрямую на английском, и что функция перевода в социальной коммуникации значительно сократится и даже постепенно исчезнет. Однако в современном мире стало очевидным, что переводческая деятельность не только не исчезает, но и динамично развивается: растёт спрос на переводчиков, публикуется всё больше переводов, процветает переводоведение. Тема Международного дня переводчика 2024 года была «Сохраним перевод как искусство!» (Translation, an art worth protecting). Н.К. Гарбовский ещё в 2007 году продвинул похожую идею: «Часто мы слышим расхожие выражения «перевод — искусство», «искусство перевода», «искусный переводчик» и т.п. Что это, красивая метафора, поднимающая социальный статус переводчика, или серьёзное типологическое утверждение, размещающее перевод как вид человеческой деятельности в пределах той сферы, которую принято называть искусством?» (Гарбовский. 2007: 12). Мир, где сосуществует многоязычие, где сосуществуют различные культуры, где люди общаются друг с другом с помощью перевода, где они учатся друг у друга, где они дополняют сильные и слабые стороны друг друга, где они сосуществуют и процветают, это то, к чему мы все стремимся. Тот факт, что взаимопонимание и общение между народами мира достигли такого уровня, тесно связан с тем, что социальная функция перевода была задействована в полной мере. Мы верим, что и в будущем перевод будет играть огромную роль в укреплении взаимопонимания и дружеских обменов между народами.

Социальная функция перевода проявляется в том, что перевод как средство коммуникации выступает в качестве носителя информации и посредника при её распространении. В переводческой деятельности существует три взаимосвязанных звена: оригинальный текст, переводчик и перевод. Оригинальный текст является источником информации для переводчика: сначала переводчик получает информацию из оригинального текста и сопоставляет её, а затем трансформирует полученную из оригинального текста информацию в переводной текст. Тот факт, что переводчик выступает не

простым механическим передаточным звеном в процессе такой коммуникации, а проявляет себя как творческая личность, отмечают большинство исследователей (Попович, Топер, Швейцер). Необходимость сделать личность переводчика объектом исследования, определить её место в методологической системе переводоведения представляется очевидным (Костикова, 2002: 121). Другими словами, переводчик принимает оригинальный текст, а затем формирует его в переводном тексте. Творчество переводчика проявляется в создании перевода, который близок или приближен к оригинальному тексту. В течение долгого времени в переводческом сообществе была идея, что перевод — это копия оригинального текста. Однако такое понимание игнорирует тот факт, что перевод — это не только объективный, но и субъективный процесс. В нём отражены и лингвистические, и экстралингвистические аспекты. Перевод имеет дело не только с обменом информацией на двух языках, но и с обменом между двумя культурами. В этом обмене между двумя культурами переводчик не только объективен, но и субъективен, и любой перевод — это органичное сочетание объективности и субъективности. Перевод — это не просто чисто объективный процесс преобразования языка, а комплексный процесс, в котором переводчик объективно воспроизводит оригинальный текст и в то же время проявляет собственную инициативу. Американский теоретик перевода Лоуренс Вентути (Lawrence Venuti), анализируя стратегии доместикации (domestication) и фореинизации (foreignization), отмечает принципиальное различие их целей: если первая адаптирует текст к принимающей культуре, то вторая сохраняет культурную инородность исходного текста.

Что касается отношений между переводчиком и автором, то переводчик должен использовать текст в качестве посредника и вести диалог с автором. Переводчик и автор существуют в различных культурных парадигмах и социальных контекстах, при этом каждый из них руководствуется профессиональной этикой и творческой самоидентификацией. Переводчик чувствует то, что думает и чувствует автор, и такой диалог даёт переводчику возможность воспринимать автора текста как другого себя, так что субъект и объект могут достичь эмоциональной интеграции и душевного общения. Существует также связь между переводчиком и читателями переводного произведения, потому что текст, переведённый переводчиком, предназначен для чтения читателями, и эффект произведения полностью зависит от реакции читателей. Читатели переводного текста отличаются от читателей оригинального текста по

таким факторам, как социальный и культурный фон, эстетические стандарты времени и национальный жизненный опыт. Поэтому для полного понимания оригинального текста переводчик должен учитывать интересы читателей переводного текста и вести с ними диалог, как он ведёт диалог с автором. С одной стороны, переводчик должен хорошо понимать оригинальный текст, а с другой — учитывать специфическую ситуацию читателей переводного текста. Только в этом случае роль переводчика как связующего звена может быть осуществлена. О.И. Костикова выделила три категории, принимающие участие в формировании переводческой концепции: переводческий горизонт, переводческая позиция и переводческий замысел. Понятие переводческой стратегии — составляющая переводческого замысла, непосредственно воплощённого в тексте перевода. По её мнению, переводческий горизонт — это совокупность языковых, литературных, культурных факторов, формирующая сферу знаний, идей и интересов переводчика и обуславливающая круг его действий и возможностей при переводе. (Костикова, 2002: 121). Предложенная О.И. Костиковой триада представляет собой системный подход к пониманию переводческого процесса. «Переводческий горизонт» отражает когнитивную базу специалиста, «позиция» — его методологическую осознанность, а «замысел» — прагматический аспект работы. Такое разделение позволяет дифференцировать объективные (горизонт), субъективные (позиция) и ситуативные (замысел) факторы переводческой деятельности, что особенно важно для реализации посреднической функции переводчика между культурами.

В условиях современной глобализации значение перевода не только не уменьшается, но приобретает новые измерения. Парадоксальным образом, несмотря на доминирование английского языка как средства международного общения, потребность в профессиональном переводе продолжает расти. Это объясняется тем, что глобализация, с одной стороны, усиливает межкультурные контакты, а с другой — актуализирует вопрос сохранения культурной идентичности. В этом контексте перевод выступает как инструмент, позволяющий совместить процессы унификации с сохранением культурного многообразия. Современный переводчик сталкивается с новыми вызовами — необходимостью учитывать стремительные изменения в языках, появление новых культурных кодов и трансформацию традиционных ценностей. Всё это делает переводческую деятельность в XXI веке особенно сложной и социально значимой.

4. Когнитивная и просветительская функции перевода

Объективно говоря, каждая культура обладает уникальной системой ценностей и эстетических принципов, представляющих её культурно-историческое своеобразие, и, будучи неотъемлемой частью мировой культуры, эти прекрасные элементы должны быть сохранены и способствовать развитию мировой цивилизации. Ещё в период Движения Четвёртого мая Ли Дачжао (李大钊) не только чётко поставил задачу заимствования западной культуры и науки в Китай, но и критиковал нехватку экспорта традиционной китайской культуры в мир. С одной стороны, «надо прилагать усилия для изучения западной культуры и приветствовал западную науку», а с другой — «также нужно знакомить европейцев с культурой Востока, чтобы внести вклад в мировую цивилизацию». Перевод — это не только односторонний процесс внедрения западной культуры в Китай, но и процесс экспорта китайской культуры на Запад. Именно в силу своей значимости перевод, соединяющий две цивилизации, должен восприниматься серьёзно. Активно изучая иностранные культуры, мы должны также передавать суть нашей собственной культуры, чтобы способствовать всеобщему процветанию мировой культуры. Пятитысячелетняя китайская цивилизация занимает важное место в мировой цивилизации. После смерти Линь Ютана (林语堂) в 1976 году тайваньская газета Юнайтед Дэйли Ньюс опубликовала памятную речь, в которой написано: «Самым большим вкладом Линь Ютана в жизнь стало общение между китайской и западной культурами. Внедрением современной западной культуры в нашу страну, начиная с поколения Янь Фу (严复) и Линь Шу (林纾), занималось много талантливых людей. Но распространением китайской культуры на Запад, помимо иностранцев, таких как Маттео Риччи и Н.Я. Бичурин, — Линь Ютань, хоть и не единственный китайский учёный, но самый успешный среди очень немногих людей, посвятивших себя этому». Из-за отсутствия перевода многие западные люди часто смотрят на Китай с предубеждением. Чтобы мир узнал больше о Китае, китайцы должны сами проявить инициативу и рассказать о себе внешнему миру. Проявление инициативы по переводу сущности собственной культуры во внешний мир способствует участию собственной культуры в строительстве мирового мультикультурализма. Такой перевод обеспечивает всестороннее, справедливое и глубокое представление образа страны.

Перевод — это зеркало, отражающее жизнь различных обществ. Благодаря переводу читатели могут познакомиться с дру-

гими мирами. Во многих переведённых произведениях читатели могут увидеть богатую и сложную социальную жизнь зарубежных стран и понять разнообразие жизни. Перевод не только позволяет читателю познать чужой мир, но и, в сравнении с другими, даёт ему возможность лучше узнать себя и свой собственный мир, чтобы развиваться. Перевод иностранной литературы позволяет людям заново узнать себя. Китайский народ видел ту же судьбу в тех народах, которые также терпели притеснение западных стран, таких как Великобритания, Франция, Германия и США, слышал те же голоса протеста в их литературе и испытывал те же чувства стремления к национальной независимости и освобождению народа. Именно для того, чтобы формировать самостоятельное мышление и установку на самодостаточность, был сделан решительный призыв к переводу этих «повреждённых» произведений национальной и русской литературы. Лу Синь (鲁迅) в собственном переводе произведения русского писателя М.П. Арцыбашева «Рабочий Шевырёв» говорил, что, как описано в книге, в России и Китае есть много похожих ситуаций: «русский реформатор сначала для общины делал дела, община его преследовала и даже убивала, поэтому он ушёл из общины, чтобы мстить, и всё уничтожает» (Лу Синь, 1981: 264). В Китае тогда не было такого человека, у которого было сознание независимости. Между социальными условиями России и Китая того времени было много общего, и люди лучше узнавали себя и получили силу из русской литературы. Мао Дунь (茅盾) в книге «Социальный фон и творчество» говорил: «Если старик и молодой человек, стремящийся к новому, находятся в идеологическом конфликте, для их показа должны быть такие произведения, как «Отцы и дети» И.С. Тургенева; инертность национального характера должны показать как в романе И.А. Гончарова, например «Обломов»... Таких произведений даже сейчас не найдёшь в Китае» (Пин Баосин, 2002). Благодаря этим переводам китайские читатели, находившиеся под двойным гнѐтом феодализма и империализма, осознали социальные противоречия и глубинные причины бедственного положения своей жизни. Действительно, читая литературные переводы, можно узнать об исторических особенностях и реалиях разных времен и обществ. Это также помогает понять социальную жизнь и культурные традиции различных национальностей.

Когнитивная функция перевода также заметна в сфере образования и науки. Развитие образования и научных исследований в любой стране или нации невозможно отделить от перевода. За-

коны природы и развития человеческого общества, содержащиеся в оригинальных произведениях, как вид объективного научного знания, имеют значение для любой эпохи. Развитие современного общества свидетельствует о том, что плоды научно-технического прогресса всё чаще становятся общими для всего мира. Перевод научных трудов распространяет новые знания, расширяет влияние различных дисциплин, повышает образовательный и культурный уровень людей и в то же время пробуждает в них стремление и тягу к знаниям. Влияние направления «заимствование западной науки на Восток» в истории Китая на китайскую академию заключается не только в импорте передовой западной науки, которая вызвала интерес интеллектуальных кругов к изучению различных наук в то время, но и в том, что повлияло на методы научных исследований в китайской академии. Например, перевод «Начала» Евклида. Сюй Гуаньци (徐光启) совместно с Маттео Риччи в переводе первые шесть томов этой книги в 1606 году. Остальные были переведены Ли Шаньлань (李善兰) спустя 250 лет. Китай был развитой страной в области математики, и «Девять глав арифметики» (九章算术) представляют собой высокоразвитую вычислительную технологию, которой обладал Китай, но, как отмечает британский историк Нидэм Джозеф, «увлечённость китайцев конкретными числами мешала их абстрактным понятиям, что привело к отсутствию аксиоматической математической теоретической структуры и формированию строгой дедуктивной системы в истории китайской математики». (Цзоу Чжэньхуань, 2001: 4). Перевод «Начала» восполнил этот недостаток, а созданная в нём дедуктивная система глубоко заинтересовала китайских математиков. Сам Сюй Гуаньци считал, что «Начала» могут помочь тем, кто изучает теорию, «избавиться от легкомыслия и практиковаться в разработке», а тем, кто занимается практикой, — «закрепить свой фиксированный метод и развить изобретательность» (Цзоу Чжэньхуань, 2001: 4).

Роль перевода в образовании и науке невозможно переоценить. Как показывает опыт перевода фундаментальных научных трудов, таких как «Начала» Евклида, переводческая деятельность часто становилась тем катализатором, который давал импульс развитию целых научных направлений. В образовательной сфере перевод выполняет двоякую функцию: с одной стороны, он делает мировые знания доступными для носителей разных языков, с другой — способствует формированию межкультурной компетенции. Особенно важно отметить, что качественный научный перевод требует не

просто языковых навыков, но и глубокого понимания предметной области, что делает переводчика полноправным участником научного процесса. В эпоху информационного общества, когда скорость обмена знаниями приобретает критическое значение, перевод становится важнейшим звеном в глобальной системе образования и науки.

Упомянутые аспекты перевода — социальная коммуникация, культурная трансляция, социальные преобразования и просветительская функция — представляют лишь незначительную часть экстралингвистического измерения переводческой деятельности. Оглядываясь на историю развития человеческого общества, мы видим, что перевод сыграл в нём огромную роль, и мы можем предвидеть, что роль перевода в обществе будет становиться всё больше и больше. Различные экстралингвистические аспекты перевода тесно связаны друг с другом в общественной практике, постоянно влияют друг на друга и проникают друг в друга. Ни один перевод не может реализовать только одну социальную функцию; реализация экстралингвистических аспектов перевода многообразна и сложна. Экстралингвистические аспекты перевода динамичны, в разных исторических условиях роли не одинаковы, поэтому необходимо анализировать диалектически. По мере развития и изменения общества, перевод оказывает большее социальное влияние и достигает большей социальной ценности.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2007. С. 207.

Карамзин Н.М. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 92–93.

Костикова О.И. Трансформации и деформации как категории переводческой критики: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2002. С. 121.

Ленин В.И. Философские тетради, 1936. С. 212.

Линь Хуантянь. Словарь китайского перевода, Издательство Хубэйского образования, 1997. С. 1093.

Лу Сюнь. Полное собрание сочинений Лу Сюня. Т. 3. Издательство народной литературы, 1981. С. 264.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996. С. 6.

Швейцер А.Д. Теория перевода, 1988. С. 8.

Пин Баосин. Об особенностях перевода русской литературы в период Движения Четвёртого мая. Русская литература, 2002, № 5.

Сунь Хуэйцзюнь. Универсалии и различия. Шанхайское издательство переводов, 2005. С. 69.

Сюй Инь. Научно-техническая переводческая деятельность Сюй Гуан-ци. Шанхайский научно-технический перевод, 1987, № 1.

Цзоу Чжэньхуань. Шанхайский перевод и публикация и культурные изменения в 20-м веке, Гуансиское образовательное издательство, 2001. С. 4.

References

Garbovskij N.K. (2007) *Teoriya perevoda* = Translation theory: textbook. 2nd ed. Moscow: Moscow University Press. 207 p. (In Russian).

Karamzin N.M. (1866) *Pisma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu* = Letters of N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev. St. Petersburg, pp. 92–93 (In Russian).

Kostikova O.I. (2002) *Transformacii i deformacii kak kategorii perevodcheskoj kritiki* = Transformations and deformations as categories of translation criticism: dissertation. Candidate of Philological Sciences: 10.02.20. Moscow 121 p. (In Russian).

Lenin V.I. (1936) *Filosofskie tetradi* = Philosophical Notebooks, pp. 212 (In Russian).

林煌天,《中国翻译词典》,湖北教育出版社,1997年,第1页。

Lin Huangtian. (1997) *Zhong Guo Fan Yi Ci Dian* = Dictionary of Chinese Translation, Hubei Education Press, p. 1 (In Chinese).

鲁迅,《鲁迅全集》,第3卷,人民文学出版社,1981年,第264页。

Lu Xun. (1981) *Lu Xun Quan Ji* = The Complete Works of Lu Xun, vol. 3, People's Literature Publishing House. 264 p. (In Chinese).

Minyar-Beloruchev R.K. (1996) *Teoriya i metody perevoda* = Theory and Methods of Translation. Moscow, pp. 6 (In Russian).

平保兴,《论五四时期俄罗斯文学翻译的特点》,《俄罗斯文学》,2002年,第5期。

Ping Baoxing. (2002) *Lun Wu Si Shi Qi E Luo Si Wen Xue Fan Yi De Te Dian* = On the Characteristics of Russian Literary Translation in the May Fourth Period, Russian Literature. No. 5 (In Chinese).

Shvejcer A.D. (1988) *Teoriya perevoda* = Theory of Translation, pp. 8 (In Russian).

孙会军,《普遍与差异》,上海译文出版社,2005年,第69页。

Sun Huijun. (2005) *Pu Bian Yu Cha Yi* = Universals and Differences, Shanghai Translation Publishing House. 69 p. (In Chinese).

徐寅,《徐光启的科技翻译活动》,《上海科技翻译》,1987年,第1期。

Xu Yin. (1987) *Xu Guang Qi De Ke Ji Fan Yi Huo Dong* = Xu Guangqi's Scientific and Technical Translation Activities. Shanghai Science and Technology Translation. No. 1 (In Chinese).

邹振环,《20世纪上海翻译出版与文化变迁》,广西教育出版社,2001年,第4页。

Zou Zhenhuan. (2001) *Er Shi Shi Ji Shang Hai Fan Yi Chu Ban Yu Wen Hua Bian Qian* = Translation and Publishing and Cultural Changes in Shanghai in the 20th Century, Guangxi Education Press, p. 4 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ван Синъюань — аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа перевода (факультет). 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; yuan921116@126.com

ABOUT THE AUTHOR:

Wang Xinyuan — Graduate Student at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1; yuan921116@126.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-21-34

К ВОПРОСУ О НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ КАК КАТЕГОРИИ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

Александра Анатольевна Воюцкая

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: vaniteuse@inbox.ru

Аннотация. В контексте растущего научного интереса к психологическим и когнитивным аспектам переводческого процесса одним из направлений современного переводоведения является исследование ограничений, сопровождающих переводческую деятельность. В настоящей статье в качестве источника ограничений в переводческом процессе рассматривается феномен неопределённости. В статье приводится описание системы внешних и внутренних ограничений в переводческой деятельности; обсуждается необходимость включения контекста неопределённости в исследования процесса перевода; раскрывается характер неопределённости в лингвистической, герменевтической и дидактической перспективах; описывается специфика неопределённости при переводе прагматических и художественных текстов. Автор также предлагает рассматривать феномен неопределённости в переводческой деятельности с точки зрения принятия решений и проводит связь между степенью неопределённости ситуации и объёма интеллектуальных усилий переводчика. В статье также подчёркивается значимая роль феномена неопределённости для дидактики перевода и приводится краткий обзор современных методик, включающих неопределённость в контекст обучения переводу. Предлагаемые методики предполагают особые требования к подбору материала; включение в практические занятия элементов курсов по истории и общей теории перевода; дифференциацию подходов преподавателя в работе с неопределённостью в зависимости от этапа обучения студентов. На основании проанализированного материала в статье делается вывод о том, что практические занятия по переводу должны быть ориентированы на по-

вышение креативности, которое происходит в том числе при тренировке самостоятельного поиска ответа на вопросы, а также при переосмыслении опыта других переводчиков. Задача преподавателя в данном контексте заключается в том, чтобы помогать студентам распознавать неопределённость, понимать её возможные источники и осознавать тот факт, что столкновение с неопределённостью неизбежно, однако её необходимо учиться уменьшать.

Ключевые слова: перевод, переводческая деятельность, процесс перевода, неопределённость, ограничения в переводе, дидактика перевода, история перевода, процесс принятия решений, think aloud protocols, креативность переводчика

Для цитирования: Воюцкая А.А. К вопросу о неопределённости как категории теории и методологии перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 1. С. 21–34. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-21-34

Статья поступила в редакцию 03.02.2025;
одобрена после рецензирования 04.04.2025;
принята к публикации 05.04.2025.

ON THE ISSUE OF UNCERTAINTY AS A CATEGORY OF THEORY AND METHODOLOGY OF TRANSLATION

Alexandra A. Voyutskaya

Lomonosov Moscow State University, Russia

For contacts: vaniteuse@inbox.ru

Abstract. In the context of the growing interest in the psychological and cognitive aspects of translation process, one of the directions of modern translation studies is the study of the constraints accompanying translation activity. This article considers the phenomenon of uncertainty as a source of constraints in translation process. The article provides a description of the system of external and internal constraints in translation activity; discusses the necessity of including the context of uncertainty in translation process research; reveals the nature of uncertainty from linguistic, hermeneutic and didactic perspectives; describes the specificity of uncertainty in translating pragmatic and literary texts. The author also proposes to consider the phenomenon of uncertainty in translation activity in terms of decision-making and draw a connection between the degree of uncertainty of the situation and the amount of intellectual effort on the part of the translator. The article also emphasizes the significant role of

© Voyutskaya A.A., 2025

the phenomenon of uncertainty for the translation didactics and provides a brief overview of teaching practices incorporating the phenomenon of uncertainty into the context of translation training.

Keywords: translation, translation activity, translation process, uncertainty, limitations in translation, translation didactics, translation history, decision-making process, think aloud protocols, translator's creativity

For citation: Voyutskaya A.A. (2025) On the Issue of Uncertainty as a Category of Theory and Methodology of Translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 21–34. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-21-34

The article was submitted on February 03, 2025;
approved after reviewing on April 04, 2025;
accepted for publication on April 05, 2025.

Введение

В последние десятилетия отмечается устойчивый рост интереса исследователей перевода к личности переводчика. В начале второй половины XX века появилось направление исследований перевода, ориентированных на процесс (*process-oriented translation studies*). Объектом этих исследований являются психические процессы, формирующие структуру психики человека, а целью — выяснение механизмов, происходящих в сознании переводчика во время выполнения переводческой деятельности. Психику человека формирует три типа психических процессов: познавательные (мышление, восприятие, память, воображение, рефлексия), волевые (целеполагание и принятие решений) и аффективные (чувства, эмоции, аффекты) (Леонтьев, 1971). Современные исследования перевода демонстрируют, что большинство приведённых выше психических процессов активно участвуют в процессе перевода. Однако с точки зрения участия в переводческой деятельности данные процессы изучены в разной степени; более того, в отечественной науке о переводе наблюдается неравномерность в исследованиях психики устных и письменных переводчиков. Исследования психических процессов, задействуемых в *устном переводе*, позволили разработать большое количество учебно-методических материалов, направленных на тренировку разных видов памяти, внимания и концентрации. В результате подготовка профессионального устного переводчика становится проще, быстрее и эффективнее. Исследования *письменного перевода* демонстрируют существенно меньшее

внимание к личности переводчика, что затрудняет формирование необходимых компетенций при обучении письменному переводу. Несмотря на рост количества западных исследований письменного перевода, выполненных на основе методов психологии, психолингвистики и когнитивной науки, в которых детально изучаются разные подходы к преподаванию и обучению (Lee-Jahnke, 2005: 359), отечественные методики преподавания письменного перевода не включают в процесс обучения личность самого учащегося, преимущественно сосредотачиваясь на отношениях между исходным текстом и текстом перевода, а также соответствующими языками и культурами.

Система ограничений в переводческой деятельности

Одно из направлений современного переводоведения связано с исследованиями *ограничений*, которые неизбежно сопровождают переводческую деятельность. К примеру, к хорошо изученным относятся такие ограничения, как лингвистические особенности исходного текста, недостаточный уровень владения языком, временной фактор и др., формирующие систему *внешних*, ситуационных ограничений. Обычно на стадии, предшествующей переводу, и в самом процессе перевода профессиональными переводчиками принимаются во внимание преимущественно внешние ограничения. В процессе обучения студенты также учатся предвидеть и преодолевать внешние ограничения. Однако не менее важно осознавать собственные, индивидуальные свойства и состояния, которые могут выступать в качестве ограничений — т.е. систему *внутренних* ограничений. К ним относятся, например, заниженная или завышенная профессиональная самооценка переводчика, которая может проявляться в неуверенности или самоуверенности при принятии решений (Воюцкая, 2022: 24).

К менее изученным факторам, влияющим на осуществление переводческой деятельности, относится феномен *неопределённости*, которую, по нашему мнению, также следует рассматривать как ограничение переводческой деятельности. В данной статье раскрывается природа неопределённости в переводческой деятельности и обосновывается необходимость учитывать контекст неопределённости при обучении переводу.

Неопределённость как источник ограничений в переводе

Перевод — сложная деятельность, которую можно описывать с разных точек зрения. Если рассматривать перевод как деятель-

ность по принятию решений, то центральным понятием в такой перспективе будет *выбор*, который можно понимать как применение интеллектуально-личностных усилий, направленных на преодоление или снижение неопределённости ситуации (Корнилова, 2009а: 47; 2009б: 325).

Принцип неопределённости стал занимать важное место в научных исследованиях в самых разных областях. Введение принципа неопределённости как одного из основополагающих компонентов неклассической картины мира и необходимого условия получения знания явилось следствием пересмотра принципа причинности и внедрением сознания в процесс познания как его неотъемлемого участника. И. Пригожин описывает неопределённость как основной принцип бытия, где из множества альтернатив реализуется лишь одна. Психология выбора и принятия решений принимает за основу существование свободы воли и свободы выбора как следствие бытийно заданных условий неопределённости — т.е. именно неопределённость делает возможными свободу выбора и свободу воли. В таком случае любая деятельность человека, и, в особенности, интеллектуально опосредованная, оказывается способом преодоления неопределённости посредством реализации выборов (Корнилова, 2009а,б).

Перевод как человеческая деятельность, являющаяся продуктом бесчисленных актов мышления, не может не рассматриваться как последовательность актов выбора, которые являются необходимым следствием онтологически заложенной неопределённости. Возникает вопрос, каким образом неопределённость проявляется в переводческой деятельности, как она влияет на процесс перевода и существуют ли универсальные или индивидуальные стратегии преодоления этой неопределённости.

Подходы к изучению неопределённости в переводческой деятельности

Лэнс Хьюсон, исследователь из Женевского университета, называет неопределённость фундаментальным свойством перевода и говорит о том, что неопределённость в переводе может рассматриваться с разных перспектив: *лингвистической, культурологической, герменевтической, дидактической, социальной* (Hewson, 2016).

Неопределённость на *лингвистическом* уровне актуализируется всякий раз при столкновении с незнакомым словом, грамматической конструкцией и др. Более того, существуют различия в зависимости от того, в каком направлении осуществляется перевод.

Если перевод осуществляется на родной язык, неопределённость возникает из-за непонимания, где заканчивается свобода переводчика использовать ресурсы родного языка в стремлении передать индивидуальный стиль автора и где, соответственно, начинается нарушение речевой нормы. Если перевод осуществляется с родного языка, источником неопределённости выступает вопрос «аутентичности» текста, создаваемого на неродном переводчику языке (Hewson, 2016: 23).

Неопределённость можно также рассматривать в перспективе *принятия решений*. Типы решений, выделяемые в переводе, различаются с точки зрения объёма прилагаемых интеллектуальных усилий (Воюцкая, 2022: 14). Объём интеллектуальных усилий возрастает сообразно степени неопределённости ситуации. В то время как в случае автоматических решений ситуация характеризуется нулевой степенью неопределённости, по мере возрастания сложности решения переводчик сталкивается с более высоким уровнем неопределённости ситуации, где он должен задействовать креативность, воображение и готовность экспериментировать. Хьюсон высказывает в этой связи идею о *переменной неопределённости*.

С герменевтической точки зрения самый значительный источник неопределённости связан с вопросами интерпретации оригинального текста. Здесь важно понимать, что любой текст потенциально трудный, причём не только художественный, но и «прагматический» — научный, технический и др. (Hewson, 2016: 16).

К примеру, А. Кюнцли из Стокгольмского университета показал, что для студентов переводческая деятельность в целом характеризуется высокой степенью неопределённости. Он исследовал с помощью метода ТАР поведение в условиях неопределённости профессиональных переводчиков и студентов, изучающих перевод в паре языков «французский — шведский» и «французский — немецкий», на материале прагматических текстов — а именно, испытуемые переводили инструкцию по подключению телефонного аппарата.

В инструкции содержался следующий фрагмент:

“Insérez la petite fiche du bloc alimentation dans le connecteur (C): ouvrez le capot avant et le capot arrière. La petite fiche étant branchée sur le connecteur (C), faites passer le cordon dans le passe-fil (D). Refermez les capots avant et arrière” (Künzli, 2004: 35).

Дословный перевод на русский:

Вставьте маленький штекер блока питания в разъём (C): откройте переднюю и заднюю крышки. Подсоединив маленький штекер к разъёму (C), пропустите шнур через втулку (D). Закройте переднюю и заднюю крышки (перевод наш — А.В.).

При переводе данного фрагмента наибольшую сложность у большинства испытуемых вызвало двоеточие. Они продемонстрировали большую неуверенность в интерпретации этого элемента текста и приложили значительные интеллектуальные усилия для того, чтобы с учётом этого знака адаптировать синтаксис к языку перевода. Испытуемым было неясно, какую логическую функцию выполняет это двоеточие: отношения цели, уточнение или последовательность действий. Проблема заключалась в том, что согласно приложенной к инструкции схеме, речь шла о последовательности действий, однако испытуемые изучили корпус параллельных текстов и не нашли ни в одном случае, где идущие последовательно действия графически разделялись бы двоеточием.

Сам Кюнцли написал монографию по результатам своего эксперимента, одна из частей которой называется “*Ce deux-point me rend fou*” («Это двоеточие сводит меня с ума», перевод наш — А.В.). Автор эксперимента пришёл к выводу, что в описанном случае имела место ошибка автора, заключающаяся в несовпадении вербалики и прагматики. Инструкции должны быть чёткими и однозначными, а в данном случае один знак пунктуации предполагал множественность интерпретаций. На основании своих исследований Кюнцли сделал вывод, что *стратегии борьбы с неопределённостью во многом зависят от опыта*: профессиональные переводчики в большей степени привязаны к исходному тексту (ИТ), чем студенты, и ищут ответы в тексте, стараясь разобраться во всех деталях, в отличие от студентов, которые более склонны нарушать логические связи ИТ в пользу своих личных ожиданий и демонстрируют произвольное отношение к ИТ; профессиональные переводчики более открыто признают, что сталкиваются с неопределённостью, при этом они гораздо реже используют стратегию обращения к автору ИТ для снятия неопределённости — лишь в тех случаях, когда испробованы все остальные стратегии (Künzli, 2003).

При переводе прагматических текстов существует ещё один источник неопределённости, связанный с *переводом с языка, неродного автору* (обычно это английский). В таком случае переводчик демонстрирует повышенные сомнения относительно лингвистиче-

ской корректности ИТ и склонен задаваться вопросом, то ли автор сказал, что имел в виду (Hewson, 2016: 24).

В случае с *художественным переводом* неопределённость оказывается намеренно «вплетённой» в текст оригинала самим автором: рисуя картину описываемых событий, автор сознательно погружает читателя в ситуацию неопределённости, поскольку момент предвосхищения событий усиливает у читателя эмоциональный отклик.

Словами Ю.М. Лотмана,

неизвестность выбора позволяет приписывать значимость всему. <...> На самом деле, именно незнание того, выстрелит [чеховское] ружье или нет, <...> придаёт моменту сюжетную значимость (Лотман, 1992: 27).

В результате столкновения с неопределённостью у переводчика, ещё не совершившего выбор, формируется предвосхищающий образ, представляющий в терминологии Лотмана «пучок возможностей». Снятие неопределённости, если интерпретировать Лотмана с данной перспективы, происходит в тот момент, когда переводчик, *выступая в роли читателя*, выходит из сюжетного настоящего, описанного в конкретной картине и, *действуя уже как переводчик*, сужает «пучок возможностей» до нескольких подходящих вариантов. Этот момент Лотман называет «моментом взрыва» — местом «резкого возрастания информативности всей системы» (Там же: 28).

Эта *двойная перспектива переводчика* также служит источником неопределённости. Переводчик — не обычный читатель; он читает с оглядкой на последующий процесс перевода, одновременно мобилизуя все имеющиеся ресурсы для глубокой интерпретации текста. Он вовлечён в глубинное понимание культуры оригинала, но нацелен неизменно на собственную, и, в отличие от читателя — носителя принимающей культуры — и автора — носителя исходной культуры, — он «раздваивается» между двумя, и только это позволяет опытному переводчику видеть «серые зоны», которые не увидеть при обычном чтении.

Ещё одним источником неопределённости выступает *читатель* — т.е. получатель перевода, о котором фактически ничего не известно. Более того, у исследователей-теоретиков также нет единого мнения о том, на какую аудиторию переводчику следует ориентироваться (и следует ли вообще её учитывать). Например, французский теоретик перевода А. Берман считает, что оглядываться на читателя — это предательство (Berman 1985: 85). В этой связи

нельзя не упомянуть концепцию образцового читателя У. Эко, который описал идеального читателя как «комплекс благоприятных условий <...>, которые должны быть выполнены, чтобы каждый текст полностью актуализировал своё потенциальное содержание», в противовес читателю эмпирическому, или массовому — которому текст интересен лишь как средство получения информации (Эко, 2016: 31). Источником неопределённости служит как незнание, на какой тип читателя ориентироваться, так и в случае, если переводчик ориентируется на конкретную аудиторию, невозможность создания «портрета» среднего читателя.

Роль феномена неопределённости в дидактике перевода

Изучение всех вышеперечисленных перспектив важно прежде всего для *дидактики перевода*. Переводчик неизбежно сталкивается с неопределённостью на всех этапах своей работы, однако воспринимать её можно как в негативном, так и в позитивном ключе. Поскольку начинающие переводчики не осведомлены об источниках неопределённости и о стратегиях её уменьшения, она может вызывать чувство бессилия. В этой связи снова обратимся к Хьюсону, который полагает, что одна из задач преподавателя перевода — научить студента стратегиям снижения неопределённости, и считает необходимым включить эти практики в занятия по переводу.

Хьюсон делит работу преподавателя и студента на несколько этапов. Он полагает, что на начальном этапе обучения переводу студенты демонстрируют «уверенность новичка» и склонны видеть в процессе перевода преимущественно определённость. На этом этапе работа преподавателя заключается в том, чтобы *познакомить студента с источниками неопределённости, помочь студенту их видеть и тренировать самостоятельный поиск решений, не поддаваясь соблазну дать готовый ответ, которого студент ждёт*, но который парализует процесс приобретения навыков. Самое важное на этом этапе — *дать понять, что неопределённость — неизбежное свойство перевода*. Поэтому понимание студентом ошибочности своих действий и осознание не вполне удовлетворительного результата своей работы — это не только нормальная практика, но и необходимая, поскольку она тренирует студента быть готовым к неопределённости и бороться с ней. Финальный этап обучения характеризует понимание того факта, что единственная определённость в переводе — это *понимание сущности перевода и осознание собственных ресурсов* (т.е. стратегий уменьшения неопределённости). В таком случае неопределённость

становится более видимой, повышает бдительность переводчика и становится помощником (Hewson, 2016: 24–25). Таким образом, понимание многочисленных источников неопределённости не только позволяет студентам формировать стратегии уменьшения неопределённости, но и повышает их мотивацию к достижению хорошего результата, а не «посредственного» — что может возникать у студента при ощущении собственного бессилия из-за высокого уровня неопределённости.

Такое понимание неопределённости может также помочь объяснить студенту необходимость развития естественных навыков перевода (без помощи инструментов автоматического перевода). В этом плане «помощь» в виде использования машинного перевода оказывает студентам медвежью услугу: если на начальных этапах вместо перевода студент тренирует навык постмашинного редактирования, он сталкивается с неопределённостью совершенно иной природы, не учится обнаруживать и осознавать источники неопределённости и не тренирует стратегии по её уменьшению.

Исследователь из Канского университета И. Валлер также считает, что знания о неопределённости необходимо формировать у студентов до выхода на рынок труда. Она утверждает, что преподавателю важно как подбирать материал, помогающий анализировать источники и способы уменьшения неопределённости, так и знакомить студентов с когнитивно-психологическими аспектами тех явлений, которые тесно связаны с переводческой деятельностью. К примеру, современные когнитивные исследования с применением МРТ показали, что человек в оптимистичном расположении духа в гораздо большей степени склонен к озарению и креативности, а человек в дурном расположении духа — к ригидности мышления (Wallaert, 2016: 168). Валлер обсуждала со студентами на практических занятиях по переводу различные переводы на французский и английский «Задачи переводчика» В. Беньямина и продемонстрировала, что выдающиеся переводчики прошлого также были не чужды сомнений и у них не было готового решения многих переводческих проблем (Wallaert, 2016: 169).

Исследователь из Мельбурнского университета В. Дюше-Гаве исследует опыт эпохи Возрождения и считает, что его можно использовать, чтобы помочь студентам осознать тот факт, что неопределённость — это нормальное и неотъемлемое свойство перевода. Она утверждает, что с неопределённостью сталкивались переводчики любой эпохи, однако источники неопределённости меняются в зависимости от эпохи (Duché-Gavet, 2016: 61). К примеру, раньше

большое влияние на уровень неопределённости оказывало качество носителя и степень сохранности материала. При переходе к книгопечатанию возникали проблемы с типографиями, а оригинальные произведения, с которыми работали переводчики, зачастую были с дефектами. Ещё больше затрудняло работу переводчика отсутствие таких инструментов, как словари, лексиконы и грамматики (Duché-Gavet, 2016: 68). Переводчики эпохи Возрождения, как и современные переводчики, также сталкивались с проблемами взаимодействия культур, однако проявлялись они иначе: людям эпохи Возрождения было труднее отказаться от эгоцентрической перспективы, поэтому переводы зачастую превращались в вольный пересказ оригинала, где от исходной культуры почти ничего не оставалось (Duché-Gavet, 2016: 62). Дюше-Гаве анализирует стратегии по снижению неопределённости переводчиков прошлых лет и обсуждает их со своими студентами, совмещая практические занятия по переводу с занятиями по истории перевода, помогая студентам переосмысливать опыт переводчиков прошлого, чтобы помочь им формировать стратегии работы в условиях неопределённости в настоящем.

Заключение

Очевидно, что на основании вышесказанного невозможно сформулировать частные методические рекомендации, поскольку они должны опираться на конкретные параметры обучающихся (их уровень владения иностранным языком, опыт переводческой деятельности, размеры групп и др.), учебные программы, тексты, с которыми предполагается работа и др. Тем не менее, проанализированный материал позволяет нам определить основные векторы, направляющие деятельность исследователей и преподавателей перевода. Как было сказано выше, начинающие студенты воспринимают перевод как определённость, и задача преподавателя заключается прежде всего в том, чтобы помочь студенту увидеть неопределённость, понять её возможные источники и осознать тот факт, что столкновение с неопределённостью неизбежно, однако её необходимо учиться уменьшать. Этому способствует повышение креативности, которое происходит в том числе при тренировке самостоятельного поиска ответа на вопросы, переосмыслении опыта других переводчиков, а также благодаря приобретению собственного опыта; всё это в результате приводит к тому, что студент воспринимает неопределённость не как угрозу, а как вызов и возможность проявить себя.

Список литературы

Воюцкая А.А. Перевод как процесс принятия решений: автореф. ... дис. канд. фил. наук. М., 2022. 277 с.

Корнилова Т.В. Неопределённость, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека // Методология и история психологии. Т. 4, 2009. № 4. С. 47–59.

Корнилова Т.В. Преодоление субъектом неопределённости при принятии решений // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 325–338.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 270 с.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 273 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Corpus, 2016. 640 с.

Berman A. (1985) La traduction et la lettre — ou l'auberge du lointain. In: Antoine Berman, Gérard Granel et Annick Jaulin, dir. *Les tours de Babel: essais sur la traduction*. Mauvezin: Trans-Euro-Repress, pp. 31–150.

Darò V., Fabbro F. (1994) Verbal memory during simultaneous interpretation: Effects of phonological interference. *Applied Linguistics*. Vol. 15. No. 4, pp. 365–381.

Darwish A. (2008) *Optimality in Translation*. Melbourne: Writescop Publishers. 318 p.

Duché-Gavet V. (2016) “... ce que je ne doute”: traduire à la Renaissance. Meta: *Journal des traducteurs*. Meta: *Translators' Journal*. Vol. 61. No. 1, pp. 60–77.

Hewson L. (2016) Les incertitudes du traduire. Meta: *Journal des traducteurs*. Meta: *Translators' Journal*. Vol. 61. No. 1, pp. 12–28.

Künzli A. (2003) Quelques stratégies et principes en traduction technique français-allemand et français-suédois. *Forskningsrapporter. Cahiers de la recherche* 21. Stockholm: Stockholms universitet. 265 p.

Künzli A. (2004) Risk taking: trainee translators vs professional translators. *Jostrans, The Journal of Specialised Translation*, pp. 34–49.

Lee-Jahnke H. (2005) New cognitive approaches in process-oriented translation training. Meta: *Journal des traducteurs*. Meta: *Translators' Journal*. Vol. 50. No. 2, pp. 359–377.

Wallaert I. (2016) Hermeneutic Uncertainty and Prejudice. Meta: *Journal des traducteurs*. Meta: *Translators' Journal*. Vol. 61. No. 1, pp. 165–186.

References

Berman A. (1985) La traduction et la lettre — ou l'auberge du lointain. In: Antoine Berman, Gérard Granel et Annick Jaulin, dir. *Les tours de Babel: essais sur la traduction*. Mauvezin: Trans-Euro-Repress, pp. 31–150.

Darwish A. (2008) *Optimality in Translation*. Melbourne: Writescope Publishers. 318 p.

Darò V., Fabbro F. (1994) Verbal memory during simultaneous interpretation: Effects of phonological interference. *Applied Linguistics*. Vol. 15, 1994. No. 4, pp. 365–381.

Duché-Gavet V. (2016) “... ce que je ne doute”: traduire à la Renaissance. *Meta: Journal des traducteurs*. *Meta: Translators' Journal*. Vol. 61. No. 1, pp. 60–77.

Eco U. (2016) Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta = The role of the reader. Moscow: Corpus. 640 p. (In Russian).

Hewson L. (2016) Les incertitudes du traduire. *Meta: Journal des traducteurs*. *Meta: Translators' Journal*. Vol. 61. No. 1, pp. 12–28.

Kornilova T.V. (2009) Neopredelyonnost', vybor i intellektual'no-lichnostnyy potencial cheloveka = Uncertainty, Choice and Intellectual and Personal Potential of a Person. *Metodologiya i istoriya psihologii*. Vol. 4. No. 4, pp. 47–59 (In Russian).

Kornilova T.V. (2009) Preodolenie subjektom neopredelennosti pri prinyatii reshenij = Overcoming Uncertainty by the Subject in Decision-making. Subjektivnyy podhod v psihologii. Pod red. A.L. Zhuravleva, V.V. Znakova, Z.I. Ryabikinoj, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, pp. 325–338 (In Russian).

Künzli A. (2003) Quelques stratégies et principes en traduction technique français-allemand et français-suédois. *Forskningsrapporter. Cahiers de la recherche* 21. Stockholm: Stockholms universitet. 265 p.

Künzli A. (2004) Risk taking: trainee translators vs professional translators. *Jostrans, The Journal of Specialised Translation*, pp. 34–49.

Lee-Jahnke H. (2005) New cognitive approaches in process-oriented translation training. *Meta: Journal des traducteurs*. *Meta: Translators' Journal*. Vol. 50. No. 2, pp. 359–377.

Leontiev A.N. (1971) Potrebnosti, motivy i emotsii = Needs, motives and emotions. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 270 p. (In Russian).

Lotman J.M. (1992) Kul'tura i vzryv = Culture and explosion. Moscow: Gnozis; Izdatel'skaya gruppa “Progress”. 273 p. (In Russian).

Voyutskaya A.A. (2022) Perevod kak protsess prinyatiya reshenij = Translation as a decision-making process: avtoref... dis. kand. fil. nauk. Moscow. 277 p. (In Russian).

Wallaert I. (2016) Herméneutique Uncertainty and Prejudice. *Meta: Journal des traducteurs*. *Meta: Translators' Journal*. Vol. 61. No. 1, pp. 165–186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Воюцкая Александра Анатольевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1-й учебный корпус; vaniteuse@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexandra A. Voyutskaya — Cand. Sc. (Philology), Senior lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia. Moscow, Leninskie gory, Moscow State University, GSP-2, 1st academic building; vaniteuse@inbox.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.581.11

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-35-44

ПЕРЕВОД И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В КИТАЕ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Ли Танбо, Ян Линь

Сианьский университет Цзяотун, Сиань, провинция Шэньси, КНР

Для контактов: ltb-mc2011@hotmail.com; llzyl-007@163.com

Аннотация. Перевод играет важную роль в развитии потенциала международной коммуникации. С историческим переходом от «перевода с иностранного языка на китайский» к «переводу с китайского языка на иностранный» Китай постепенно развивает теоретические основы и накапливает практический опыт для укрепления национального переводческого потенциала и наращивания международного коммуникационного потенциала посредством непрерывных исследований в области перевода и переводоведения. В статье на основе цифр и фактов анализируется текущая ситуация и перспективы развития переводческой деятельности и международной коммуникации в Китае.

Ключевые слова: перевод, межкультурный коммуникационный потенциал, Китай, цифры, факты

Благодарность: данная работа выполнена при поддержке гранта на важный научно-исследовательский проект Национального фонда философии социальных наук Китая (21&ZD320).

Для цитирования: Ли Танбо, Ян Линь. Перевод и развитие международного коммуникационного потенциала в Китае: цифры и факты // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 1. С. 35–44. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-35-44

Статья поступила в редакцию 25.07.2024;
одобрена после рецензирования 20.04.2025;
принята к публикации 24.04.2025.

TRANSLATION AND THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COMMUNICATION CAPACITY IN CHINA: FIGURES AND FACTS

Li Tangbo, Yang Lin

Xi'an Jiaotong University, Xi'an, Shaanxi Province, China

For contacts: ltb-mc2011@hotmail.com; llzyl-007@163.com

Abstract. Translation plays an important role in developing the capacity of international communication. With the historical transition from “translation from foreign languages into Chinese” to “translation from Chinese into foreign languages”, China will gradually develop theoretical foundations and accumulate practical experience to strengthen national translation competence and build international communication capacity through continuous research into translation and translation studies. The paper analyses the current situation and prospects of the development of translation activity in China based on figures and facts.

Keywords: translation, cross-cultural communication capacity, China, figures, facts

Funding: this work was supported by the National Social Science Foundation of China (Major program) (21&ZD320).

For citation: *Li Tangbo, Yang Lin* (2025) Translation and the development of international communication competence in China: figures and facts. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 1. P. 35–44. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-35-44

The article was submitted on July 25, 2024;
approved after reviewing on April 20, 2025;
accepted for publication on April 24, 2025.

1. Введение

В отсутствие коренного изменения ситуации международных СМИ Китай выдвинул реалистичное предложение относительно формирования межкультурного коммуникационного потенциала. 1 июля 2023 года вступил в силу «Закон о внешней политике Китайской Народной Республики», в котором впервые было представлено обоснование межкультурного коммуникационного потенциала. Перевод является важной предпосылкой и основным способом

международной коммуникации. Как известно, в области международной коммуникации переводческое дело всегда признавалось центром эффективным способом её развития (尚亚宁, 王启龙 / Шан Янин, Ван Цилун, 2023: 107–111).

В условиях исторического перехода от «перевода с иностранных языков на китайский» к «переводу с китайского языка на иностранные» страна постепенно разрабатывает теоретические основы и накапливает практический опыт по укреплению национального переводческого потенциала и наращиванию международного коммуникационного потенциала в ходе непрерывных исследований в области перевода и переводоведения.

2. Взаимосвязь переводческого дела и международного коммуникационного потенциала в Китае

Как уже было сказано выше, перевод составляет ядро международного коммуникационного потенциала. Его содержание включает знания, связанные с межкультурными, географическими и межнациональными атрибутами. Поскольку страны находятся в разных геокультурных пространствах, представления о чужой культуре часто основываются на ресурсах тех или иных СМИ, к числу которых мы относим прессу, книги, кино- и телевизионные программы, Интернет и т.д. При этом соответствующее их восприятие и понимание, конечно, требуют перевода (吴赞 / У Юнь, 2022: 12–22).

Увеличение международного коммуникационного потенциала предполагает тесную взаимосвязь между переводом и коммуникацией. Такое их сочетание способствует высокому развитию медиапространства, и «переводческая коммуникация» как новое понятие всё чаще используется в научном обиходе.

Профессор Хуан Юи считает, что «коренная связь между переводом и международного коммуникационного потенциала связана напрямую с подготовкой талантов, которые на иностранных языках были бы способны знакомить иноязычную аудиторию с положением в китайском обществе. Поэтому пути достижения качественного образования по специальности «перевод» вызывают большой интерес со стороны исследователей» (黄友义, 王少爽 / Хуан Юи, Ван Шаошун, 2022: 3–21).

С помощью перевода осуществляется непосредственное распространение в мире китайской культуры и её взаимодействие между культурами других стран. Поэтому переводческое дело может реально воздействовать на международный дискурс с тем,

чтобы страна имела возможность взять на себя инициативу в глобальной медиасфере и была бы конкурентоспособна в данной области.

Отметим, что несмотря на три года пандемии, китайское переводческое дело в целом демонстрирует тенденцию к быстрому росту. В 2023 году вышел в свет «Отчёт о развитии индустрии перевода и языковых услуг в Китае», который был подготовлен Китайской ассоциацией переводчиков. В этом документе заслуживают внимания статистическая информация. Например, из него мы можем узнать, что общая годовая продукция предприятий, которые в основном занимаются переводом и языковыми услугами в Китае, в конце 2022 года составляла 650,05 млрд юаней. По сравнению с 2015 г. этот показатель вырос на 130,3%. В документе также указывается, что в 2022 году число самих предприятий в данной отрасли насчитывалось 10529, а в 2015 году их было только 7400, что свидетельствует о динамичном развитии индустрии перевода и языковых услуг в Китае.

Что касается специализации, то информационно-коммуникационные технологии, трансграничная электронная коммерция, дополнительное образование входят в тройку лидеров по объёму бизнеса в сегменте переводческих и языковых услуг. Относительно переводчиков можно сказать, что их число в Китае продолжает неуклонно расти и впервые превысило 6 миллионов. Среди них число штатных переводчиков остаётся стабильным и составляет около 920 000 человек. Число переводчиков, работающих на полставки, достигло 5,09 млн человек.

Авторы статистического исследования отмечают, что спрос на переводчиков политического дискурса на английском и русском языках постоянно растёт, а языковые потребности становятся всё более разнообразными и касаются уже самых разных сфер производственной деятельности.

В последние годы также вырос спрос на языки стран вдоль «Одного пояса, одного пути», например, на русский язык — он поднялся с 5–6-го на 2-е место в 2022 году.

Что касается развития и инноваций в области машинного перевода, то количество китайских компаний, которые занимаются этой деятельностью, постоянно увеличивается. Если в 2021 году было 252 предприятия, то к концу 2022 года их число достигло до 588. Соответствующие предприятия, в основном частные, находятся на территории провинций Гуандун, Шаньдун, Чжэцзян и в некоторых других местах.

Цифры и факты убедительно свидетельствуют о том, что китайские компании, предоставляющие языковые услуги, находятся в постоянном развитии, при этом совершенствуется их техническое обеспечение, что значительно повышает эффективность перевода и способствует распространению сфер использования машинного перевода.

Рост компаний, предоставляющих переводческие услуги, в значительной степени помогают СМИ повысить эффективность международной коммуникации. Например, в октябре 2022 года состоялся 20-й съезд КПК, и центральные СМИ проделали большую работу по распространению его идей за рубежом. Было впервые охвачено 233 страны и региона по всему миру, прямая трансляция велась на 68 языках.

Другим наглядным примером эффективности работы китайских СМИ с использованием иностранных языков являются зимние Олимпийские игры в Пекине, прошедшие в феврале 2022 года. Там был организован центр языковой поддержки, возглавляемый Пекинским университетом иностранных языков. Работа этого центра шла круглосуточно, специалисты оказывали своевременную помощь в решении многих вопросов, связанных с предоставлением языковых услуг.

Можно утверждать, что международная коммуникация стала инновационной областью, в развитии которой заинтересованы как её непосредственные участники, так и специалисты, обеспечивающие подготовку высококвалифицированных кадров для переводческой деятельности.

3. Интегрированное развитие в целях активного продвижения применения новых технологий в области перевода

В последние годы интегрированное развитие таких новых технологий, как искусственный интеллект, большие данные и облачные вычисления, открыло новые области для развития перевода, его новых форматов, среди которых имеется дистанционный перевод и онлайн-синхронный перевод.

Изданная в 2023 году в Китае «Синяя книга о технологиях и промышленных применениях машинного перевода» показывает, что машинный перевод нейронных сетей является его основным методом. Под влиянием многих факторов, среди которых технологические инновации и социальное развитие, машинный перевод постепенно демонстрирует тенденцию к масштабированию, много-

профильности, многоязычию и трансмодальности, и его сценарии применения постоянно расширяются.

Китайское правительство всемерно поощряет технологические инновации, изучение новых моделей «Интернет + Перевод» для интеллектуального, контекстуализированного, визуализированного, интегрированного и сетевого взаимодействия, продвигая перевод на более высокий уровень цифровизации и интеллектуализации.

Также оказывается поддержка со стороны китайского бизнес-сообщества в деле подготовки высококачественных переводчиков, которые владеют современными информационными технологиями. Развитие и применение технологии машинного перевода оказало глубокое влияние на индустрию перевода и лингвистических услуг. 90,1% компаний по переводу и лингвистическому обслуживанию считают, что использование модели «машинный перевод + постредактирование» позволяет повышать эффективность переводческой работы и конкурентоспособность на рынке языковых услуг, и тем самым расширять пространство для увеличения объёма бизнеса.

Активное применение и совершенствование машинного перевода придаёт новый импульс традиционной индустрии перевода, некоторые из которых были проигнорированы или даже брошены из-за неудобства и высокой стоимости перевода, выполненного человеком. В их число входят услуги языкового сопровождения в поездках за границу, локализация веб-сайтов электронной коммерции с изобильной информацией, мгновенный перевод информации в социальных сетях и т.д. Объём указанной деятельности может расти быстрее по мере развития технологий машинного перевода.

Кроме того, нельзя не заметить активный процесс совершенствования и наращивания международного коммуникационного технологического потенциала. Так, в декабре 2022 года была официально запущена «Платформа обслуживания национальных языковых ресурсов», которая объединяет почти 100 высококачественных языковых ресурсов и услуг, которые предоставляют почти 50 организаций. Указанные ресурсы охватывают такие важные направления, как языковое образование, языковая культура, перевод языков, языковые технологии и т.д. С учётом социальных потребностей и возможностей практического применения были выпущены почти 20 проектов языковых услуг, а также был создан авторитетный веб-сайт, объединяющий наибольшее количество языковых ресурсов в стране, и демонстрационная платформа для наращивания потенциала национальных языковых служб.

4. Укрепление переводческого дела путём создания команды высококвалифицированных переводчиков

Персонал является основной поддержкой для укрепления потенциала национального перевода и построения китайской системы дискурса и повествования. С этой целью оказывается всемерная поддержка со стороны государства.

Во-первых, Китай активно реализует план по формированию высококвалифицированных команд, тем самым создаёт и совершенствует национальный резерв переводчиков на разных языках, в различных областях и на разных уровнях в соответствии с приоритетами национальных потребностей.

Во-вторых, под руководством правительства осуществляется деятельность Комитета по проверке экспертов по переводу на все языки и Союза языковых, образовательных и культурных организаций «Один пояс, один путь», а также разрабатывается механизм обмена языковыми специалистами и научно-практическими проектами.

В-третьих, специальными ведомствами создаются программы для специализированного обучения языковым навыкам, ориентированным на международную коммуникацию. Это объясняется тем, что информационно-техническая грамотность переводчика определяет широту, глубину переводческой коммуникации, которая позволит нивелировать разрыв между языковыми и неязыковыми знаками, превратить мономодальный перевод в многомодальный перевод.

13 сентября 2022 года Комитетом по академическим степеням Госсовета и Министерством образования были изданы «Каталог специальностей в области последипломного образования (2022 год)» и «Меры по управлению профессиональными каталогами в области последипломного образования», в которых специальность по переводу была включена в категорию профессиональных степеней в области литературы, что позволяет не только присуждать магистерскую степень специалиста по переводу (МТИ), но и докторскую (ДИ). Это является важной вехой в развитии профессионального образования в области перевода и переводоведения в Китае.

5. Заключение

Анализ документов, подкреплённый цифрами и фактами, убеждает нас в том, что выбор и использование средств массовой информации и качественное предоставление переводческих услуг

непосредственно влияют на эффективность международной коммуникации.

Что касается использования инновационных средств, мы должны адаптироваться к законам коммуникации в эпоху Интернета, реализовать взаимодействие официальных и неофициальных СМИ и одновременно уделять особое внимание строительству цифровых платформ и роли социальных сетей.

Можно сказать с уверенностью, что качество и эффективность перевода напрямую влияют на формирование международного имиджа государства. Повышение национальной переводческой компетенции имеет решающее значение для укрепления потенциала Китая в области международной коммуникации.

Список литературы

Ду Чжаньюань. Содействие формированию национального переводческого потенциала в целях обслуживания общей работы партии и государства — выступление на первом заседании 8-го Совета Китайской ассоциации переводчиков // Перевод в Китае, 2022. № 3. С. 5–10.

Лань Хунцзюнь. Теоретическое построение национального переводческого потенциала: ценности и цели // Перевод в Китае, 2021. № 4. С. 20–25.

У Юнь. Укрепление международного коммуникационного потенциала и будущее направления развития переводческой науки // Вестник Шанхайского университета Цзяотун (философия и социальные науки), 2022. № 1. С. 12–22.

Хуан Юйи, Ян Пин, Син Ютан. Инновационная модель профессионального образования в области перевода при подготовке высококвалифицированных переводчиков в новую эпоху — обзор симпозиума по подготовке аспирантов в области перевода // Перевод в Китае, 2023. № 1. С. 12–15.

Хуан Юйи, Ван Шаошуан. Наука о переводе и формирование международного коммуникационного потенциала в Китае в контексте новых гуманитарных наук — Интервью профессора Хуан Юйи // Лингвистическое образование, 2022. № 3. С. 3–21.

Шан Янин, Ван Цилун. Путь развития переводческой деятельности в Китае с точки зрения формирования международного коммуникационного потенциала // Народный форум: Академический фронт, 2023. № 6. С. 107–111.

References

杜占元. 2022. 《推动国家翻译能力建设 服务党和国家工作大局——在中国译协第八届理事会第一次会议上的讲话》. 中国翻译 43(03): 5–10.

Du Zhanyuan. (2022) Sodejstvie formirovaniyu nacional'nogo perevodcheskogo potentsiala v celyah obsluzhivaniya obshchej raboty partii i

gosudarstva — vystuplenie na pervom zasedanii 8-go Soveta Kitajskoj associacii perevodchikov = Promoting National Translation Capacity to Serve the Overall Work of the Party and the Country — Speech at the First Meeting of the 8th Council of the Translators Association of China. *Perevod v Kitae*. No. 3, pp. 5–10 (In Chinese).

黄友义, 杨平, 邢玉堂. 2023. 《创新翻译专业教育模式 培养新时代高层次翻译人才——翻译专业学位博士研究生培养调研座谈会综述》. 中国翻译 44(01): 12–15.

Huang Youyi, Yang Ping, Xing Yutang. (2023) Innovacionnaya model' professional'nogo obrazovaniya v oblasti perevoda pri podgotovke vysokokvalificirovannyh perevodchikov v novuyu epohu — obzor simpoziuma po podgotovke aspirantov v oblasti perevoda = Innovation of Translation Education Model and Training of High-level Translation Talents in the New Era: A Survey on the Training of Doctoral Students in Translation. *Perevod v Kitae*. No. 1, pp. 12–15 (In Chinese).

黄友义, 王少爽. 2022. 《新文科背景下我国翻译学科与国际传播能力建设——黄友义先生访谈录》. 语言教育 10(03): 3–21.

Huang Youyi, Wang Shaoshuang. (2022) Nauka o perevode i formirovanie mezhdunarodnogo kommunikacionnogo potentsiala v Kitae v kontekste novykh humanitarnykh nauk. Interv'y u professora Huan Yui = Developing China's Translation Discipline and International Communication Capacity in the Context of New Liberal Arts — An Interview with Mr. Huang Youyi. *Lingvisticheskoe obrazovanie*. No. 3, pp. 3–21 (In Chinese).

蓝红军. 2021. 《国家翻译能力的理论建构：价值与目标》. 中国翻译 42(04): 20–25.

Lan Hongjun. (2021) Teoreticheskoe postroenie nacional'nogo perevodcheskogo potentsiala: cennosti i celi = The Theoretical Construction of National Translation Capacity: Values and Goals. *Perevod v Kitae*. No. 4, pp. 20–25 (In Chinese).

尚亚宁, 王启龙. 2023. 《国际传播能力建设视域下我国翻译事业发展路径》. 人民论坛·学术前沿 (06): 107–111.

Shang Yaning, Wang Qilong. (2023) Put' razvitiya perevodcheskoj deyatel'nosti v Kitae s tochki zreniya formirovanie mezhdunarodnogo kommunikacionnogo potentsiala = The Development Approach to China's Translation Cause: A Perspective of International Communication Competence Enhancement. *Narodnyj forum: Akademicheskij front*. No. 6, pp. 107–111 (In Chinese).

吴赞. 2022. 《国际传播能力建设与翻译学发展的未来向度》. 上海交通大学学报 (哲学社会科学版) 30(01): 12–22.

Wu Yun. (2022) Ukreplenie mezhdunarodnogo kommunikacionnogo potentsiala i budushchie napravleniya razvitiya perevodcheskoj nauki = Construction of International Communication Capacity and Future Development of Translation Studies *Vestnik Shanhajskogo universiteta Czyaotun (filosofiya i social'nye nauki)*. No. 1, pp. 12–22 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ли Танбо — аспирант, Институт марксизма Сианьского университета Цзяотун, № 28, проспект Сяньнинсилу, 710049, Сиань, Китай; ltb-mc2011@hotmail.com

Ян Линь — профессор, доктор философии, Институт журналистики и новых медиа Сианьского университета Цзяотун, № 28, проспект Сяньнинсилу, 710049, Сиань, Китай; llzyl-007@163.com

ABOUT THE AUTHORS:

Li Tangbo — PhD Student at the School of Marxism, Xi'an Jiaotong University. Xi'an, China, No. 28, Xianning West Road, Xi'an, Shaanxi, China. 710049; ltb-mc2011@hotmail.com

Yang Lin — Prof. Dr., School of Journalism and New Media, Xi'an Jiaotong University; Xi'an, China, No. 28, Xianning West Road, Xi'an, Shaanxi, China. 710049; llzyl-007@163.com

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-45-62

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Цзу Сюецин

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

Для контактов: xq_zu@163.com

Лю Цзинпэн

Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: liudabao7777@gmail.com

Аннотация. Вслед за стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (AI) переводческая индустрия претерпела беспрецедентные изменения. Технологии ИИ не только трансформировали методы перевода, но и выдвинули новые требования к профессиональным компетенциям переводчиков. В настоящей статье обсуждается содержание переводческих компетенций и пути их трансформации в эпоху ИИ, анализируются новые аспекты переводческих навыков, а также в целях подготовки новых, комплексных, отвечающих требованиям эпохи специалистов в области перевода, предлагается модель обучения, представляющая синергию технологии и гуманитарных наук.

Ключевые слова: ИИ; переводческие компетенции; влияние технологий; трансформация компетенций

Для цитирования: Цзу Сюецин, Лю Цзинпэн. Трансформация переводческих компетенций в эпоху технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025, № 1. С. 45–62. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-45-62

Статья поступила в редакцию 05.03.2025;
одобрена после рецензирования 09.04.2025;
принята к публикации 14.04.2025.

TRANSFORMATION OF TRANSLATION COMPETENCIES IN THE ERA OF AI TECHNOLOGIES

Zu Xueqing

Heilongjiang University, Harbin, China

For contacts: xq_zu@163.com

Liu Jingpeng

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: liudabao7777@gmail.com

Abstract. Following the rapid development of artificial intelligence (AI) technologies, the translation industry has undergone unprecedented changes. AI technologies have not only transformed translation methods, but also put forward new requirements for translators' professional competencies. This paper discusses the content of translation competencies and the ways of their transformation in the AI era, analyzes new aspects of translation skills, and proposes a training model representing the synergy of technology and humanities in order to train new, comprehensive translation professionals to meet the requirements of the era.

Keywords: AI; translation competencies; impact of technology; transformation of competencies

For citation: Zu Xueqing, Liu Jingpeng. (2025) Transformation of translation competencies in the era of AI technologies. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 1. P. 45–62. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-45-62

The article was received on March 05, 2025;
approved for reviewing on April 09, 2025;
accepted for publication on April 14, 2025.

Введение

Вслед за стремительным развитием ИИ переводческая индустрия претерпела беспрецедентные изменения. Нейронный машинный перевод (NMT) и большие языковые модели (к примеру, ChatGPT или другие передовые инструменты ИИ) благодаря способности к переводу высокой точности уже широко применяются в новостной сфере, юриспруденции, медицине и иных важнейших отраслях, что в значительной мере повысило эффективность и ка-

© Zu Xueqing, Liu Jingpeng, 2025

чество перевода. Данная тенденция способствует реорганизации системы переводческих навыков. Традиционные стандарты оценки, ориентированные на способность переключаться с одного языка на другой, уже не могут в полной мере удовлетворить всё возрастающие требования точности перевода.

Технологическое развитие в цифровую эпоху «разрушило традиционную парадигму гуманитарных исследований и способ производства знаний» (Пэн Цинлун, 2024: 23). В таких условиях цифровая грамотность и способность применять ИИ стали неотъемлемыми навыками конкурентоспособного переводчика в новую эпоху. Однако владеть исключительно техническими навыками недостаточно, переводчику также необходимо обладать глубокими гуманитарными знаниями, чтобы гарантировать точность, гладкость и культурную адаптацию перевода. Поэтому интегрированное применение технологий и гуманитарных наук становится ключом к трансформации навыков переводчика.

Данное исследование сконцентрировано на содержании новых переводческих компетенций и способах их трансформации в эпоху ИИ. В исследовании рассматриваются новые аспекты компетенций, на основании которых предлагается новая модель обучения «технологии + гуманитарные науки». Данная модель обучения направлена на подготовку высококвалифицированных переводчиков, не только способных осуществлять перевод с одного языка на другой, но и гибко использовать инструменты ИИ, а также обладающих глубокими знаниями в области гуманитарных наук. При помощи усиления интеграции технологии и гуманитарных наук данное исследование указывает новое направление развития переводческого образования и обеспечивает надёжную теоретическую поддержку для переводческой практики.

I. Прогресс в применении ИИ в переводческой отрасли

1. Ход развития и современное состояние технологий машинного перевода (МП)

Развитие технологий машинного перевода прошло множество этапов. Наиболее ранний — развитие машинного перевода на основе правил (RBMT), далее следовал статистический машинный перевод (SMT), а в настоящее время преобладает нейронный машинный перевод (NMT). В последние несколько лет NMT благодаря своим мощным генеративным языковым возможностям и пониманию контекста постепенно становится основным методом машинного перевода. При помощи алгоритмов глубинного обучения техноло-

гии NMT могут генерировать более плавный, естественный текст перевода. Технологии NMT стали применяться во многих отраслях. К примеру, такие инструменты, как GoogleTranslate и DeepL, уже добились значительных результатов в переводе в таких областях, как новости, юриспруденция и медицина. В настоящее время появление генеративных технологий искусственного интеллекта революционизировало способы человеко-машинного взаимодействия, преобразовав обработку информации из традиционного когнитивного участия в практическую плоскость. Роль технологий постепенно переходит от «поддерживающего интеллекта» к «усиливающему интеллекту», а затем к «интеллекту человеко-машинного взаимодействия» (Чжу Чжитин и др., 2021: 8).

2. Применение технологий глубинного обучения, нейросетей и иных технологий в МП

Глубинное обучение и нейросети — это основная составляющая современного машинного перевода. На основе большого количества языкового материала нейросеть изучает языковые модели и закономерности, таким образом генерируя высококачественный текст на выходе. Данная тема требует отдельного изучения. Здесь ограничимся примером: модель машинного обучения Transformer значительно повысила качество машинного перевода, обеспечив более эффективную обработку длинных текстов и сложных языковых структур. Кроме того, предобученные языковые модели (к примеру, серии GPT и BERT) также обеспечили машинному переводу большие возможности языкового понимания, повысив уровень его точности и естественности. ChatGPT помогает создать индивидуализированную среду обучения (Чжан Чжэньюй, Хун Хуацин, 2023: 39) и демонстрирует хорошие функции межличностного взаимодействия.

3. ИИ как вспомогательный инструмент: прогресс в области управления терминологией и программного обеспечения для оценки качества перевода

Помимо машинного перевода, технологии ИИ также стали активно использоваться как вспомогательный инструмент. Программы для управления терминами позволяют переводчику быстро находить профессиональную лексику и применять её, что обеспечивает единообразие терминологии и точность перевода. Например, такие инструменты, как SDL Trados и MemoQ предоставляют мощную терминологическую базу данных, поддерживая функции

управления и поиска терминов на многих языках. Программы по оценке качества перевода могут автоматически осуществлять проверку и оценивать перевод, что помогает переводчику находить скрытые ошибки и неточности, повышая качество своей работы. К примеру, такие инструменты, как Xbench и Verifika, могут обнаруживать несоответствие терминов, орфографические и грамматические ошибки и т.д., что в значительной степени повысило эффективность и качество перевода.

4. Эффективность перевода ИИ и влияние на стоимость перевода

Применение технологии ИИ заметно повысило эффективность перевода, снизив его себестоимость. Создав черновик перевода при помощи ИИ, переводчик может потратить больше времени и сил на его корректировку, таким образом повышая скорость и качество. Внедрение машинного перевода и инструментов управления терминологией может помочь переводчику сократить дублирование трудовой деятельности, уделяя больше внимания творческой работе. Одновременно с этим, применение вспомогательных инструментов ИИ также сократило время на исправление перевода, что также повысило качество. Тем не менее, технологии ИИ также оказали влияние на бизнес-модели переводческой индустрии и способы повышения эффективности перевода, сохраняя его качество и ценность, — это один из ключевых вызовов, стоящих перед современной переводческой индустрией. К примеру, некоторые переводческие компании уже начали использовать модель сотрудничества человека и машины, в целях максимизации экономической эффективности, сочетая машинный перевод и ручную редактуру.

II. Вызовы, с которыми сталкиваются переводчики в эпоху ИИ

1. Угроза технологической замены: автоматизация простых переводческих задач

Постоянный прогресс технологий машинного перевода привёл к тому, что в простых переводческих задачах он близок к тому, чтобы превзойти человека. Работая над такими простыми текстами, как новостные сообщения или путеводители, машинный перевод, как нам представляется, может генерировать более точный и естественный текст. Это приводит к тому, что множество базовых переводческих задач сталкиваются с угрозой автоматизации и переводчикам в целях обеспечения своей незаменимости необходимо

концентрироваться на более сложных и творческих переводческих задачах, к примеру, на литературном, юридическом или медицинском переводе.

2. Давление качества и скорости: сохранение уникальной ценности перевода человека

Несмотря на то, что машинный перевод способен быстро генерировать текст перевода, однако человек по-прежнему обладает особой способностью обрабатывать сложные тексты и понимать культурное содержание и подтекст. К примеру, в литературном переводе переводчику необходимо точно передать чувства и метафоры оригинального текста, что требует высокоразвитых языковых навыков и глубокого понимания культуры. Одновременно с поддержкой качества и скорости своей работы, переводчику также необходимо противостоять давлению рыночной конкуренции. Например, при помощи вспомогательных инструментов ИИ переводчик может создать черновик перевода, далее провести оптимизацию и корректировку, таким образом повысив эффективности при соблюдении качественных характеристик перевода.

3. Необходимость постоянного обучения: совершенствование одновременно с развитием технологий ИИ, повышение способностей к интеграции технологий

Стремительное развитие ИИ требует от переводчика постоянного обучения и овладения новыми методиками и технологическими инструментами. Например, по мере непрерывного обновления технологий глубинного обучения и нейросетей, переводчику необходимо разбираться в новых моделях ... машинного перевода, овладеть вспомогательными инструментами с ИИ, а также навыками обработки и управления данными. Помимо этого, переводчику необходимо научиться сочетать свою работу с ИИ, например, при помощи Prompt-инжиниринга обеспечить необходимый для определённого текста стиль (Чжан Чжэньуй, Хун Хуацин, 2023). Переводчик также может посещать различные онлайн-курсы, семинары и отраслевые тренинги, постоянно повышая свою способность к внедрению в свою работу технологий.

4. Новые вызовы профессиональной этике и конфиденциальности

Применение ИИ также принесло новые проблемы с точки зрения профессиональной этики и конфиденциальности. Например, при применении ИИ необходимо сохранять безопасность данных

и конфиденциальность, соблюдать соответствующие законодательные и нормативные акты. При задачах, связанных с коммерческой тайной или личной жизнью, переводчик должен использовать технологии шифрования для защиты безопасности передачи файлов и должным образом сохранять данные учётной записи. Одновременно с этим при использовании ИИ переводчик должен соблюдать профессиональную этику и не допускать случаев, при которых заказчику сдаётся некачественный машинный перевод. Таким образом, переводчик должен обеспечить надёжность и точность результатов машинного перевода, не полагаться слепо на технологии, а проверять и улучшать текст на выходе.

III. Необходимость трансформации переводческих компетенций

1. Смена роли переводчика

В эпоху ИИ переводчик должен сменить свою роль. Это означает, что переводчик не только искусно владеет языком, но и передовыми техническими инструментами, способен решать комплексные переводческие задачи, а также предоставлять высококачественные переводческие решения. Переводчику необходимо свободно овладеть технологиями машинного перевода и вспомогательными программами ИИ, интегрировать свои знания в области языка и культуры, улучшать результаты перевода, в конечном счёте предоставляя услугу, удовлетворяющую требованиям заказчика (Ван Хуашу, 2023).

2. Повышение технологических навыков: овладение инструментами ИИ, повышение рабочей производительности

Переводчику в целях повышения эффективности и качества своей работы необходимо овладеть инструментами ИИ: платформами машинного перевода, программами для управления терминологией, инструментами для оценки качества и т.д. Например, при помощи ИИ можно создать черновой текст, после чего у переводчика есть больше времени и сил для редактуры и оптимизации, таким образом повышается качество и скорость. Кроме того, для обеспечения единства терминологии и точности перевода переводчику также необходимо освоить навык обработки и управления информацией, создать и обслуживать систему памяти переводов. При помощи таких инструментов, как SDL Trados, можно управлять большими массивами памяти переводов и повышать эффективность.

3. Углубление знаний в области языка и культуры

Хотя технологии ИИ достигли заметных успехов с точки зрения языковой генерации, однако с точки зрения глубины понимания языка и культурных подтекстов человек играет незаменимую роль. Переводчику необходимо постоянно углублять понимание языка и культуры, справляться с передачей контекста и чувств оригинального текста, предоставляя услугу высокого качества. Например, в литературном переводе переводчик должен точно передавать метафоры и эмоции, отражённые в оригинальном тексте, что требует сильных языковых навыков и понимания культуры. При помощи чтения классической литературы, участия в культурных конференциях, переводчик может непрерывно повышать уровень языка и культуры.

4. Инновационное и критическое мышление: формирование новых ценностей перевода при поддержке технологии ИИ

Технологии ИИ привнесли новые возможности в работу переводчиков, однако переводчикам требуется обладать инновационным и критическим мышлением, чтобы создавать переводческую ценность при использовании инструментов ИИ. Например, можно улучшать и оптимизировать результаты машинного перевода, предлагать новые способы и стратегии перевода, внося вклад в индустрию. Помимо этого, переводчик может участвовать в проектных инновациях, решая такие практические задачи, как разработка новых инструментов для перевода или оптимизация переводческих процессов, например, сотрудничать с техническими специалистами, разрабатывать модифицированные модели машинного перевода, повышая качество перевода в определённых областях.

IV. Стратегии трансформации переводческих компетенций

1. Навык интеграции технологий

Образование в сфере перевода и образовательные институты должны сосредоточить внимание на технической подготовке, помочь обучающимся освоить переводческие инструменты и платформы. При помощи практического обучения и проектной деятельности переводчики могут ознакомиться с функциями ИИ и способами работы с ними, повысить возможности применения технологий в своей работе.

2. Глубина понимания языка и культуры

В переводческом образовании необходимо сделать больший акцент на обучении лингвистике и культурологии, помочь переводчикам более глубоко освоить язык и культуру. При помощи системных курсов и практического обучения переводчики смогут повысить возможности применения лингвистических способностей, а также способностей чувствовать культурную специфику, таким образом лучше справляясь со сложными переводческими задачами (Фэн Чживэй и Чжан Дэнкэ, 2023: 8).

3. Способность к инновациям и практической деятельности

Переводческой индустрии необходимо стимулировать переводчиков участвовать в инновационных проектах, при помощи практических проектов тренировать их инновационные и практические навыки. В рамках таких проектов переводчики смогут попробовать новые методы и технологии перевода, разрешать практические задачи, принося новые способы и идеи в индустрию.

4. Способность к непрерывному обучению

Переводчикам необходимо придерживаться концепции непрерывного образования, регулярно обучаясь новым знаниям и навыкам посредством участия в тренингах, научных семинарах, онлайн-курсах и других формах обучения. Переводческая индустрия также должна обеспечить совершенную систему непрерывного образования, создавая платформы для обучения и обмена, помогая идти переводчикам в ногу с развитием технологий.

5. Повышение профессиональной этики и моральных принципов

В переводческом образовании и отраслевой подготовке необходимо уделить большее внимание профессиональной этике, развивать юридическую грамотность и трудовую этику. Переводчикам необходимо соблюдать соответствующие законы, обеспечивая этику и законность своей деятельности, защищая положительный имидж переводческой индустрии.

V. Новое содержание переводческих компетенций в эпоху ИИ

1. Ограниченность традиционных переводческих компетенций

Традиционные переводческие навыки сосредоточены преимущественно на лингвистических навыках и межкультурной комму-

никативной компетентности, с акцентом на понимании исходного языка и передаче на целевом языке. Тем не менее, с широким применением ИИ такие односторонние навыки уже не могут удовлетворять всевозрастающие потребности рынка. Инструменты ИИ могут быстро создать черновой вариант текста, однако переводчик должен уметь улучшать этот текст, обрабатывать сложные тексты, отвечать мультимодальным, то есть охватывающим все аспекты языка, потребностям в переводе.

2. Новые аспекты переводческих компетенций в эпоху ИИ

1) Способность к применению технических инструментов

Переводчику необходимо качественно овладеть вспомогательными инструментами компьютерного перевода (CAT), инструментами упорядочивания языкового материала, API-интерфейсами и др., быть способным применять большие языковые модели для извлечения терминологии, стилевой адаптации и иных задач. К примеру, при помощи Prompt-инжиниринга улучшать качество перевода, адаптировать стиль текста под требования определённой сферы (Чжоу Чжунлянь, 2023: 136).

2) Способность к управлению источниками данных

Переводчику также необходимо обладать способностью создавать лингвистический корпус, осуществлять контекстуальную маркировку в памяти переводов, включая пометы о стилистических и культурных особенностях. Например, в целях обеспечения точности и единства терминов в сфере медицины создать список терминов с классификацией болезней МКБ-11 (Ли Жуйлинь, 2011: 50), что актуально для современной медицины Китая.

3) Способность к принятию решений в рамках сотрудничества человека и машины

Кроме того, переводчик должен разработать методы оценки качества с привязкой к определённому контексту, например, точность чувственной передачи в литературном переводе. Одновременно с этим он должен обладать способностью оценки рисков, уметь распознавать ошибки машинного перевода и в соответствии с отраслевыми знаниями осуществлять суждения и исправления.

4) Понимание цифровой этики

Переводчику необходимо обладать глубокой осознанностью в нижеследующих областях. Во-первых, на уровне безопасности данных переводчик должен настороженно относиться к возможным утечкам чувствительной информации, при использовании об-

лака создавать систему фильтрации данных, для конфиденциальных данных осуществлять локализованную обработку. Во-вторых, с точки зрения этического аспекта алгоритмов, в целях правильной передачи ценностей необходимо выявлять и исправлять культурные предубеждения и политические искажения в переводах ИИ. В-третьих, с точки зрения интеллектуальной собственности необходимо четко разграничивать данные, сгенерированные машиной и человеком, соблюдать нормы цифрового авторского права. Переводчик в цифровую эпоху должен не просто выполнять языковую трансформацию, но и брать на себя двойную ответственность за культурную передачу и этику, соблюдать баланс между удобством технологии и человеческой ответственностью.

5) Трансмодальная адаптация

Переводчику также не следует ограничиваться исключительно текстовыми материалами, а адаптироваться под многомодальные сценарии, включая текст, изображения, аудио и видео. Например, при аудиовизуальном переводе требуется синхронизация реплик с субтитрами, при переводе рекламы необходимо обеспечить согласованность графических и текстовых метафор с многоязычными символами, при аудиопереводе ИИ важно обеспечить баланс точности распознавания речи и семантической транскрипции. При переводе различных изображений, мемов и другой информации нетекстового формата переводчик должен передать контекст и осуществить культурную локализацию, например, сделать так, чтобы культурные аллюзии были визуально понятны целевой аудитории. Одновременно с этим переводчику важно владеть такими инструментами, как OCR, AR, поддерживая целостность информации и эффективность её передачи в многомодальных взаимодействиях, обеспечивая беспрепятственную адаптацию между различными медиа.

VI. Пути трансформации переводческих компетенций в эпоху ИИ

1. Инновации образовательных моделей

1) Оптимизация учебных дисциплин

На бакалаврской и магистерской ступенях переводческого образования необходимо увеличить количество курсов цифровой грамотности, увеличить количество таких курсов, как «Технология перевода в цифровую эпоху», «Управление переводческими проектами», «Безопасность данных в переводе» и т.д., системно обучать студентов цифровой грамотности.

2) Преобразования в области педагогической практики

Учреждение цифровых переводческих лабораторий, снабжение их передовым переводческим программным и аппаратным обеспечением создаст для студентов обстановку, имитирующую настоящую рабочую среду. Необходимо также поощрение участия студентов в совместных проектах с компаниями для развития цифровой грамотности и профессиональных навыков через работу над реальными переводческими задачами.

3) Подготовка преподавательских кадров

Повышение цифровой грамотности среди преподавателей, участие преподавателей в отечественных и зарубежных научных семинарах и обучающих курсах позволит им овладеть новейшими технологиями перевода и методиками обучения цифровой грамотности. Приглашение высококвалифицированных переводчиков и технических специалистов в вузы с лекциями и мастер-классами расширит кругозор обучающихся (Чэнь Цзяньлинь, 2020: 22).

2. Трансформация системы оценивания

1) Динамическая карта компетенций

В целях оценки цифровой грамотности студентов необходимо создать систему оценивания с множеством разнообразных микроиндикаторов, например, частотой обновления терминологической база данных, количественных показателей эффективности вызовов API.

2) Модуль этической оценки

Также требуется введение этапа этической оценки использования технологий для оценки способности студентов работать с культурно чувствительными словами и культурным контекстом в переводческих проектах. К примеру, в проектах по локализации оценивать способности студентов обрабатывать культурно чувствительные слова, обеспечивать соответствие перевода культурным нормам целевого языка.

3. Поддержка и сотрудничество в отрасли

1) Создание отраслевого стандарта (ОСТ) и системы сертификации

Отраслевые ассоциации должны привлекать соответствующие механизмы, устанавливать системы сертификации и отраслевые стандарты по подготовке переводчиков, а также формулировать ключевые показатели и требования к навыкам и цифровой грамотности переводчиков разных уровней. Посредством сертификации и проверок цифровой грамотности должны комплексно

удостоверяться действительные навыки переводчиков (Ван Хуашу, 2023: 199).

2) Организация профессиональных тренингов и конференций

Отраслевые ассоциации и профессиональные образовательные организации должны периодически проводить конференции и тренинги в области цифровой грамотности переводчиков, содержание которых может быть посвящено таким вопросам, как обновление и применение программ для перевода, анализ случаев применения новых цифровых технологий в рамках переводческой деятельности и т.д. Форма таких образовательных мероприятий может варьироваться, удовлетворяя различные потребности и уровни подготовки переводчиков.

4. Личностное развитие переводчика

Переводчикам следует непрерывно обучаться, активно расширять свои знания в области новых технологий и их развития, регулярно читать профессиональную литературу и периодические научные издания, просматривать информационные блоги коллег по отрасли, а также осваивать новые цифровые инструменты. Помимо этого, переводчики должны активно пользоваться платформами онлайн-обучения, проходить тренинги и курсы в смежных областях и сферах, связанных с цифровой грамотностью, а также расширять свой кругозор, поднимая уровень своих технических знаний.

В рамках повседневной работы переводчики должны более смело применять новые технологии и цифровые инструменты, таким образом, чтобы полученные новые цифровые навыки и знания могли быть применены в реальной переводческой практике. Переводчикам следует обобщать и анализировать результат своей работы после завершения каждого переводческого проекта, уделяя внимание таким аспектам, как применение цифровых инструментов, управление информацией, онлайн-коммуникация и т.д. Это может позволить определить наличие проблем и выбрать соответствующие меры по их устранению для дальнейшего повышения уровня развития своих цифровых навыков и знаний.

VII. Проблемы процесса трансформации переводческих компетенций в эпоху ИИ и способы их решения

1. Проблемы

1) Инерционность образования

Часть вузов по-прежнему использует традиционные модели обучения переводу, в которых часто не хватает системного подхода

к преподаванию цифровых навыков и технологий ИИ. Это приводит к тому, что выпускникам может не хватать практических навыков, по причине чего им сложно подстроиться под требования рынка.

2) Риск технологической отчуждённости

Некоторые переводчики чрезмерно полагаются на инструменты ИИ, в результате чего происходит деградация их возможностей переключения между языками и понимания культурного контекста. Так, например, при переводе литературы уровень распознавания метафор снизился многократно. Помимо этого, ряд переводчиков плохо осознаёт важность обеспечения безопасности данных и личной информации, что может легко привести к раскрытию коммерческой тайны и утечке личных данных.

3) Недостаточная этическая осведомлённость

В ходе применения технологий ИИ некоторые не руководствуются этическими принципами, игнорируя чувствительность терминов с культурной точки зрения или понимания особенностей культурной действительности языка перевода. Например, в процессе локализации недостаточно корректный перевод текста может привести к его несоответствию культурным нормам носителей целевого языка (Лян Юй, У Дунчжэн, 2024: 152).

2. Способы решения проблем

1) Создание единой системы

«технологии — гуманитарные науки»

В рамках обучения переводу необходимо объединять вопросы применения технологий и культурного истолкования, чтобы иметь возможность воспитывать специалистов, которые не только будут иметь достаточные технические навыки, но и будут готовы понимать сложное культурное содержание текста носителей другого языка при переводе. Например, объединение цифровой интерпретации «Хуанди нэйцзин» («Трактат Жёлтого императора о внутреннем») с визуализацией трёхмерных анатомических моделей является примером углублённого слияния применения технологий и культурного истолкования.

2) Создание системы отраслевой сертификации

Кроме того, внимания требует сертификация уровня цифровых навыков, подобная стандартам EUATC (Европейский союз ассоциаций переводческих компаний) в европейских странах, где существуют квалификации редактора машинного перевода (МТЕ), терминологического менеджера и т.д. Благодаря внедряемым сис-

темам сертификации специалистов возможна не только проверка навыков и знаний переводчиков в области цифровых технологий и ИИ, но и общее повышение уровня квалификации специалистов в отрасли.

3) Интенсификация этического образования

В рамках обучения переводческой деятельности и профессионального развития требуется увеличение содержания, посвящённого этике переводчика и работы с чувствительной тематикой, стимулируя специалистов уделять данным аспектам большее внимание. На государственном уровне необходимо разработать и усовершенствовать законы и нормативные акты в области цифровой этики, усовершенствовать систему управления цифровой этикой, направить органы образования переводчиков и отраслевые ассоциации на совершенствование соответствующих норм и стандартов, уточнить кодекс поведения переводчиков в цифровой жизни и разработать меры управления для обеспечения безопасности их информации, данных и конфиденциальности (Ван Хуашу и Лю Шицзе, 2023: 76).

VIII. Заключение

В настоящее время переводческая отрасль подвергается значительным преобразованиям, вызванным широким применением технологий ИИ. Многие требования к переводческим навыкам требуют пересмотра для того, чтобы лучше соответствовать условиям современности. Современный переводчик, который использует технологии ИИ, должен не только обладать традиционными лингвистическими компетенциями и навыками межкультурной коммуникации, но и уметь использовать новые технологические инструменты, управлять цифровыми ресурсами и данными, понимать принципы взаимодействия человека и машины, учитывать этические принципы при переводе, а также быть готовым приспособливаться в условиях кросс-модальности. Всестороннее развитие навыков переводчиков и подготовка междисциплинарных специалистов, отвечающих требованиям современности, должно осуществляться путём обновления образовательных программ, перестройки систем оценки профессиональных навыков, а также обеспечения поддержки и сотрудничества в отрасли. В будущем обучение переводу будет более тесно объединять аспекты технологий и культуры, позволяя переводчикам быть на пике волны технических инноваций, а с точки зрения диалога цивилизаций оставлять за собой роль моста.

Список литературы

Ван Хуашу, Лю Шицзе. Исследование цифровой грамотности переводчиков в перспективе цифровых гуманитарных наук: понятие, проблемы и предложения (J), Теория и практика преподавания иностранных языков, 2023. № 2. С. 70–79.

Ван Хуашу. Исследование стандартов технологии перевода в эпоху искусственного интеллекта (J), Переводоведение в Китае, 2024. № 2. С. 197–209.

Ли Жуйлинь. От переводческой компетентности к грамотности переводчика: смена целей преподавания перевода. Китайский перевод, 2011. № 1. С. 46–51.

Лян Юй, У Дунчжэн. Анализ построения идентичности переводчика в цифровых гуманитарных науках: с точки зрения инструментов перевода в преподавании, Сравнительные исследования текстовых инноваций, 2024. № 1. С. 151–154.

Пэн Цинлун. Кризис, изменения, структура: Дилеммы и пути выхода для иностранных языков и литератур в эпоху искусственного интеллекта, Иностранные языки и преподавание иностранных языков, 2024. № 3. С. 20–30.

Фэн Чживэй, Чжан Дэнкаэ. ChatGPT и языковое образование (J). Аудиовизуальное обучение иностранным языкам, 2023. № 3. С. 6–12.

Чжан Чжэньюй, Хун Хуацин. Обучение иностранным языкам с поддержкой ChatGPT: расширение возможностей, проблемы и стратегии (J). Сообщество иностранных языков, 2023. № 2. С. 39–45.

Чжоу Чжунлян. Потенциал применения ChatGPT в преподавании перевода (J). Журнал Пекинского университета иностранных языков, 2023. № 4. С. 134–146.

Чжу Чжитин, Хань Чжунмэй и Хуан Чанцин. Искусственный интеллект (eAI) в образовании: новая парадигма искусственного интеллекта (J). Исследования по аудиовизуальному образованию, 2021. № 1. С. 5–15.

Чэнь Цзяньлинь. Воплощение и применение технологии искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам (J). Вестник Второго пекинского университета иностранного языка, 2020. № 1. С. 14–24.

References

陈坚林. 试论人工智能技术在外语教学上的体现与应用, 北京第二外国语学院学报, 2020(1): 14–24.

Chen' Czyan'lin'. (2020) Voploshchenie i primenenie tekhnologii iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam = Trying to Discuss the Embodiment and Application of Artificial Intelligence Technology on Foreign Language Teaching. *Vestnik Vtorogo pekinskogo universiteta inostrannogo yazyka*. No. 1, pp. 14–24 (In Chinese).

冯志伟, 张灯柯. ChatGPT 与语言教育 [J]. 外语电化教学, 2023(3): 6–12.

Feng C.W., Zhang Dengke. (2023) ChatGPT i iazykovoe obrazovanie = ChatGPT and language education [J]. *Foreign Language e-Learning*. No. 3, pp. 6–12 (In Chinese).

李瑞林. 从翻译能力到译者素养: 翻译教学的目标转向, 中国翻译, 2011(1): 46–51.

Li Ruilin. (2011) Ot perevodcheskoi kompetentnosti k gramotnosti perevodchika: smena tselei prepodavaniia perevoda = From Translation Ability to Translator's Literacy: The Goal Shift of Translation Teaching. *Chinese Translation*. No. 1, pp. 46–51 (In Chinese).

梁玉, 吴东正. 数字人文构建译者身份探析—从教学中的翻译工具观谈起, 文化创新比较研究, 2024(1): 151–154.

Liang Yu, Wu Dongzheng. (2024) Analiz postroeniia identichnosti perevodchika v tsifrovyykh gumanitarnyykh naukakh: s tochki zreniia instrumentov perevoda v prepodavanii = Exploring the identity of translators in the construction of digital humanities-from the view of translation tools in teaching. *Comparative Research on Cultural Innovation*. No. 1, pp. 151–154 (In Chinese).

彭青龙. 危局·变局·格局: 人工智能时代外国语言文学学科和专业的困境与出路, 外语与外语教学, 2024(3): 20–30.

Peng Qinglong. (2024) Krizis, izmeneniia, struktura: Dilemmy i puti vykhoda dlia inostrannykh iazykov i literatur v epokhu iskusstvennogo intellekta = Crisis-Change-Pattern: The Dilemma and Way Out for Foreign Language and Literature Disciplines and Majors in the Era of Artificial Intelligence, *Foreign Language and Foreign Language Teaching*. No. 3, pp. 20–30 (In Chinese).

王华树. 人工智能时代翻译技术标准研究, 中华译学, 2024(2): 197–209.

Wang Huashu. (2024) Issledovanie standartov tekhnologii perevoda v epokhu iskusstvennogo intellekta = Research on translation technology standards in the era of artificial intelligence, *Chinese Translation*. No. 2, pp. 197–209 (In Chinese).

王华树, 刘世界. 数字人文视域下译者数字素养研究: 内涵、问题与建议, 外语教学理论与实践, 2023(2): 70–79 (In Chinese).

Wang Huashu, Liu Shijie. (2023) Issledovanie tsifrovoy gramotnosti perevodchikov v perspektive tsifrovyykh gumanitarnyykh nauk: poniatie, problemy i predlozheniia = Research on Digital Literacy of Translators in the Context of Digital Humanities: Connotation, Problems and Suggestions. *Foreign Language Teaching Theory and Practice*. No. 2, pp. 70–79 (In Chinese).

Zhang Zhenyu, Hong Huaqing. (2023) Obuchenie inostrannym iazykam s podderzhkoi ChatGPT: rasshirenie vozmozhnostei, problemy i strategii = ChatGPT-supported Foreign Language Teaching: Empowerment, Problems and Strategies [J]. *Translation Session*. No. 2, pp. 39–45 (In Chinese).

周忠良. ChatGPT 在翻译教学中的应用潜能 [J]. 北京第二外国语学院学报, 2023(4): 134–146.

Zhou Zhongliang. (2023) Potentsial primeneniia ChatGPT v prepodavanii perevoda = The application potential of ChatGPT in translation teaching [J]. *Journal of Beijing Second Institute of Foreign Languages*. No. 4, pp. 134–146 (In Chinese).

祝智庭, 韩中美, 黄昌勤. 教育人工智能 (eAI) : 人本人工智能的新范式, 电化教育研究, 2021(1): 5–15.

Zhu Zhiting, Han Zhongmei, Huang Changqin. (2021) Iskusstvennyi intellekt (eAI) v obrazovanii: novaia paradigma iskusstvennogo intellekta = Educational Artificial Intelligence (eAI): a new paradigm of human-centred artificial intelligence. Research on Electrochemical Education. No. 1, pp. 5–15 (In Chinese).

张震宇, 洪化清. ChatGPT 支持的外语教学: 赋能、问题与策略 [J]. 翻译届, 2023(2): 39–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Цзу Сюецин — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора Высшей школы перевода, Хэйлунцзянский университет. просп. Сюефулу, д. 74, Харбин, Китай, 150080; xq_zu@163.com

Лю Цзиннэн — кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; liudabao7777@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Zu Xueqing — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Director of the Higher School of Translation and Interpreting, Heilongjiang University. Xuefu, No. 74, Ave. Harbin, China, 150080; xq_zu@163.com

Liu Jingpeng — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskie Gory, 1, Moscow 119991, Russia; liudabao7777@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81`25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-63-91

РАЗВИТИЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В КИТАЕ

Лю Шижао

Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: shiraoliu@gmail.com

Аннотация. Герменевтика — «искусство понимания», толкования текстов — имеет длинную историю, и сегодня считается одним из важнейших философских понятий. Она также часто рассматривается в междисциплинарных исследованиях, в том числе в исследованиях художественного перевода.

В данной работе рассматривают историю развития герменевтических исследований художественного перевода в Китае, статистически анализируя больше пятисот публикаций, изданных в Китае за последние двадцать лет, обсуждая интерес китайских учёных к различным направлениям исследований.

За последние два десятилетия исследования Китая в вышеупомянутой области находились под положительным влиянием западных теорий, особенно теорий Х.-Г. Гадамера и Дж. Штайнера. Основываясь на этих теориях, учёные изучили большое количество китайских текстов. Но в то же время существуют и недостатки, такие как отсутствие практических исследований языковых пар, отличных от китайско-английской, и отсутствие теоретических инноваций. Китайским исследователям следует провести анализ более разнообразных типов текстов на разных языках, выдвинуть свои собственные инновационные идеи и построить уникальную теоретическую систему герменевтического исследования художественного перевода.

Ключевые слова: герменевтика, теория перевода, герменевтическая парадигма перевода, художественный перевод, история переводоведения, теория перевода в Китае

Для цитирования: Лю Шижао. Развитие герменевтических исследований художественного перевода в Китае // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025, № 1. С. 63–91. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-63-91

Статья поступила в редакцию 05.03.2025;
одобрена после рецензирования 13.04.2025;
принята к публикации 15.04.2025.

THE DEVELOPMENT OF HERMENEUTICAL STUDIES OF LITERARY TRANSLATION IN CHINA

Liu Shirao

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: shiraoliu@gmail.com

Abstract. Hermeneutics, the art of understanding and interpreting texts, which has a long history, is considered one of the most important philosophical concepts today. It is also frequently mentioned in interdisciplinary studies, including studies of literary translation.

This paper focuses on the development of hermeneutical studies of literary translation in China, statistically analyzing more than five hundred articles and dissertations published in China over the past twenty years, exploring Chinese researchers' interest in different subfields.

In conclusion, the western hermeneutical theories, especially those of Hans-Georg Gadamer and George Steiner, have made positive influences on the noted studies in the past few decades. However, at the same time, this study also reveals several problems, such as the lack of research on language pairs other than the Chinese-English language pair, as well as the lack of theoretical innovation. At the end of this article, numerous propositions are made, suggesting that researchers analyze more diverse types of texts in different languages, put forward their own innovative ideas, and build a unique theoretical system for hermeneutical studies of literary translation in China.

Keywords: hermeneutics, translation studies, hermeneutical paradigm of translation, literary translation, history of translation theory, translation studies in China

The article was received on March 05, 2025;
Approved after reviewing received on April 13, 2025;
Accepted for publication on April 15, 2025.

Введение

От имени бога Гермеса образовано слово **герменевтика**, означающее способность **толковать, интерпретировать, разъяснять** (Гарбовский, 2007: 35). Гермес играл роль посредника между богами и людьми, выполняя работу по истолкования, переводу, обеспечения взаимопонимания (Габитова, 1985: 115). Сегодня герменевтика считается одним из важнейших философских понятий, и нередко используется в современной теории перевода для обозначения этапа понимания, расшифровки исходного речевого сообщения (Гарбовский, 2007: 35).

С предложения «универсальной» герменевтики немецком философом Ф.Д. Шлейермахером (1768–1834) в первой половине XIX века, к *understanding as translation* (перевод есть истолкование) американского лингвиста Дж. Штайнера (1929–2020), — переводческая герменевтика, долго заменяющая важное место на Западе, точно непрерывно развивается.

Междисциплинарность переводоведения и значимость переводческой герменевтики были давно признаны в России. Профессор Э.Н. Мишкурин в своей статье отмечает, что «идея толкования перевода как объекта междисциплинарного/трансдисциплинарного анализа в настоящее время практически никем из исследователей открыто не отвергается» (Мишкурин, 2015: 18). В первой части работы он также показывает, что в условиях неизбежного перехода теории и методологии перевода на современную трансдисциплинарную платформу разрабатывался «герменевтическая парадигма перевода (ГПП)» — «системно выстроенная по принципу дополнительности дискурсивная соборность философско-филолого-герменевтических, когнитивно-информационных, семиотико-интерпретирующих, деятельностных и иных теорий, моделей, стратегий и тактик перевода, способов и приёмов выражения, перелагания, адаптации, перепорождения и других разновидностей игровой трансформации ИТ в ПТ на уровнях кон-

тентно-смысловом, образно-символическом, этнопсихолингвистическом, лингвокультурологическом, функционально-стилистическом и других в зависимости от рабочих текстотипов и их жанров» (Там же: 33–34).

Разумеется, переводческая парадигма герменевтика в России динамически развивается и доньше широко исследуется. В то же время на Востоке, особенно в Китае, она также имеет уникальную историю развития, которую стоит подробно рассматривать и анализировать.

Китайская традиционная философия отличается своим прагматизмом (кит. 实用主义 / shí yòng zhǐ yì). Развитие китайского переводоведения претерпело длительный процесс — от отсутствия общей методологии к преклонению перед жёсткими правилами и дальше к сознанию творческой самостоятельности. Перемены в политической и культурной обстановках страны сильно влияют на этот процесс, в котором происходят совмещение и взаимодействие зарубежной герменевтики, традиционной китайской философии и переводческой практики в Китае.

В данной статье рассматривается процесс развития западных герменевтических идей в Китае, анализируются эволюции герменевтических исследований художественного перевода в стране и изучаются причины её изменений в скорости и направленности. Более этого, в работе статистически анализируется больше пятисот релевантных публикаций, изданных в Китае в течение 2000–2022 гг., показывая интерес китайских учёных к разным подразделам и направлениям. После перечисления преимуществ и недостатков развития и текущего состояния герменевтических исследований художественного перевода в Китае, в конце статьи выдвинуты критические предложения.

1. Знакомство китайских учёных с западной герменевтикой

Китайские учёные познакомились с западной герменевтикой в начале 1980-х гг. Великий китайский писатель и культуровед Цянь Чжуншу (钱钟书, 1910–1998), анализируя древнекитайские тексты в своём капитальном труде по древней словесности «Ограниченные взгляды» (《管锥编》/ guǎn zhuī biān), впервые процитировал Дильтея и объяснил концепцию герменевтического круга: «Чтобы понимать значение и смысл книги в целом, необходимо понимать каждые предложения; а чтобы понимать значение предложения, необходимо понимать каждое слово. Чтобы понимать значение текста

или книги в целом, ещё необходимо понимать цель создания текста автора, популярный стиль творчества этого времени, так и владеть риторическим и стилистическим знанием. Данный бесконечный процесс уточнения смысла называется 'герменевтическим кругом' (der hermeneutische Zirkel)»¹ (Цянь, 1979: 171).

С конца 1970-х до середины 1980-х годов в Китае и создались оригинальные работы, объясняющие идеи западной герменевтики, и переводились многочисленные зарубежные достижения. Известные философы и учёные по китайской герменевтике, как Хун Ханьдин (洪汉鼎) и Чжэн Юн (郑涌), последовательно публиковали статьи в журнале «Переводных работ по философии» (《哲学译丛》 / zhé xué yì cóng), представляя академическому кругу основные зарубежные теории.

В 1979 г. Янь Хунюань (燕宏远) в «Философском словаре» переводил статью «герменевтика», систематически обобщая теорию Ф. Шлейермахера (Янь, 1979: 73–74). В 1984 г. Чжан Жулунь (张汝伦) публиковал статью, которая впервые в Китае объясняет концепцию «философской герменевтики» полно и подробно (Чжан Ж., 1984: 37–40). В том же году учёный Чжан Лунси (张隆溪) писал две статьи — одна связывалась с традиционной герменевтикой (Чжан Л., 1984: 106–144), другая с герменевтикой и рецептивной эстетикой (Там же: 86–95).

1985–1995 годы считается пиком опубликования научных работ о герменевтической парадигме перевода.

В 1986 г. Китайская академия общественных наук (中国社会科学院 / zhōng guó shè huì kē xué yuàn) создала «Сборник работ по немецкой философской герменевтике» (《德国哲学解释学专辑》 / dé guó zhé xué jiě shì xué zhuān jí), ректор которого отметил, что: «В последние 30 лет герменевтика является популярным направлением гуманитарной науки на Западе. Она широко изучается в таких областях, как философия языка, историческая наука, эстетика и литературоведение. В последние годы она также вызвала большой интерес у исследователей нашей страны»² (Хун, 2003: 11).

¹ Цитата на оригинальном языке: 解全篇之义乃至全书之指, 庶得以定某句之意, 解全句之意, 庶得以定某字之诂; 或并须晓会作者立言之宗尚、当时流行之风、以及修词异宜之著述体裁, 方概知全篇或全书之指归。积小以明大, 而又举大以贯小; 推末以至本, 而又探本以穷末; 交互往复, 庶几乎义解圆足而免于偏枯, 所谓“阐释之循环”(der hermeneutische Zirkel)者是矣。

² Цитата на оригинальном языке: 解释学是近30年来西方哲学(如语言哲学、宗教哲学、科学哲学等等)及历史学、美学、文艺理论诸领域中颇为流行的人文思潮, 近年来已引起我国研究者较大兴趣。

Осенью следующего года Пекинская академия общественных наук (北京社会科学院 / běi jīng shè huì kē xué yuàn) организовала первую международную конференцию по герменевтике в городе Шэньчжэнь, где немецкий профессор Лутц Гельдсетцер (Lutz Geldsetzer) читал доклад по теме «Что такое герменевтика».

С тех пор герменевтика в Китае быстро развивалась — распространялись теории и гипотезы таких учёных и философов, как В. Дильтей (Dilthey), Ф. Шлейермахер (Schleiermacher), Х.-Г. Гадамер (Gadamer), М. Хайдеггер (Heidegger), Р. Пальмер (Richard E. Palmer), Т. Кун (Thomas Kuhn), Ю. Хабермас (Habermas) и Г.Р. Яусс (Jauss).

Стоит задать важный вопрос — с каких пор в Китае началось исследование художественного перевода с герменевтических взглядов? Профессор Си Фэн (西凤) даёт чёткий ответ — с 1987 года. Он отмечает, что именно в этом году переводческая герменевтика в Китае начала развиваться по трём разным путям — **методологической, теоретической и культурологической.**

1.1. Методологическая сфера

Учёный Юань Цзиньсян (袁锦翔) в статье «Новый метод перевода — герменевтическая интерпретация» (《一种新的翻译文体——阐释》 / yī zhǒng xīn de fān yì wén tǐ — chǎn yì) высоко оценил перевод учёным и переводчиком Гу Чжуан (古庄) части книги Б. Рассела «История западной философии», выполненный в 1983 году. Сравнивая перевод Гу Чжуана и работу анонимного автора, Юань анализировал примеры использования «герменевтической интерпретации» (阐释 / chǎn yì) и указывал на положительные влияния данного переводческого метода.

В статье Юань Цзиньсян делал выводы, что метод «герменевтической интерпретации» Гу Чжуана включает в себя четыре аспекта: а) необходимо избегать дословного перевода и стремиться к пониманию смысловой единицы в целом; б) не просто давать перевод слова из словаря, а обращать внимание на контекст; в) гибко перестраивать порядок слов в предложении; г) избегать длинных сложных предложений, поскольку носители китайского языка привыкли к коротким предложениям.

При переводе Гу Чжуан учитывал разные детали оригинала, такие как стиль речи автора и иллокутивное значение текста. Чтобы китайские читатели ощущали особенности оригинала, переводчик даёт тексту исходного языка своё объяснение.

Например, **в оригинале предложение:** *Vasco da Gama and Columbus enlarged the world.*

Перевод анонимного автора:

瓦斯寇·达·伽马和哥伦布扩大了世界。(wǎ sī kòu ·dá ·gā mǎ hé gē lún bù kuò dà le shì jiè.) — Васко да Гама и Колумб расширили мир.

Перевод Гу Чжуана:

达伽玛绕好望角抵达印度, 哥伦布西行发现新地, 而世界为之扩大。(dá gā mǎ rào hǎo wàng jiǎo dǐ dá yìn dù, gē lún bù xī háng fā xiàn xīn dì, ér shì jiè wéi zhī kuò dà.) — Дагама прибыл в Индию, обогнув мыс Доброй надежды, Колумб отправился на запад, и открыл новую землю — в результате мир расширился.

Очевидно, что предложение анонимного автора является дословным переводом, а Гу Чжуан подробно истолковывает, как Дагама и Колумб расширили мир.

Ещё пример:

Оригинал: *The Donation of Constantine was rejected as a fable, and overwhelmed with scholarly derision.*

Перевод анонимного автора:

君士坦丁的赠予被斥为无稽之谈, 受尽了学者们的嘲笑。(jūn shì tǎn dīng de zèng yǔ bèi chì wéi wú jī zhī tán, shòu jìn le xué zhě men de cháo xiào.) — Учёные смеются над Даром Константина, считая его чепухой.

Перевод Гу Чжуана:

所谓君士坦丁大帝封诏^①, 学者证为数百年前贗物, 儒林腾笑, 教廷威信堕地。(suǒ wèi jūn shì tǎn dīng dà dì fēng zhào, xué zhě zhèng wéi shù bǎi nián qián yàn wù, rú lín téng xiào, jiāo tíng wéi xìn duò dì.) — Так называемый «Дарение Константина» был доказан учёным как подложный, весь академический мир посмеялся над ним, а престиж Святого Престола сразу ронялся.

Заметка ① указывает на выноску переводчика : 罗马帝国于五世纪覆亡, 正统东移。八世纪时, 西罗马教皇以东罗马君士坦丁大帝诏书为根据, 明其续承大统为合法。十五世纪时, 学者罗伦查瓦拉精古今文学, 著文证明诏书为后世伪作, 真相始白。(luó mǎ dì guó yú wǔ shì jì fù wáng, zhèng tǒng dōng yí. bā shì jì shí, xī luó mǎ jiāo huáng yǐ dōng luó mǎ jūn1 shì tǎn dīng dà dì zhào shū wéi gēn jù, míng qí xù chéng dà tǒng wéi hé fǎ. shí wǔ shì jì shí, xué zhě luó lún chá wǎ lā jīng gǔ jīn wén xué, zhe wén zhèng míng zhào shū wéi hòu shì wěi zuò, zhēn xiàng shǐ bái.) — После падения Римской империи в V веке, Папская область переместилось на восток. В VIII веке религиозный лидер Западной Римской империи показал «Дар Константина», который подтвердил право и светскую власть папы. Однако в XV веке гуманист Лоренцо Валла, который блестяще овладел иностранными языками и литературными знаниями, доказал подложность «Константинова

дара» в своём трактате, так что вся общественность вскоре признала его фальшивое происхождение.

В общем, Гу Чжуан только добавляет в текст объяснения, когда читателю нужно дополнительное пояснение исторических фактов, в остальное время он показывает свою интерпретацию прямо в переводном тексте. В своей статье Юань также сравнивал переводные работы Гу Чжуана и Яня Фу (严复), отмечая, что интерпретация «Теории естественного отбора» (《天演论》/ tiān yǎn lùn) Янем перемешана с личными мнениями и недостаточно объективна, а интерпретация Гу никогда не выходит за рамки исходного текста, и «ничто в его толковании не является личным взглядом, всё соответствует смыслу автора оригинала»³ (Юань, 1987: 55).

Работа Юаня считается первой попыткой глубокого анализа использования герменевтической интерпретации как нового переводческого метода в художественном переводе. Видно, что в это время такие герменевтические идеи, как приближение читателя переводного языка к автору оригинала, уже были приняты китайскими переводчиками.

1.2. Теоретическая сфера

Учёный Ян Унэн (杨武能) опубликовал статью «Круг интерпретации, восприятия и творчества — отрывистые мысли о художественном переводе» (《阐释、接受与创造性的循环——文学翻译断想》/ chǎn shì, jiē shòu yǔ chuàng zào xìng de xún huán — wén xué fān yì duàn xiǎng), в которой рассматривается позицию «переводчик художественного текста является и интерпретатором, и рецептором» с взглядов герменевтики и рецептивной эстетики.

В то время при исследовании художественного перевода широко использовалась модель «исходный текст ↔ переводчик ↔ переводной текст», но Ян Вунэн считал её слишком упрощённой, так что предложил свою новую модель: «автор исходного текста ↔ исходный текст ↔ переводчик ↔ переводной текст ↔ читатель переводного текста». Учёный отметил, что переводчик, как наиболее важное звено в этой цепочке, должен стремиться к глубокому изучению и полному пониманию исходного текста, чтобы в тексте перевода воссоздать ценности и функции оригинального текста. По его мнению, ключ к процессу воссоздания лежит в постижении многозначности исходного текста.

³ Цитата на оригинальном языке: 这种阐释所阐释的, 无一处是译者个人的观点或主张, 无一处不符合作者的意旨。

Ян указывает на пять значений, отличающих художественные тексты от текстов других типов: буквальное, моральное, аллегорическое, мистическое и эстетическое. Последнее из них связано не только с содержанием текста, но и с его формой. Таким образом, подчёркивается специфика художественного перевода: при переводе научно-технических или политических текстов требуется точность передачи информации, а при переводе художественных текстов требуются изучение многозначности оригинала и её воссоздание в некоторой степени (Ян, 1987: 4).

Ян Вунэн считает, что переводчик — это читатель исходного текста с самой большой активностью и творческим энтузиазмом. Чтобы выполнить перевод высокого качества, переводчик должен изучить биографию автора, его идеи и произведения, понять творческий фон оригинального текста и национальную культурную традицию, стоящую за исходным языком. Толкование, интерпретация и перевод выполняются только на основе пред-структуры (Vor-struktur), состоящего из «пред-намерения» (Vorhabe), «пред-внимания» (Vorsicht) и «пред-восхищения» (Vorgriff).

1.3. Сфера культурной интерпретации

Третья сфера привлекла внимание Шао Хуна (邵宏). Он сильно критиковал исследования художественного перевода, в которых рассматривают только чисто технические языковые методы без изучения культурной традиции исходного и целевого языков. С его точки зрения, эти работы являются не более чем объяснениями самых элементарных правил языковой формы (Шао, 1987: 8). В статье на тему «Перевод — истолкование иностранной культуры» (《翻译——对外来文化的阐释》/ fān yì — duì wài lái wén huà de chǎn shì), учёный привёл некоторые примеры переводческих ошибок в области искусства, как перевод *pop art* и *realism* на китайский язык, и перевод китайского выражения 师造化 (shī zào huà) на английский, показывая значимость культурной интерпретации.

В 70-х годах XX века слово *pop art* было переведено на китайский как 流行艺术 (liú háng yì shù, т.е. популярное искусство). С первого взгляда, перевод не совсем ошибочный, но он слишком прямой и буквальный. А рассматривая на культурологическом уровне, перевод обязательно вводит китайских читателей в заблуждение. Поскольку слово 流行的 (liú háng de) означает «популярный», выражение 流行艺术 (liú háng yì shù) представляет читателям картину «самого популярного вида искусства в мире в то время», которая совсем не факт. Позже в Китае эта переводческая ошибка была

исправлена. Для уникального выражения создан новый термин 波普艺术 (bō pǔ yì shù; 波普 является транслитерацией слова *pop*).

Шао Хун отмечает, что перевод — это интерпретация чужой культуры, которая не должна смешаться со своей культурой. Например, при переводе текста с иностранного языка на китайский язык, использование фразеологий, характерных для традиционной китайской культуры, считается неподходящим. Учёный взял в качестве примеров 东施效颦 (dōng shī xiào pín), 说曹操曹操到 (shuō cáo cáo cáo dào) и 三个臭皮匠顶个诸葛亮 (sān gè chòu pí jiàng dǐng gè zhū gě liàng), доказывая, что использование в тексте перевода выражений с конкретным китайским историческим происхождением явно разрушают культурную атмосферу исходного текста.

По мнению Шао Хуна, дебаты по дословному и свободному переводам совсем не трогают сущности переводческой деятельности, поскольку сущностью переводческой деятельности является не что иное, как верная передача и интерпретация культурной информации в оригинальном тексте.

После 1987 г. в Китае переводилось и создавалось ещё больше работ по западной переводческой герменевтике. В апреле 2000 г. издательство Hubei Education Press (湖北教育出版社 / hú běi jiāo yù chū bǎn shè) организовало публикацию монографии Гуо Цзяньчжуна (郭建中) «Современная теория перевода в США» (《当代美国翻译理论》/ dāng dài měi guó fān yì lǐ lùn), целая глава которой посвящена проблеме «герменевтики и переводоведения» (阐释学与翻译研究 / chǎn shì xué yǔ fān yì yán jiū). По мнению Гуо, именно герменевтическая интерпретация считается основой западной теории перевода. В декабре того же года City University of Hong Kong Press (香港城市大学出版社 / xiāng gǎng chéng shì dà xué chū bǎn shè) опубликовал книгу «Избранные работы переводоведения на Западе» (《西方翻译理论精选》/ xī fāng fān yì lǐ lùn jīng xuǎn) под редакцией Чен Дэхуна (陈德鸿) и Чжан Наньфэна (张南峰), которая включает перевод знаменитой работы Ф. Шлейермахера «О разных методах перевода» и пятой главы книги «После Вавилона» Дж. Штайнера. До сих пор эти основные концепции переводческой герменевтики применяются в Китае.

Оглядываясь на развитие переводческой герменевтики в Китае в целом, стоит задавать такой вопрос: почему сначала скорость её развития была слишком низкой, а затем внезапно возросла?

Развитие переводческой герменевтики в Китае также соответствует социальному перевороту и находилось под сильным влиянием экономических и политических эволюций и культурных обменов между странами.

В 1960–1970-е гг., когда процветала западная герменевтика и теория перевода, Китай переживал «Великую культурную революцию» (文化大革命 / wén huà dà gé mìng), которая отгородила Китай от внешнего мира. Только после 1980-х годов в страну стали снова поступать самые разные идеи и культурные концепты из-за рубежа. Так что ответ на поставленный вопрос стал ясным.

Во-первых, перед тем как переводческая герменевтика вошла в Китай, теория эквивалентности уже быстро привлекла на себя внимание и заняла центральное место научного мира, а последовавшая за ней Теория Скопос тоже высоко ценилась за свою практичность. Поскольку в то время в Китае предпочитали социально-культурные критические идеи, герменевтическая теория, ориентированная на индивидуальность и творческие силы человека, в нашей стране не была полностью принята.

Во-вторых, отличаясь своей философской онтологической особенностью, переводческая герменевтика бросала вызов традиционной китайской философии. А в рамках последнего трудно было понять субъективную креативность и динамический процесс перевода (Си, 2009: 56).

К счастью, вскоре ситуация улучшилась. С проведением политики реформ и открытости (改革开放 / gǎi gé kāi fàng) китайский академический круг наконец увидел общность между западной герменевтикой и своей культурой. Например, герменевтическое понятие «слияние горизонтов» соответствует классическому эстетическому понятию 以我观物, 以物观物 (yǐ wǒ guān wù, yǐ wù guān wù). Тем не менее, начиная с 1990-х гг. в Китай одна за другой влиялись иностранные концепции и понятия, учёные и исследователи становились всё более открытыми для новых идей, а переводческая герменевтика всё шире изучалась в стране.

2. Герменевтическое исследование переводоведения в современном Китае

Благодаря труду предыдущих поколений в XXI в. всё больше китайских учёных обращают своё внимание на герменевтику. Многие исследователи начали активно изучать разные проблемы в рамках герменевтической парадигмы перевода, в частности, ши-

рокое внимание и обсуждение получили следующие направления: онтологическая проблема в переводе (翻译本体论 / fān yì běn tǐ lùn), субъективность переводчика (译者的主体性 / yì zhě de zhǔ tǐ xìng), культурная интерпретация и слияние горизонтов (文化阐释与视阈融合 / wén huà chǎn shì yǔ shì yù róng hé), герменевтика и рецептивная эстетика (阐释学与接受美学 / chǎn shì xué yǔ jiē shòu měi xué).

С одной стороны, учёные занялись теоретическими исследованиями, предполагая собственные критические мнения; с другой стороны, они стали анализировать перевод художественных произведений с китайского языка или на китайский язык через призму герменевтики, рассматривая применимость герменевтической методики переводоведения в практике.

Автор настоящей статьи использовала авторитетную базу академических достижений на китайском языке cnki.net (中国知网 / zhōng guó zhī wǎng) для поиска данных. После сортировки, обобщения и анализа этих данных, выяснилось: за период с 2000 по 2022 годы было опубликовано 530 научных результатов (включая статьи в журналах, бакалаврские, магистерские и кандидатские диссертации) на китайском языке, связанных с герменевтикой художественного перевода.

Приведённые выше данные, с одной стороны, показывают, что китайская академия придаёт большое значение художественному переводу; а с другой стороны, доказывают, что художественный перевод — довольно сложная задача, для решения которой исследователи постоянно ищут новые взгляды, разрабатывая новые методы, полезные для понимания процесса перевода и для улучшения качества его результата.

На основе 547 публикаций по герменевтическому исследованию художественного перевода построен график, показывающий взаимосвязь между временем опубликования и количеством публикаций.

Как показано на графике, количество исследований значительно выросло за последние 22 года. Это говорит о том, что данная область исследования имеет продолжительную привлекательность для китайских учёных, тем более, в этой области ещё многое интересное предстоит обсудить и исследовать.

Как показал анализ, эти 547 работ разделяются на два подраздела — теоретический и практический.

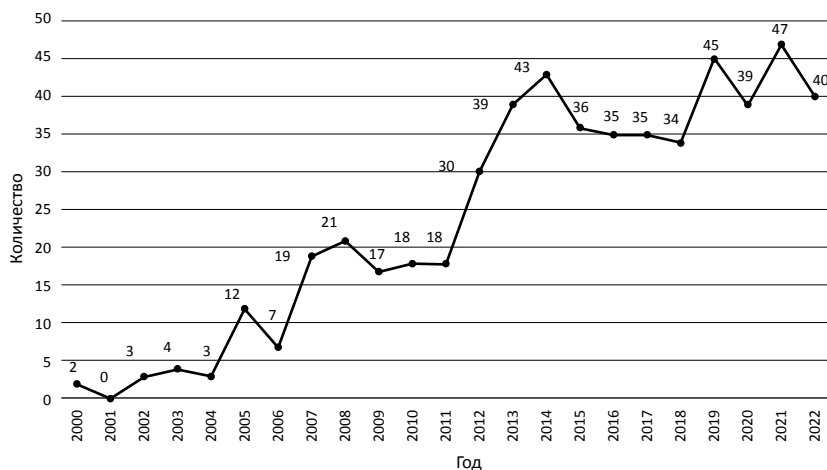

Рисунок. Количество публикаций и год опубликования (2000–2022)

Figure. Number of Publications And Year of Publication (2000–2022)

2.1. Теоретический аспект

91 из 547 (около 17,2%) научных работ относятся к теоретическому обзору.

Среди них в 51 случае результат был основан не на теории одного учёного, а на обобщённом наблюдении истории переводческой герменевтики в Китае, влиянием герменевтики на художественный перевод и т.д.

Например, в 2003 г. Юань Ли (袁莉) опубликовала важную статью по теме «Герменевтический подход к изучению субъективности переводчика»⁴, в которой исследуется связь между автором, оригинальным текстом, переводчиком, переводным текстом и его читателем с герменевтической точки зрения. Другой пример — статья Чжана Дэжана (张德让) «Реконструкция, опыт и слияние горизонтов — герменевтическое исследование художественного перевода»⁵, в которой отмечают: 1) понятие «реконструкция» (重构 / zhòng gòu) — это процесс превращения переводчика в автора;

⁴ 袁莉. 文学翻译主体的诠释学研究构想(J). 解放军外国语学院学报, 2003, 26(3): 74–78. (Yuan Li. (2003) A Hermeneutic Approach to the Studies of Translator's Subjectivity. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 26(3), pp. 74–78).

⁵ 张德让. 重构·体验·融合——文学翻译的诠释学视界(J). 解放军外国语学院学报, 2005, 28(2): 67–70. (Zhang De-rang. (2005) Reconstruction, Experience and Fusion of Horizons — A Hermeneutic Study of Literary Translation. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 28(2), pp. 67–70).

2) понятие «опыт» (体验 / tǐ yàn) означает резонанс и сопереживание переводчика с автором; 3) понятие «слияние горизонтов» (视域融合 / shì yù róng hé) означает, что переводчик находится в диалоге с автором.

Остальные 40 обзоров исследуют проблемы художественного перевода на основе конкретной герменевтической теории определённого учёного и философа. Из 40 результатов исследуется: 2 — Ф. Шлейермахер, 15 — Г. Гадамер, 14 — Дж. Штайнер, 2 — П. Рикер, 5 — У. Эко, 1 — Цянь Чжуншу (钱钟书), 1 — Се Тяньчжэнь (谢天振). В одной из перечисленных работ (см. Ню, 2022: 105–115)⁶ одновременно изучаются идеи Шлейермахера и Гадамера.

Это показывает соответствие между темой исследования и тенденцией развития герменевтической парадигмы перевода в Китае. Хотя Ф. Шлейермахер давно предполагал рассматривать проблемы переводоведения с позиции герменевтики, китайское академическое сообщество в то время всё ещё было погружено в догму «верного перевода» (忠实 / zhōng shí), мало внимания уделялось западным теориям. Спустя десятилетия, с открытием границы страны, переводческая герменевтика сразу стала звездой в изучении художественного перевода. В то время теории Х.-Г. Гадамера и Дж. Штайнера пользовались большой популярностью на Западе, так что имена этих учёных чаще видятся и в темах статей китайских исследователей. К сожалению, другие теоретики, которые тоже добились успехов в данной научной области, — В. Дильтей (Wilhelm Dilthey), Ж. Деррида (Jacques Derrida) и Ф.М. Ренер (Frederick M. Renner), не были глубоко исследованы в Китае.

Помимо вышеупомянутых обзоров, теоретические исследования включает ещё одну категорию научных работ. В этих работах исследователи рассматривают конкретные герменевтические понятия на материале перевода художественных текстов. Данная категория охватывает 233 результата (42,6% из 547).

Ключевое словосочетание, которое привлекло наибольшее внимание китайских исследователей, — это «субъективности переводчика» (译者主体性 / yì zhě zhǔ tǐ xìng), изучается в 178 работах (около 76,4% из 233). Кроме того, в 10 статьях изучали проблему

⁶ 牛文君. 理解、诠释与翻译——基于施莱尔马赫和伽达默尔的诠释学翻译理论(J). 哲学研究, 2022, (12): 105–115. (Niu Wen-jun. (2022) Understanding, Interpretation and Translation — Hermeneutic Translation Theory Based on Schleiermacher and Gadamer's idea. 12, pp. 105–115).

creative treason (термин предложен Робером Эскапри; кит. 创造性叛逆 / chuàng zào xìng pàn nì), и в других 6 статьях изучали феномен *retranslation* (термин впервые предложен и развитый А. Берманом, И. Гамбье и П. Бенсимоном в 1990-х гг.; кит. 复译 / fù yì). Работы в этих трёх категориях вместе составляет около 83,3% от общего числа результатов отмеченной категории.

Видно, что по мере освобождения китайской академии от традиционной догмы, учёные всё больше интересуются независимостью и творческой силой переводчика. В то время понимание переводческого действия также перешло от механического процесса преобразования символов к художественному творчеству.

Второе и третье место по популярности занимают ключевые слова «культурологическое исследование» (16 работ) и «слияние горизонтов» (14 работ). Поскольку автор, переводчик и читатель живут в постоянно изменяющемся мире, значимость исторических и культурных факторов при переводе привлекла внимание исследователей. С одной стороны, исторические и культурные различия ограничивают возможность полного понимания и толкования оригинального текста, с другой стороны, они же делают каждый переводный текст уникальным.

Данная область представлена учёным Юань Хунчжэн (袁洪庚). Он не только приложил немало усилий для ознакомления китайского академического круга с переводческой герменевтикой в 1987 г., но и поощрял молодых учёных к дальнейшему исследованию в этой важной и интересной научной сфере.

Другие темы, такие как неправильное прочтение (误读 / wù dú), переводческие ошибки (误译 / wù yì), герменевтика и рецептивная эстетика (阐释学与接受美学 / chǎn shì xué yǔ jiē shòu měi xué), авторский и текстовый замысел (作者本意与文本本意 / zuò zhě běn yì yǔ wén běn běn yì), также вызвали некоторые обсуждения в Китае.

Научные достижения по теме «переводческие ошибки» (误译 / wù yì), составляют пять работ. В трёх из них анализируются ошибки при переводе конкретного художественного текста с английского языка на китайский язык или, наоборот, с китайского на английский. Языковые материалы взяты как из романов Мо Яна (莫言) «Большая грудь, широкий зад» (丰乳肥臀 / fēng rǔ féi tún) и «Устал родиться и умирать» (生死疲劳 / shēng sǐ pí láo), так и из великой трагедии Уильяма Шекспира «Макбет» (麦克白 / mài kè bái).

Если смотреть только на количество достижений, проблемы «герменевтики и рецептивной эстетики» (阐释学与接受美学 / chǎn shì xué yǔ jiē shòu měi xué) и «авторского и текстового замысла» (作者本意与文本本意 / zuò zhě běn yì yǔ wén běn běn yì) не получили широкого внимания. Однако, поскольку исследователи этих проблем действительно известны в Китае, результаты также заслуживают упоминания в данной статье.

Первая из них привлекла внимание философа Чжу Цзяньпина (朱健平), кто с 2000 г. постоянно создаёт научные открытия в соответствующей области. Его докторская диссертация, защищённая в 2003 г., также посвящена данной теме.

А последняя проблема привлекла внимание Се Тяньчжэнь (谢天振), известного китайского теоретика в области переводоведения. В 2000 г. Се написал статью по теме «Авторский и текстовый замысел — герменевтическая теория и переводоведение» (《作者本意和本文本意——解释学理论与翻译研究》/ zuò zhě běn yì hé běn wén běn yì — jiě shì xué lǐ lùn yǔ fān yì yán jiū), рассматривая различия между понятиями 含义 (hán yì, смысл) и 意义 (yì yì, значение) разных типов. Сравнивая концепции «слияния горизонтов» (нем. Horizontverschmelzung) Х.-Г. Гадамера, понятия «значимости» (англ. significance) и «значения» (англ. meaning) Э.Д. Хирша, китайский теоретик рассматривал достоинства предложенных различными учёными герменевтических теорий при изучении переводоведения.

Се согласился с Гадамером по проблеме «слияния горизонтов» (视域融合 / shì yù róng hé), но по «историчности понимания» (理解的历史性 / lǐ jiě de lì shǐ xìng) ему более приемлемы идеи Хирша, согласно которому, именно под влиянием «историчности понимания» текст может быть понят по-разному. Однако, как бы ни были различны результаты, в процессе осмысляющей деятельности всегда существует какой-то общий ценностный стандарт. По мнению Се Тяньчжэня, такое позитивное отношение полезнее для исследования переводческой деятельности, чем идеи Гадамера, которые основаны на концепции «историчности понимания» и отрицают возможности восстановления смысла автора оригинального текста (Се, 2000: 60).

2.2. Практический аспект

Далее в статье будут рассматриваться научные исследования, анализирующие практические результаты художественного пере-

вода с герменевтической точки зрения. В периоде 2000–2022 гг. всего было опубликовано 206 достижений данной категории.

В 136 работах (около 66% из 206) изучают перевод конкретного произведения, а в большинстве из них сравнивают 2–3 популярных и авторитетных перевода одного и того же текста.

Материалы для изучения перевода с китайского языка на иностранный язык являются, в основном, китайскими классиками (中国典籍 / zhōng guó diǎn jí). Самыми популярными материалами считаются «Дао Дэ Цзин» (道德经) и «Лунь Юй» (论语) — каждый из них изучается в 13 научных работах. Второе место занимает сборник стихотворений «Ши-цзин» (诗经), который изучается в 11 работах. Кроме того, ещё были изучены такие классики, как «Чжуан-цзы» (庄子), «Дасюэ» (大学), «Чжун юн» (中庸), «Троесловный канон» (三字经 / sān zì jīng), «Цзо-чжуань» (左传), «Чайный канон» (茶经 / chá jīng), «Цанлан Шихуа» (沧浪诗话), «Трактат о повреждении холодом и разнообразных болезнях» (伤寒杂病论 / shāng hán zá bìng lùn) и т.д.

Другие материалы включают древнекитайские сочинения, такие как «Сон в красном тереме» (红楼梦 / hóng lóu mèng) и «Троецарствие» (三国演义 / sān guó yǎn yì), и некоторые произведения современной китайской литературы, такие как «Рикша» (骆驼祥子 / luò tuó xiáng zǐ, Лао Шэ), «Жить» (活着 / huó zhe, Юй Хуа), «Родной город» (故乡 / gù xiāng, Лу Сюнь), «Золотой век» (黄金时代 / huáng jīn shí dài, Ван Сяобо) и «The Earthen Gate» (土门 / tǔ mén, Цзя Пин-ва), «Сандаловая смерть» (檀香刑 / tán xiāng xíng, Мо Янь), «Страна вина» (酒国 / jiǔ guó, Мо Янь) и «Любовь в падшем городе» (倾城之恋 / qīng chéng zhī liàn, Чжан Айлин).

Что касается языковой пары, в большинстве исследований (в 114 исследованиях), где анализируется китайско-английский перевод, исключений только пять. В двух статьях рассматривается перевод «Дао Дэ Цзин» (道德经) с китайского на тайский и французский языки; в другой работе изучается перевод «Ши-цзин» (诗经) на французский; перевод китайских произведений «Чжуан-цзы» (庄子) и «Цанлан Шихуа» (沧浪诗话) на немецкий язык исследуется в двух работах; а в последней работе рассмотрен перевод «Родного города» (故乡 / gù xiāng) на японский язык.

Материалы, на которых изучается перевод с иностранных языков на китайский язык, гораздо богаче. Все материалы, сгруппированные по исходному языку, показаны в таблице.

Таблица

№	Название работы	Название работы на русском	ФИО автора на русском	Название работы на китайском
Англоязычная литература				
1	Death of a Salesman	Смерть коммивояжёра	Артур Миллер	推销员之死
2	Great Expectations	Большие надежды	Чарльз Диккенс	远大前程
3	The Old Man and the Sea	Старик и море	Эрнест Хемингуэй	老人与海
4	The Secret Garden	Таинственный сад	Фрэнсис Элиза Бёрнетт	秘密花园
5	Tender is the Night	Ночь нежна	Фрэнсис Скотт Фицджеральд	夜色温柔
6	The Great Gatsby	Великий Гэтсби	Фрэнсис Скотт Фицджеральд	了不起的盖茨比
7	Animal Farm	Скотный двор	Джордж Оруэлл	动物农场
8	Uncle Tom's Cabin	Хижина дяди Тома	Гарриет Бичер-Стоу	汤姆叔叔的小屋
9	The Pilgrim's Progress	Путешествие Пилигрима в Небесную Страну	Джон Буньян	天路历程
10	The Catcher in the Rye	Над пропастью во ржи	Джером Д. Сэлинджер	麦田里的守望者
11	Peter Pan	Питер Пэн	Джеймс Барри	彼得·潘
12	Paradise Lost	Потерянный рай	Джон Мильтон	失乐园
13	Thousand Splendid Suns	Тысяча сияющих солнц	Халед Хоссейни	灿烂千阳
14	The Good Earth	Земля	Перл С. Бак	大地
15	Tess of the d'Urbervilles	Тэсс из рода д'Эрбервиллей	Томас Харди	德伯家德苔丝
16	Jude the Obscure	Джуд Незаметный	Томас Харди	无名的裘德
17	Leaves of Grass	Листья травы	Уолт Уитмен	草叶集
18	The Sound and the Fury	Шум и ярость	Уильям Фолкнер	喧哗与骚动
19	Othello	Отелло	Уильям Шекспир	奥赛罗

Таблица (окончание)

№	Название работы	Название работы на русском	ФИО автора на русском	Название работы на китайском
20	Cakes and Ale	Пироги и пиво, или Скелет в шкафу	Сомерсет Моэм	啼笑皆非
21	The Sensible Thing	Разумнее всего...	Фрэнсис Скотт Фицджеральд	明智之举
22	Myrtho	Мирто	Жерар де Нерваль	桃金娘
23	To Kill a Mockingbird	Убить пересмешника	Харпер Ли	杀死一只知更鸟
24	The Birthplace	Место рождения	Генри Джеймс	出生地
Французская литература				
1	Les Fleurs du mal	Цветы зла	Шарль Бодлер	恶之花
2	Le Petit Prince	Маленький принц	Антуан де Сент-Экзюпери	小王子
Немецкая литература				
1	Immensee	Иммензее	Теодор Шторм	茵梦湖
Японская литература				
1	春の雪	Весенний снег	Юкио Мисима	春雪
Русская литература				
1	Преступление и наказание	Преступление и наказание	Ф.М. Достоевский	罪与罚

В 19 (около 9,2%) результатах исследуют перевод художественных текстов определённого типа или жанра.

Шесть из них рассматривают переводы текстов с иностранных языков на китайский язык: в одной обсуждается перевод буддийских писаний в Китае, две работы посвящены переводу западной детской литературы и по одной статье — с исследованием англо-китайского перевода научно-популярных текстов, детективных романов и романов — потоков сознания.

А другие девять работ посвящены переводу художественного текста с китайского языка на английский язык. В том числе три исследуют перевод древней китайской классики; по одной — перевод древней поэзии, классических драм, романов хуэйму (回目小说 / huí

mù xiǎo shuō), перевод современного китайского исторического романа, современной прозы (散文/ sǎn wén), современной фантастики национальных меньшинств; две работы посвящены переводу современных научно-фантастических романов.

Видно, что основное внимание в исследованиях данного вида уделяется китайско-английской языковой паре. Интересно, что почти во всех (83,3%) исследованиях по переводу текста на китайский язык выбрана современная литература в качестве материала, а при изучении по переводу текста с китайского на английский язык 77,8% исследователей выбрали древнекитайские произведения.

В 18 (около 8,7%) научных работах рассматривают переводы нескольких произведений одного и того же автора. Больше всего исследователей интересуют стихи Ли Цинчжао (李清照) — пять работ посвящены переводу творчества поэта на английский язык. За ними стоят работы Тао Юаньмина (陶渊明), которые вызвали интерес у трёх исследователей. Третье место занимают произведения Су Дунпо (苏东坡) — два достижения посвящены переводу его стихов на английский.

Исследования перевода художественного текста с китайского на английский касаются поэзии Юй Гуаньчжуна (余光中), Ли Бая (李白) и Ван Вэя (王维), романов Цзя Пинва (贾平凹) и интерпретаций конфуцианских канонов Линя Юйтана (林语堂). Противоположные исследования переводов с иностранных языков на китайский язык касаются лирики и поэзии Перси Шелли (Percy Bysshe Shelly), Артура Уэйлиа (Arthur David Waley) и Джона Китса (John Keats).

В 6 (около 3,0%) научных изысканиях анализируются переводы нескольких произведений одного и того же переводчика, включая английский перевод Вана Хунгуна (王红工) стихов Ду Фу (杜甫), китайский перевод работ В. Шекспира Чжу Шэнхао (朱生豪), английский перевод китайской литературы Гэ Хаовэнь (葛浩文), английский перевод Сюй Чжунцзе (徐忠杰) поэзии Синь Цицзи (辛弃疾), китайский перевод англоязычной литературы Чжоу Цзожэня (周作人) и английский перевод Э. Паундом (Ezra Pound) поэзии Ли Бая. (Приведённые выше результаты перечислены в хронологическом порядке).

Две научные работы (около 1% из 206) образованы по интересной теме самоперевода (т.е. писатель оригинального текста переводит своё произведение на целевой язык). Они являются

магистерскими диссертациями Чжэн Яньтун (郑艳彤)⁷ в 2019 г. и Ян Ши⁸ в 2021 г.

Чжэн отметила, что хотя самоперевод имеет долгую историю, он привлёк внимание к себе только в последних три десятилетия. К тому же отечественные исследования данной области чаще всего анализируют результаты самопереводов Линя Юйтана (林语堂) и Чжана Айлина (张爱玲), но относительно мало внимания уделялось самопереводам других писателей, такие как Бай Сяньюн (白先勇) (Чжэн, 2019: 8). В её диссертации рассматривается китайский и английский тексты романа Бай Сяньюна «Тайбэйцы» (台北人 / *tái běi rén*) в рамках герменевтической теории Дж. Штайнера.

Исследователь отметила, что, как автор и переводчик, Бай Сяньюн уделяет больше внимания культурному фону и ожиданиям читателей целевого языка, принимает, прежде всего, переводческую стратегию локализации. С помощью таких приёмов, как замена, дополнение, транслитерация и др., Бай стремится эквивалентно передать носителям английского языка смысл и форму оригинального текста (Чжэн, 2019: 63).

По мнению Чжэна Яньтуна, автор-переводчик имеет абсолютные преимущества в восприятии и выражении своего произведения и может в наибольшей степени передать дух и стиль текста исходного языка. Таким образом, исследователь пришла к выводу, что самоперевод является самым близким к оригиналу и самым надёжным переводом.

26 работ (около 12,6%) изучали перевод языкового явления определённого типа в художественном тексте. Наиболее изученными темами являются национально-маркированная лексика (文化负载词 / *wén huà fù zǎi cí*) и фразеология (成语 / *chéng yǔ*) — по каждой теме написаны четыре работы. Второе место занимают эллипс (省略辞格 / *shěng lüè cí gé*) и полисемия (一词多义 / *yī cí duō yì*) — по каждой проводились два исследования. Кроме того, ещё найдены научные работы, изучающие такие проблемы, как метафора (隐喻 / *yǐn yù*), редупликация (叠词 / *dié cí*), длинное сложное предложение (长难句 / *zhǎng nán jù*), эвфемизм (委婉语 / *wěi wǎn yǔ*), юмор (幽默 / *yōu mò*), диалект (方言 / *fāng yán*) и единица измерения (计量单

⁷ 郑艳彤. 阐释学视角下的白先勇自译研究(D). 西安外国语大学, 2019. (Zheng Yantong. On Pai Hsien-Yung's Self-translation From a Hermeneutic Perspective: A Case Study of Taipei People, 2019).

⁸ 杨诗怡. 纳博科夫自译《洛丽塔》的归化问题研究(D). 浙江大学, 2021. (Ян Ши. Адаптация в авторском переводе романа В.В. Набокова «Лолита», 2021).

位 / jì liàng dān wèi). Наконец, некоторые исследования посвящены чрезвычайно редким темам, таким как перевод названий созвездий (星宿名称 / xīng xiǔ míng chēng), или перевод слов 道 (dào), 仁 (rén), 礼 (lǐ), 天 (tiān) в древнекитайских классиках.

На основании статистики нетрудно сделать следующие выводы:

Во-первых, при изучении перевода с китайского языка на иностранные языки, учёные предпочитают тексты классической или даже древнекитайской литературы, например, древние стихотворения (古诗 / gǔ shī) и «Лунь Юй» (《论语》). Однако при изучении перевода с иностранных языков на китайский, учёные предпочитают современные художественные работы. Это не только отражает стремление исследователей к обмену китайской и зарубежной литературой, но и отражает асинхронность и асимметрию импорта чужой культуры в Китай и экспорта китайской культуры в другие части мира. Видно, что в Китай пришли многие современные западные произведения, но понимание китайской литературы в некоторых регионах мира остаётся лишь на традиционном или древнем этапе.

Герменевтическое исследование художественного перевода в Китае пока не исследовалось широко в академических кругах. Большинство учёных, интересующихся данной темой, является специалистами, занимающимся китайско-английским переводом. Хотя немало китайских учёных владеют иностранными языками (например, японским, русским, французским и немецким), и на этих языках написано немало выдающихся художественных произведений, слишком мало герменевтических исследований проведено по переводу этих произведений на китайский язык или по переводу китайских произведений на эти языки. Для решения этой проблемы необходимы взаимодействия китайских филологов, литературоведов, лингвистов, культурологов и зарубежных китаеведов.

3. Положительные влияния герменевтических исследований переводоведения на академический мир Китая

Во-первых, исследования художественного перевода с герменевтических взглядов позволят китайским учёным выйти из рамок «единственно правильного стандарта перевода» (唯一正确的翻译标准 / wéi yī zhèng què de fān yì biāo zhǔn), поощряют их рассматривать переводческую деятельность как творческий процесс, которое отражает свои культурные особенности и черты эпохи.

В статье «Почему герменевтика должна быть введена в теорию художественного перевода» знаменитый теоретик Цай Синьлэ (蔡新乐) показывает, что в конце XX века определённые идеи или теории считались абсолютными правилами и критериями перевода, а правила «信达雅» (xìn dá yǎ; верность, понятность, эlegantность) даже стали нерушимым высшим законом всех переводческих деятельности (Цай, 1998: 7). Следовательно, отсутствие инноваций в академических кругах серьёзно препятствует развитию переводоведения в Китае.

Именно в это время возникла переводческая герменевтика, которая обеспечила распространение нового направления для теоретических инноваций. Она помогла исследователям осознать относительность переводных результатов, множественность интерпретаций текстов и разнообразие культур, пробуждала у переводчиков стремление к субъективности и позволяла рассматривать отношения между переводчиком и оригиналом с новых взглядов, задумываясь об уникальной ценности переводчиков.

Во-вторых, герменевтический взгляд на художественный перевод обращает наше внимание на динамику переводческой деятельности и на связь между переводным текстом и развитием эпохи.

Текст является культурным продуктом, который ограничен исторической обстановкой, культурной традицией и другими факторами. Понимание человека текста тоже ограничено этими факторами. Так что истолкование и интерпретация текста представляет собой изменяющийся, развивающийся процесс. Нет вечного, фиксированного и окончательного «понимания» текста.

Переводческая герменевтика предполагает корректное отношение к различным версиям перевода, рациональный анализ причин появления разных переводов. За каждым выбором переводчиков, даже за каждой переводческой ошибкой, стоят важные исторические причины. Перевод, считающийся некрасивым читателям нашего времени, может быть, подходил для читателей той эпохи, когда он был создан.

Это понятие и лежит в основе явления «повторного перевода» (англ. *the phenomenon of retranslation*) художественного произведения.

Как отметил знаменитый китайский переводчик и специалист по переводу Гети Ян Унэн (杨武能): «Рассматривая одну и ту же работу в разных эпохах и культурных традициях с разных эстетических взглядов, читатели почувствуют особую привлекательность произведения, которую привели только отмеченные выше измене-

ния. Благодаря толкованиям интерпретаторов каждой эпох великая литература передаётся из поколения в поколение. Понимание и интерпретация могут продлить жизнь произведения и позволить ему возродиться на чужбине»⁹ (Ян, 1990: 53).

В-третьих, герменевтическая теория художественного перевода имеет большие философские характеристики. Изучение переводческой деятельности на философском уровне за пределами языка, литературы и культуры, может привести к более абстрактным и общим выводам.

Отношения между языком и мышлением человека широко известны. А «понимание» и «интерпретация», как результаты человеческого познания и мышления, могут помочь как теоретикам, так и переводчикам углубить изучение проблем перевода и ответить не только на вопрос «как перевести», но и на вопрос «почему переводить именно так».

4. Заключение

Переводческая герменевтика, разработанная на основе западной философской герменевтики, влила свежую струю в исследование художественного перевода в Китае, способствуя тому, чтобы данное междисциплинарное направление сохранило свою живучесть в XXI веке и продолжало привлекать внимание многочисленных выдающихся учёных.

Однако герменевтические исследования художественного перевода в Китае всё ещё имеют некоторые недостатки. Помимо отсутствия изучения языковых пар (кроме китайско-английской) и ограничения в выборе художественных текстов, как материалов исследования, существует ещё одна проблема. В настоящее время китайским исследованиям в этой области не хватает инновационных систематических моделей и собственных теоретических систем. В некоторых исследованиях просто применяют модели предшественников (например, Дж. Штайнера) к различным языковым материалам для описания текстов.

Стоит подчеркнуть, что герменевтические идеи и теории постоянно развиваются, а герменевтическая парадигма перевода также не может оставаться на месте. Оглядываясь на эволюцию герменев-

⁹ Цитата на оригинальном языке: 一部作品,在不同的时代和文化背景中、从不同的角度、用不同的审美眼光对它进行观察,读者会发现它因为这些变化而折射出绚丽多姿的光彩。一部作品之所以世代传唱,还有赖于世世代代不同的诠释者的多种阐释。理解和阐释,可以延长作品的寿命,使作品在异域获得新生。

тики с древнейших времён до наших дней, нетрудно заметить, что на каждой стадии её развития учёные критикуют, пересматривают, расширяют и совершенствуют теории, предложенные на предыдущем этапе. Таким образом, исследователи нашей эпохи не должны останавливаться на достигнутом, считая идеи Гадамера и Штайнера законченными эталонами, иначе теория перевода в Китае основа впадёт в состояние слепого поклонения «авторитету» и отсутствия инноваций, как и в конце XX века.

Список литературы

- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та., 2007. С. 35.
- Габитова Р.М. «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера // Герменевтика: история и современность. М.: Мысль, 1985. С. 115.
- Лю Шижао. Герменевтика Св. Августина по взглядам китайских исследователей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 3. С. 28–29.
- Мишуров Э.Н. Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (Часть I) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2015. № 2. С. 17–37.
- Турьишева О.Н. Теория и методология зарубежного литературоведения. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 160.
- Пань Дэжун. Цун шэньцзи дао чжихуэй — цюаньшисюэ таньюань (От чудес к мудрости: поиск источника герменевтики) // Пекин: Шицзе чжэсюэ, 2006. № 3. С. 43–48.
- Се Тяньчжэнь. Цзочжэ бэньи хэ бэньвэнь бэньи — цзешисюэ лилунь юй фаньи яньцзю (Авторский и текстовый замысел — герменевтическая теория и переводоведение) // Шанхай: Вайгоуй, 2000. № 3. С. 60.
- Си Фэн. Чаньшисюэ фаньигуань цзай чжунго дэ чаньши (Интерпретация переводческой герменевтики в Китае) // Далянь: Вайюй юйв айюй цзяосюэ, 2009. № 3. С. 56–60.
- Хун Ханьдин. Цюаньшисюэ юй чжунго (Герменевтика и Китай) // Цзиньань: Вэньшичжэ, 2003. № 1. С. 9–11.
- Хэ Вэйпин. Аогусыдинъ юй сифан цзешисюэ (Аврелий Августин и западная герменевтика) // Ухань: Ухань дасюэ сюэбао, 2012. № 5. С. 5.
- Цай Синьлэ, Юй Дунчжань. Вэйшэньмэ яо цзян шиисюэ иньжу вэньсюэ фаньи лилунь? — Югуань «Вэньсюэ фаньи дэ шиисюэ юаньли» дэ исе вэньти (Почему герменевтика должна быть введена в теорию художественного перевода? — Некоторые вопросы о «Герменевтических принципах художественного перевода»). Шанхай: Шанхай вайгоуй дасюэ сюэбао, 1998. № 2. С. 7.
- Цянь Чжунишу. Гуаньчжуй бянъ (Ограниченные взгляды). Т. 1. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1979. С. 170–173.
- Чжан Лунси. Жэньчжэцзяньжэнь, чжичжэцзяньчжи — Гуаньюй чаньшисюэ юй цзешоумэйсюэ — Сяньдай сифан вэньлунь люэлань (О герме-

невтике и рецептивной эстетике: краткий обзор современных западных теорий) // Пекин: Душу, 1984. № 3. С. 86–95.

Чжан Лунси. Шэнь-шанди-цзочжэ: пин чуаньтун дэ чаньшисюэ (Божество, Бог, автор: комментарий к традиционной герменевтике) // Пекин: Душу, 1984. № 4. С. 106–114.

Чжан Жулунь. Лицзе: лишисин хэ юйяньсин — Чжэсюэ шиисюэ цзяньшу (Понимание: исторические и лингвистические характеристики — краткое введение в философскую герменевтику). Шанхай: Фудань сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань), 1984. № 6. С. 37–40, 57.

Чжан Ядун. Лицзе хэй чэнвэй кэнэн: шиисюэ лилунь дэ саныцы чжуаньсян (Как возможно понимание: три поворота герменевтических теорий) // Таншань: Хуабэй лигун дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань), 2019. № 6. С. 6.

Чжэнъ Яньтун. Чаньшисюэ шицзяо ся дэ Бай Сяньюн цзыи яньцзю (Исследование самоперевода Бай Сяньюна с герменевтической точки зрения) // Сиань: Сианьянь вайгоуй дасюэ, 2019. С. 8, 63.

Шао Хун. Фаньи — дуй вайлай вэньхуа дэ чаньши (Перевод — интерпретация иностранной культуры) // Пекин: Чжунго фаньи, 1987. № 6. С. 8.

Юань Цзиньсян. Ичжун синьдэ фаньи вэньти — чаньи (Новый метод перевода — герменевтическая интерпретация) // Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю, 1987. № 3. С. 55.

Ян Унэн. Чаньши, цзешоу юй чуаньцаосин дэ сюньхуань — вэньсюэ фаньи дуаньсян (Круг интерпретации, восприятия и творчества — отрывистые мысли о художественном переводе) // Пекин: Чжунго фаньи, 1987. № 6. С. 4.

Ян Унэн. Шобувань дэ Фушидэ (О «Фаусте») // Тайюань: Минцзо синьшан, 1990. № 1. С. 53–56.

Янь Хунъюань. Хэ вэй цзешисюэ (Что такое герменевтика) // Пекин: Шицзеч жэсюэ, 1979. № 5. С. 73–74.

References

Garbovskiy N.K. (2007) Teoriia perevoda = Translation Theories. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, p. 35 (In Russian).

Gabitova R.M. (1985) Universalnaia germenevtika Fridrikha SHleiermakhera Germenevtika istoriia i sovremennost = Universal hermeneutics of Friedrich Schleiermacher. Germenevtika: istoriya i sovremennost'. Moscow: Mysl, p. 115 (In Russian).

Liu Shirao. (2020) Germenevtika Sv. Avgustina po vzgljadam kitajskih issledovatelej = St. Augustine's Hermeneutics From the Perspectives of Chinese Researchers. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. No. 3, pp. 28–29 (In Russian).

Mishkurov E.N. (2015) Germenevtiko-perevodcheskij metodologicheskij standart v zerkale transdisciplinarnosti (CHast' I) = Hermeneutical methodological standard of translation in the mirror of transdisciplinarity (Part I). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. No. 2, pp. 17–37 (In Russian).

Turyshcheva O.N. (2012) Teoriia i metodologiya zarubezhnogo literaturovedeniia = Theory and methodology of foreign literary criticism. Moscow: Flinta Nauka, p. 160 (In Russian).

蔡新乐, 郁东占. 为什么要将释义学引入文学翻译理论?——有关《文学翻译的释义学原理》的一些问题. 上海外国语大学学报, 1998 (02): 7.

Cai Xinle, Yu Dongzhan. (1998) Weishenme yao jiang shiyixue yinru wenxue fanyililun? — Youguan “Wenxue fanyi de shiyixue yuanli” de yixie wenti = Why Should Hermeneutics be Introduced into Literary Translation Studies? — Several Questions About “The Hermeneutic Principles of Literary Translation”. Shanghai: Shanghai waiguoyu daxue xuebao. No. 2, p. 7 (In Chinese).

何卫平. 奥古斯丁与西方解释学. 武汉大学学报, 2012 (3): 5.

He Weiping. (2012) Aogusiding yu xifang jieshixue = St. Augustine and Western Hermeneutics. Wuhan: Wuhan daxue xuebao. No. 3, p. 5 (In Chinese).

洪汉鼎. 诠释学与中国. 文史哲, 2003 (01): 9–11.

Hong Handing. (2003) Quanshixue yu zhongguo = Hermeneutics and China. Jinan: Wenshizhe. No. 1, pp. 9–11 (In Chinese).

潘德荣. 从神迹到智慧——诠释学探源. 世界哲学, 2006 (03): 43–48.

Pan Derong. (2006) Cong shenji dao zhihui — quanshixue tanyuan = From Miracles to Wisdom: Searching for the Source of Hermeneutics. Beijing: Shijie zhexue. No. 3, pp. 43–48 (In Chinese).

钱钟书. 管锥编. 第一册. 北京: 中华书局. 1979: 170–173.

Qian Zhongshu. (1979) Guanzhuibian = Limited Views. Volume 1. Beijing: Zhonghua shuju, pp. 170–173 (In Chinese).

邵宏. 翻译——对外来文化的阐释. 中国翻译, 1987 (06): 8.

Shao Hong. (1987) Fanyi — dui wailai wenhua de chanshi = Translation — the interpretation of foreign culture. Beijing: Zhongguo fanyi. No. 6, p. 8 (In Chinese).

西风. 阐释学翻译观在中国的阐释. 外语与外语教学, 2009 (03): 56–60.

Xi Feng. (2009) Chanshixue fanyiguan zai zhongguo de chanshi = The Interpretation of Hermeneutics in Translation Studies in China. Dalian: Waiyu yu waiyujiaoxue. No. 3, pp. 56–60 (In Chinese).

谢天振. 作者本意和本文本意——解释学理论与翻译研究. 外国语, 2000 (03): 60.

Xie Tianzhen. (2000) Zuozhe benyi he wenben benyi — jieshixue lilun yu fanyi yanjiu = The Author's Intention and Meaning of the Text: Hermeneutics Theory and Translation Studies. Shanghai: Waiguoyu. No. 3, p. 60 (In Chinese).

燕宏远. 何谓解释学. 世界哲学, 1979 (05): 73–74.

Yan Hongyuan. (1979) Hewei jieshixue = What is Hermeneutics. Beijing: Shijie zhexue. No. 5, pp. 73–74 (In Chinese).

杨武能. 阐释、接受与创造性的循环——文学翻译断想. 中国翻译, 1987 (06): 4.

Yang Wuneng. (1987) Chanshi, jieshou yu changzaoxing de xunhuan — wenxue fanyi duanxiang = The Cycle of Interpretation, Reception, and Creativity: Thoughts on Literary Translation. Beijing: Zhongguo fanyi. No. 6, p. 4 (In Chinese).

杨武能. 说不完的《浮士德》. 名作欣赏, 1990 (01): 53–56.

Yang Wuneng. (1990) Shuobuwan de “Fu shi de” = Cannot Talk Enough About Faust. Taiyuan: Mingzuo xinshang. No. 1, pp. 53–56 (In Chinese).

袁锦翔. 一种新的翻译文体——阐释. 外语教学与研究, 1987 (03): 55.

Yuan Jinxiang. (1987) Yizhong xinde fanyi wenti — chanyi = A New Style of Translation – explanatory interpretation. Beijing: Waiyujiexue yu yanjiu. No. 3, p. 55 (In Chinese).

张隆溪. 仁者见仁, 智者见智——关于阐释学与接受美学. 现代西方文论略览. 读书, 1984 (03): 86–95.

Zhang Longxi. (1984) Renzhejianren, zhizhejianzhi — guanyu chanshixue yu jieshoumeixue — xiandai xifang wenlun luelan = Different Views on Hermeneutics and Reception Aesthetics: A Brief Overview of Modern Western Literary Theories. Beijing: Dushu. No. 3, pp. 86–95 (In Chinese).

张隆溪. 神·上帝·作者: 评传统的阐释学. 读书, 1984 (02): 106–114.

Zhang Longxi. (1984) Shen, shangdi, zuozhe: ping chuantong de chanshixue = Gods, Lord and Author: A Commentary on Traditional Hermeneutics. Beijing: Dushu. No. 2, pp. 106–114 (In Chinese).

张汝伦. 理解: 历史性和语言性——哲学释义学简述. 复旦学报 (社会科学版), 1984 (06): 37–40+57.

Zhang Rulun. (1984) Lijie: lishixing he yuyanxing — zhexue shiyixue jianshu = Understanding: Historical and Linguistic characteristics: A Brief Introduction to Philosophical Hermeneutics. Shanghai: Fudan xuebao (shehui kexue ban). No. 6, pp. 37–40, 57 (In Chinese).

张亚东. 理解何以成为可能: 释义学理论的三次转向. 华北理工大学学报 (社会科学版), 2019 (06): 6.

Zhang Yadong. (2019) Lijie heyi chengwei keneng: shiyixue de sanci zhuanxiang = What Makes Understanding Possible: Three turns of Hermeneutical theories. Tangshan: Huabei ligong daxue xuebao (shehui kexue ban). No. 6, p. 6 (In Chinese).

郑艳彤. 阐释学视角下的白先勇自译研究. 西安外国语大学. 2019: 8+63.

Zheng Yantong. (2019) Quanshixue shijiaoxia de Bai Xianyong ziyi yanjiu = On Pai Hsien-Yung's Self-Translation From A Hermeneutic Perspective: A Case Study Of Taipei People. Xi'an: Xi'an waiguoyu daxue, pp. 8, 63 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лю Шижао — аспирант кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1-й учебный корпус; shiraoliu@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Liu Shirao — Postgraduate Student at the Department of Theory and Methodology of Translation, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Leninskie gory, Moscow State University, GSP-2, 1st academic building; shiraoliu@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25.5.9.8.

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-92-113

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА *ВРЕМЯ* НА МАТЕРИАЛЕ «СКАЗКИ О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ» Е. ШВАРЦА В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И ИНГУШСКИЙ ЯЗЫКИ

Залина Бекхановна Плиева

Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: zalina.bekkhhanovna@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальному на сегодняшний день исследованию концепта «время» в языках и культурах неродственных друг другу: русский, английский и ингушский. Смена перспективы исследовательских подходов: с изучения структур языка, на анализ системы ментальных, когнитивных представлений/процессов человеческой деятельности — всё это обусловило потребность исследования в данном научном направлении, а также актуализировало тему, цель и задачи в этой статье.

Объектом исследования являются лексемы темпоральной семантики.

Предметом исследования избрана экспонация категории «время» в художественном тексте произведения Е. Шварца: «Сказка о потерянном времени».

Целью исследования является интерпретация речемыслительной категории «время» в переводном тексте: с ИЯ (исходного языка) — русского, на ПЯ (переводящие языки) — английский и ингушский. *Основная задача* исследования темпоральных единиц состоит в выявлении и обосновании выбора конкретного перевода, наиболее точно передающего грамматическую категорию «время», с языка оригинала на языке перевода в художественном тексте, путём когнитивного подхода.

Методами исследования являются: когнитивный подход, наряду с дескриптивным, семантическим, лингвопереводческим, сравнительно-сопоставительными методами.

Конечные *результаты*, полученные путём исследования концепта «время» в художественном тексте трех языков различной типологической

принадлежности (русский, английский и ингушский), указывают на тот факт, что понимание времени носителем того или иного языка неодинаковое и неординарное, в связи с национально-культурными отличиями/признаками. Прослеживается аналогия с выявлением и обозначением времени в ингушском и английском языках, а именно: а) физическое время: 'ха' — в ингушском языке и 'time' — в английском языке; б) грамматическое время: 'метта ха' — в ингушском языке и 'tense' — в английском языке. При этом, путём проведения статистического анализа и предварительного подсчёта всех проведённых переводческих операций, было установлено следующее: 1) перевод с русского на английский отличается своей денотативностью: семантический уровень, где в большей степени фигурирует предметное значение концепта: *время*; 2) перевод с русского на ингушский отличается своим семантическим (сигнификативным) уровнем, где понятие на ИЯ соотносится с обозначаемым понятием на ПЯ.

Ключевые слова: темпоральная семантика, номинативный и эргативный, постулированные и приобретённые свойства, лингвопрагматическая установка, акт речедеяния, когнитивный подход, семантический уровень, сигнификативный уровень

Для цитирования: Плиева З.Б. Когнитивный аспект представления концепта *время* на материале «Сказки о потерянном времени» Е. Шварца в переводе на английский и ингушский языки // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025, № 1. С. 92–113. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-92-113

Статья поступила в редакцию 28.12.2024;
одобрена после рецензирования 09.04.2025;
принята к публикации 15.04.2025.

THE COGNITIVE ASPECT OF PRESENTING THE TIME CONCEPT IN “THE TALE OF WASTED TIME” BY E. SCHWARTZ AS TRANSLATED INTO ENGLISH AND INGUSH

Zalina B. Plieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: zalina.bekkhannovna@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the currently relevant study of the concept of time in languages and cultures of unrelated to each other: Russian, English and Ingush. The change in the perspective of research approaches: from the

study of language structures to the analysis of the system of mental and cognitive processes of human activity. This has led to the need for research in this scientific area and updated the theme, purpose and objectives of this article.

The interpretation *object* is the lexemes of temporal semantics.

The *subject* of the study is the exposition of the “time” category in the artistic text of “The tale of wasted time” by E. Schwartz.

The *purpose* of the study is to interpret the speech-thought category of time in the translated text: from the source language (SL): Russian, into the target languages (TL): English and Ingush.

The *main task* of studying temporal units is to identify and justify the choice of a specific translation type that most accurately conveys the grammatical category of *time*, from the original language to the target language in a fiction text, using a cognitive approach.

The *main research methods* are: the cognitive approach, along with the descriptive, semantic, linguotranslation and comparative-contrastive methods.

The *final results* obtained by studying the concept of *time* in the fiction of three unrelated languages (Russian, English and Ingush), indicate the fact that the understanding of time by a native speaker of a particular language is not the same and is extraordinary, due to national and cultural differences/characteristics. However, there is an analogy with how the identification and designation of time in the Ingush and English languages is traced, namely: a) physical time: *xa* in the Ingush language and *time* in English; b) grammatical time: *memma xa* in the Ingush language and *tense* in English. At the same time, by conducting a statistical analysis and preliminary calculation of all the translation operations performed, the following was established: 1) translation from Russian into English is distinguished by its denotation: the semantic level, where the subject meaning of the concept: time appears to a greater extent; 2) translation from Russian to Ingush is distinguished by its semantic (significative) level, where the concept in the SL (source language) is related to the designated concept in the TL (target language).

Keywords: temporal semantics, nominative and ergative, postulated and acquired properties, linguopragmatic attitude, act of speech, cognitive approach, semantic level, significative level

For citation: *Plieva Z.B.* (2025) The cognitive aspect of presenting the time concept in “The tale of wasted time” by E. Schwartz as translated into English and Ingush. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 1. P. 92–113. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-92-113

The article was received on December 28, 2024;
Approved after reviewing received on April 09, 2025;
Accepted for publication on April 13, 2025.

Введение (Introduction)

В современной лингвистике на сегодняшний день стало очень актуальным: смена перспективы исследовательских подходов — с изучения структур языка как таковых, — на анализ системы ментальных, когнитивных представлений и процессов человеческой деятельности, находящихся своё отражение в языке. Общепринятым и актуальным для многих лингвистов и переводоведов на сегодняшний день — стало проводить исследования в русле когнитивного подхода к переводу. Ранее учёные были ориентированы на описание и изучение различных лингвистических единиц и категорий. Однако в процессе перехода на антропоцентрическую научную парадигму, «эти лексические языковые единицы и категории на сегодняшний день исследуются в неразрывной связи с человеком, его мыслительными/когнитивными, психическими процессами, а именно с речемышлением» (Подкопаева, 2021: 2).

Актуальность (relevance) темы исследования состоит в изучении соотношения и взаимодействия трёх уровней: объективная реальность, мыслительные образы и их языковое воплощение в сравнительно-сопоставительном аспекте. Всё это презентует собой новые на сегодняшний день научные направления: когнитивистику и компаративистику. *Объектом* интерпретации являются языковые единицы темпоральной семантики. *Предметом* исследования избрана экспонация концепта «время» в художественном тексте, литературного произведения. *Цель статьи* — интерпретация речемышлительной категории *время* в переводном тексте — с ИЯ (исходного языка) — русского, на ПЯ (переводящие языки): английский (ПАЯ) и ингушский (ПИЯ). *Основная задача* исследования темпоральных единиц состоит в выявлении и обосновании выбора конкретного перевода, наиболее точно передающего грамматическую категорию *время* с языка оригинала на языке перевода (в художественном тексте) путём когнитивного подхода. Определение, насколько идентично представление и понимание концепта *время* у носителей номинативного (английский) и эргативного (ингушский) языков.

Материалы и методы (Materials and methods)

Исследование проводится на основе сравнительно-сопоставительного метода, наряду с дескриптивным, семантическим, лингвокогнитивным, лингвопереводческим.

Научно-исследовательская категория, прямо или косвенно затрагивающая проблемы когнитивного и переводческого анализа текста, получила достойное освещение в работах: Э. Сепира (Sapir, 1958), Э. Холл (Hall, 1983), В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1985), Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1978), А. Вежбицкой (Wierzbicka, 1992), Е.С. Кубряковой (Кубрякова, 1996), Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2007), И.А. Стернина и З.Д. Поповой (Стернин, Попова, 2007), Л.У. Тариевой (Тариева, 2009, 2012, 2017) и др.

Материалом для анализа послужило художественное/литературное произведение Е. Шварца «Сказка о потерянном времени» (Шварц, 1940).

Обсуждение (Discussions)

«Перевод является результатом соотношения когнитивных, речесивных психических и пр. процессов, происходящих и протекающих в мозге у человека, согласно его масштабам и жизненной активности / работоспособности. Перевод также служит для выявления локализации говорящего и специфических особенностей его языка и культуры. В свою очередь время, являясь главной грамматической категорией, которую при переводе следует учитывать в первую очередь, отражается не только в языке и в его строе, но и в культуре его носителя, в частности. То есть для человека, независимо от его этнической принадлежности, внутреннее ощущение времени как такового и его собственное отношение к нему гораздо важнее и существеннее понимания объективного физического времени.

В связи с этим особый резонанс в языкознании вызвала в своё время известная единая теория «языка и человека», получившая название «The Sapir-Whorf Hypothesis» 'гипотеза Сепира — Уорфа', гласившая следующее: *“... it is our culture that determines our native language, which in turn determines the way that we categorize our thoughts about the world, our experiences, especially clearly traced in time”*¹ (Sapir,

¹ «Наша культура отражает наш родной язык, который в свою очередь помогает нам классифицировать наши мысли и переживания о мире, особенно отчетливо прослеживаемые во времени» (<https://agglanguage.wordpress.com/the-sapir-whorf-hypothesis/>).

1958: 612). При этом стоит отметить, что язык, как и время, — субъективен, однако деформации (изменения) в грамматике языка обнаруживаются и различаются лишь «в ходе времени». В то время когда язык живёт/существует и развивается «вне времени», т.е. независимо от него (времени) и его носителей. Отталкиваясь от идей В. фон Гумбольдта, согласно которым «рассматривать язык необходимо не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа. Такое исследование языка уподобляет его любому другому природному объекту. Оно должно объять все различия, поскольку каждое из них принадлежит к понятийному целому» (Гумбольдт, 1985: 377).

Отличительной чертой эргативных кавказских языков от всех остальных является именно то, что в грамматике этих языков главенствующим выступает «человек» со всеми выражениями его лица: *Со* (рус. 'Я', англ. 'I'); *Се* (рус. 'сам', англ. 'myself'), *Сона* (рус. 'мне', англ. 'to me'); *Аз* (рус. 'я сам', англ. 'I+myself'); *Айса* (рус. 'Я сам, самолично', англ. 'I am + myself'). Отметим также, что *Се* в ингушском речемышлении — рефлексивная форма к *со*; однако, *аз айса*.

В приведённых выше примерах в эргативном языке — ингушском, в отличие от номинативных языков — английского, русского — идёт осознание *себя самого, как человека, в пространстве и во времени* 'со в/й укхаз а хІанз' (Тариева, 2017: 11, 39, 68, 341). Здесь важным и значимым является антропоцентрический аспект, а именно: «человек — 'со'» — средоточие Вселенной; её центр», характеризующийся также дифференциацией родовых категорий (т.е. «классов / гендерных различий»), на письме и в речи. Проявление гендерных различий в языке заключается в одном излишнем таксоне ('в' — муж./male; 'й' — жен./female; 'б, д' — ср. (второстепенный) / neuter gender).

Особого внимания, здесь также заслуживает концепция Л.У. Тариевой «постулированности и приобретённости» (Тариева, 2017: 89, 150, 343), где основными критериями функционирования лексем *постулированной семантики*, в нашем случае *темпоральных*, являются:

- 1) первоочередное фиксирование когнитивной деятельностью / способностью человека прототипического свойства (говoreния) как постулированного;
- 2) пресуппозитивная транспозиция/категоризация, т.е. обнаружение субъектом модуса (лицом Созерцающим), функции лица говорящего укхаз *хІанз* 'здесь и сейчас';

- 3) удостоверение вначале субъектом алетической модальности, затем субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания.

Например, действие происходящее в наст. вр., в 1 л., ед. ч.: *я иду* (инг. *со (в,й)ода/(в,й)оагIа*, англ. *go*) — характеризует постулированные свойства лексемы, однако, *я ПРИиёл* (инг. *со хьа(венув,енай)/хьакхьча(в,й)*, англ. *came* — уже в прошедшем времени) — характеризует приобретённые свойства лексемы, поскольку процесс обработки первичных свойств лексемы уже завершился. Отсюда следует, что закрепление за лицом Говорящим статуса носителя постулированных свойств — первоочередное и связано с механизмом запуска речедеяния, как основного свойства лица, приобретённого в лингвопрагматической установке, противоположной *указа хIанз* 'здесь и сейчас' — на *указа хIанз доацаиш* 'не здесь и не сейчас' (Тариева, 2017: 89–90). Данная система формирования ЛЕ языка — едина для всех людей/народов, говорящих на разных языках.

Эта концепция носит подтверждающий характер и в гипотезе о различиях в речевой деятельности (*langage*) двух явлений: язык (*langue*) и речь (*parole*), выдвинутой Ф. де Соссюром. Согласно ей акт речи представляет собой индивидуальный акт речевой коммуникации двух лиц: говорение — понимание/слушание (Комиссаров, 2009: 11). Однако, не столько важен ряд особенностей, свойственных лишь данным конкретным индивидам, или проявляющихся лишь в данных конкретных речевых актах, сколько «многообразное [содержание] явления / совершаемого акта, вследствие которого мы всегда всё схватываем последовательно во времени. Стало быть, это схватывание всегда подвержено смене» (Кант, 2020: 142).

На наш взгляд, фигурирующими в когнитивной деятельности человека априори являются:

- 1) информация о мире и объектах окружающей действительности, которой на начальном этапе (на генетическом уровне) «оснащается» человек;
- 2) ментальные образы, поэтапно выстраивающиеся и слагающиеся в виде картинок в мозгу человека о том или ином объекте, предмете и т.д.;
- 3) формирование из этих картинок и образов, в последующем ЛЕ конкретного языка, на котором индивид-носитель хочет воспроизвести акт речедеяния. В итоге всё вышеперечисленное в когнитивной лингвистике выступает в роли грамот-

но отобранных и порядочно распределённых уникальных структурах знаний — «концептах»² и *фреймах*³.

В ингушском речемышлении, время *ха*: — производное от *сел-хан* ‘вчера’ и *тахан* ‘сегодня’ — выступает как объективное/физическое; где два начальных сегмента: *сел* — ‘время предшествующего дня’ и *та* — ‘синхронный, сиюминутный, сопутствующий, примеряющийся’ (Тариева, 2012: 124, 127, 145). Аналогичная ситуация наблюдается также в английском и в русском языках. Например, такие слова как: *today* и *полдень*, где *to* — выступает как частица и/или предлог (‘ко дню’), а *пол* — приставка (‘пол дня’). Следует также отметить, что лексемы *дау* и *день* обладают полисемией, проявляющейся в следующих значениях: 1) день/сутки (время равное 24 часам); 2) дневное время, обычно длящееся с 12 до 17 часов (пока не стемнело).

«Английское время», по словам Э.Т. Холла, это главная система, на которой базируется культурная, социальная и личная жизнь человека. Она, в свою очередь, также подразделяется на две категории/области: *монохронную* (monochronic) и *полихронную* (polychronic), обладая при этом широким потенциалом содержания⁴ (Hall, 1983: 3, 24, 52).

В дополнение ко всему вышеизложенному, отметим также, что прослеживается аналогия с выявлением и обозначением времени в ингушском и английском языках, где: а) физическое время: ‘*ха*’ — в ингушском языке и ‘*time*’ — в английском языке; б) грамматическое время: ‘*метта ха*’ — в ингушском языке и ‘*tense*’ — в английском языке.

В русском речемышлении, «время», хоть и является многозначным словом, однако, носит более субъективный характер и выступает в роли грамматической метафоры (Бронникова, 2017: 22).

При анализе художественного текста в концепте: *ВРЕМЯ* (инг. ‘*ха/метта ха*’; рус. ‘*время*’; англ. ‘*time/tense*’), принято выделять как ядро, так и периферию. Ядром выступают его главные системо-

² **Концепт** — это «когнитивная категория, соответствующая знанию о предмете и характерная для конкретного индивида, строящего конкретное высказывание в конкретном речевом акте, т.е. ту, которая и формирует субъективный смысл высказывания» (Гарбовский, 2007: 273).

³ **Фрейм** — это «общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель, «наивная», или «народная», теория (folk theory); система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом» (Кубрякова и др., 1996: 188).

⁴ “Time is a core system of cultural, social, and personal life” (Hall, 1983: 3).

образующие аспекты: *физический (объективный) и лингвистический (языковой)*, которые, в свою очередь, являются универсальными в мировидении человека, принадлежащего к той или иной культуре и говорящего на том или ином языке. На периферии же обнаруживаются дополнительные релевантные признаки/аспекты, дополняющие и раскрывающие его содержание: *социологический, культурологический, метафорический, философский, естественно-научный (фактический)* и др. (Красавский, 2001: 18–20).

Результаты (Results)

В соответствии с поставленными целью и задачами в работе, для перевода и анализа, нами было избрано произведение Е. Шварца: «Сказка о потерянном времени» (Шварц, 1940). Оно, на наш взгляд, наиболее полно способно передать значимость времени и «временную картину» в жизни каждого человека, независимо от его этнической принадлежности. Так как здесь, в большей степени, интерес представляет выявление лингвокогнитивных особенностей при переводе у носителей различных языков. Вследствие этого, рассмотрим функционально-когнитивный анализ вышеупомянутого произведения, в реферативном переводе (частичном): на английский и ингушский языки, основываясь большей частью на передаче внутрилингвистических (смысловых) значений, между единицами ИЯ и ПЯ, сквозь призму переводческой эквивалентности, следуя концепции Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2007: 392–393).

Ключевой концепт сказки — «*время* (анг. ‘time’, инг. ‘ха’)». Предметами и/или субъектами, характеризующими/представляющими *время* (как с физической, объективной, так и с философской точек зрения) являются настенные часы и счёты (анг. ‘wall clock/walkers’, ‘abacus/account’ (Мюллер, 2012: 126, 12); инг. ‘пенах хьальхьокхаш дола сахъат’, ‘чоташ’ (Тариева, 2009: 578, 825).

Ключевая **фраза** сказки, равно как и название самого произведения, гласит: «*человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет*» — является главенствующей. Вокруг этой фразы разворачивается действие (завязка и кульминация произведения), а именно — «*потеря времени*» (анг. ‘lost/waste of time’, инг. ‘ха йоайир’).

ПРИМЕР № 1: «— Успею! — говорил он в конце первой четверти. — Во второй вас всех догоню. А приходила вторая — он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Всё “успею” да “успею”» (Шварц, 1940: 4).

Перевод на английский язык (АЯ):

I'll have time! he said at the end of the first quarter. I'll catch up with you all in the second. But the second came — he hoped for a third. So he was late and lagged, lagged and late but did not bother. Always "I have time" and "I have time".

Данный пример знаменателен тем, что здесь отражена как прямая, так и авторская речь.

Примечательно то, что пунктуационные знаки в английском языке, при оформлении прямой речи и слов автора — отсутствуют. Для разделения/разграничения прямой речи от слов автора в АЯ используются: запятая, знаки восклицания и вопроса. **Порядок слов** в предложении также **нарушен**, потому как русский, являясь синтетическим, руководствуется падежными окончаниями, а в английском — аналитическом, он (порядок слов) осуществляется с помощью предлогов, союзов и артиклей: 1) Во второй вас всех догоню (анг. *I'll catch up with you all in the second*); 2) А приходила вторая (анг. *But the second came*).

Общеизвестно, что в АЯ наличествует около 12 основных грамматических (глагольных) времен, в отличие от русского языка, в котором преобладают три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Поэтому главенствующей проблемой в теории перевода всегда выступала и выступает проблема переводимости и выражения двух категорий: *время* и *пространство* с ИЯ на ПЯ (языке перевода). В представленном примере (ИЯ: русский — синтетический; ПЯ: английский — аналитический) для выражения действия, которое должно завершиться к некоторому (неопределённому) моменту времени в будущем, или для выражения действий, которые произойдут в будущем, мы прибегаем к конструкции: I + shall/will have + V3 (Future Perfect)/I + shall/will + V1 (Future simple). В представленной выше конструкции: I — подлежащее-местоимение; shall/will (have) — вспомогательный глагол в будущем времени; V3/V1 — глагол в форме Participle II (причастие второе) / глагол в нач. ф. В нашем случае выступают: 1) существительное *time* 'время', выраженное частью речи — глагол; 2) фразовый глагол: *catch up* 'догоню/достану'. Отсюда следует, что в непереходной функции глагол «успею», и в переходной функции глагол «догоню» передаются **более широким значением** на ПЯ (английский язык): 1) *I'll have time!* (досл.: 'У меня ещё будет время / Я ещё буду располагать временем'); 2) *I'll catch up* (досл.: 'Я догоню'). Операцию с данным глаголом также можно представить в виде эквиваленции, в связи

отнесенности его к устойчивым фразовым глаголам в АЯ. Однако, в контексте данного примера, фигурирующей, всё же, на наш взгляд, является такая ПТ, как **генерализация**. Ко всему прочему, мы также производим **генерализацию** понятия, а точнее говоря, наречия «*Всё*», на синонимичное ему наречие с вариативной номинацией «*Always*» ‘всегда’. Следует отметить, что данного рода операция, ещё может выступать и как **переводческая дифференциация**, так как в основе ЛЕ исходного языка (языка оригинала) и ПЯ (языка перевода) лежит одна общая *архисема* — наречия «пространства (всё) и времени (всегда)» (Гарбовский, 2007: 444). **Таким образом, перевод (с РЯ на АЯ) и анализ вышепредставленного контекста позволил выявить следующие ПТ и ПП:** Перемещение (2 операции), генерализация (3 операции).

Перевод на ингушский язык (ИЯ):

— *Кхоавергвар со-м!* — *оалар цо хьалхара “четверть” чакхйо-алача хана.* — *ШоллагIча четверте dIatIexьакхувргва со шоана.* *XIaьта шоллагIгьар хьатIаеча — цо сатувсар кхоалагIчунга.* *Иштта вусаиш-вусаиш тIехьавусар из, вIалла гIайгIа еш а вацар.* «*Кхоавергва со*» «*кхоавергва со*», *яхаиш.*

В ингушском языке (в отличие от английского) пунктуационные знаки и эмоционально-экспрессивная окраска слов в предложениях — не утрачены. То есть читатель будет воспринимать ингушский текст с тождественной для языка оригинала эмоциональной выраженностью. Выражение: «*Кхоавергвар со-м*» в данном примере переводится как ‘успею я, как-нибудь/быть может (в будущем)’ и выражает условное время (один из видов будущего времени в ИЯ); где *кхоаверг* — успею, а суффикс *вар* — выражает вероятность совершения действия и исполнения его в будущем, с характерным классным показателем муж. рода (male) при помощи таксона — *в* — (*вар*). Аналогию глагола: «*кхоавергвар*», мы можем также провести с модальными глаголами *shall/will* (Future Perfect/Simple и др.)⁵ (Nichols, 2011: 250–253). Отметим, что “-м”, (добавление к местоимению «со» ‘я’) — выступает как усилительная частица в ИЯ и обозначает: ‘то, как-нибудь, быть может (вероятность осуществления//воспроизведения какого-либо события, действия)’⁶.

⁵ Evidence for the /r/ of the future suffix -arg is the fact that in verb forms like /xugvy/ ‘will be. V’, etc., where the /g/ is preceded by /u/, that /u/ is fairly tense, i.e. it has the quality (though not the length) of /uu/ [u:] and not that of /u/ [U].

⁶ Чаще всего употребляется именно с местоимениями в ИЯ (*сона* ~ *моттац иштта* ‘Я-то так не думаю’) (Тариева, 2009: 479).

Тем самым, это языковое выражение/конструкция в ингушском языке, аналогично английскому, приобретает **более широкое значение** в ПЯ.

Устойчивый оборот в виде: «*Иштта вусаиш-вусаиш тІехъавусар из* (досл.: 'Так отставал-отставал отстал он')» на языке ПЯ (ингушском) является, на наш взгляд, **эквиваленцией**. А следующее за ним: «*вІалла гІайгІа еи а вацар* (досл.: 'вообще горесть/печаль не испытывал')» выступает в качестве **модуляции**. По словам Н.К. Гарбовского, «эквиваленция отличается от модуляции тем, что первое — это использование в переводе готовых форм (поговорок, фразеологических оборотов и т.д.), а второе — это поиск индивидуальных переводческих решений, подчинённый определённым закономерностям логико-семантических отношений между понятиями (Гарбовский, 2007: 383)». При этом, в приведённом выше контексте, выделяется и такое **единичное понятие**, как: «*хъалхара четверть* 'первая четверть'», которое можно перевести только при помощи **калькирования** с ИЯ на ПЯ. Последней переводческой трансформацией, выявленной нами в представленном отрывке, является **добавление**, в виде местоимения со 'я' (уточнение совершённого действия 1 лицом, номинативной формой имени): 1) *ШоллагІча четверте дІатІехъакхувргва со шоана* (досл.: 'Ко второй четверти догоню я Вас'); 2) «*Кхоавергва со*» «*кхоавергва со*», *яхаиш* (досл.: 'Успею я' «успею я», говоря').

В итоге выявленными, в переводе (с РЯ на ИЯ) и в ходе анализа, переводческими трансформациями (ПТ) и приёмами (ПП) выступают следующие: генерализация (1 операция), эквиваленция (1 операция), модуляция (1 операция), калькирование (1 операция), добавление (2 операции).

ПРИМЕР № 2: «Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет» (Шварц, 1940: 5).

Перевод на АЯ: *This is how it turns out to be arranged in the world: a person who wastes time in vain doesn't notice himself as aging.*

Данный пример заключает в себе ключевую фразу всего произведения, что послужило главной причиной для перевода и анализа данного выражения с ИРЯ на ПАЯ и ПИЯ.

Общепринятым «разговорным вариантом» у англичан является распространённое устойчивое выражение, или др. сл. устойчивый фразовый глагол: *it turns out* (досл.: 'получается/оказывается'). Эта языковая конструкция переводчиком может быть воспринята как

попытка **эквиваленции**, однако если за единицу перевода брать весь контекст / всё предложение, то она примет значение более широкое и будет выступать в роли **генерализации**. **Генерализацией** по праву можно считать и перевод такого выражения, как: *aging* (досл.: ‘взрослеть’), что в оригинале имеет форму: *стареть*. Помимо этого, оно (это выражение) объединяет в себе черты как глагола, так и существительного, что в АЯ выступает как особая форма глагола, образованного от существительного *age* с суффиксом *-ing* — герундий.

Отметим также то, что в данном примере, равно как и в прошлом, вынужденными оказались попытки **перемещения**: *a person who wastes time in vain*⁷ *doesn't notice himself*. Вдобавок ко всему, выделяются и такие пары синонимичных определений/слов в переводе с ИЯ на ПЯ: 1) *на свете* — *in the world* (досл.: ‘в мире’); 2) *человек* — *a person* (досл.: ‘персона’). Тем не менее, если в первом случае (в главной части предложения) мы видели непосредственную **синонимичность** и/или **переводческую дифференциацию** таких слов, как *человек* и *person*, то во втором случае (в придаточной части предложения): *himself* ‘сама персона/человек’ — мы сталкиваемся с такой переводческой операцией, как **парафраза**, которая, если следовать концепции Н.К. Гарбовского, «может быть определена как **уточняющая гипонимическая парафраза** (Гарбовский, 2007: 434).

В результате перевода (с РЯ на АЯ) и анализа, были выявлены следующие ПТ и ПП: генерализация (2 операции), перемещение (2 операции), синонимические замены (2 операции), уточняющая гипонимическая парафраза (1 операция).

Перевод на ИЯ: *Хъажал, иштта оттадаь да-кх укх дунен чу: ший ха зехъа*⁸ *йоаеш волча саго зувц, ше мишта къалу.*

В ингушском языке, очень часто, для передачи эмоционально-экспрессивной окраски в речи, а также для выражения побуждения и фокусировки внимания, используются: вводные слова, междометия и усилительные частицы. При этом, как и многие вводные слова в русском языке, в ингушском они также могут быть глаголами, краткими наречиями, именами собственными и т.д.: *хъажал* ‘смотрите / обратите внимание (Тариева, 2009: 151, 762)’. Вышеприве-

⁷ **Vain** [veɪn] а 1) тщетный, напрасный; in v. напрасно, тщетно, всуе; 2) пустой, суетный; 3) мишурный, показной; 4) тщеславный, полный сомнений; to be v. of гордиться чем-л., тщеславиться (Мюллер, 2012: 762).

⁸ **Зехъа** нареч. зря; ха ~ йоае мегар- гяц. Нельзя зря терять время (Тариева, 2009: 331).

дѣнная семантическая единица — *хъажал* **конкретизирует** русское ‘*вот ведь как*’ и подобрана по общему признаку/свойству — оценочно-утвердительному заключению данного вводного оборота. Вдобавок к предыдущему, ингушское выражение: ...*ишitta отта-даь да-кх укх дунен чу...* (досл.: ‘так установлено/устроено всё-таки на этом свете’), выражает непосредственность, т.е. независящие от человека события и обстоятельства, которые происходят в мире. Усилительная частица *-кх*⁹, лишь подтверждает беспомощность и неприкасаемость человека, к протекаемой жизни, что характеризует собой смысловое развитие, т.е. **модуляцию**. Помимо этого, в предложении идёт замена одного переходного глагола на **синонимичный** ему, другой переходный глагол: ...*забрали*¹⁰... — ...*йитай* ‘оставили’¹¹... Наряду со всем вышесказанным, следует отметить, что представленный пример, ко всему прочему, характеризуется также и рядом операций — **перемещений**, из-за своеобразного порядка слов в ингушском предложении: 1) ...человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет — ...*иший ха зехъа йоаеш волча саго зуви, ше мишта къалу* ‘свое время понапрасну/напрасно теряющий человек не замечает, сам (он) как стареет’; 2) А время, потерянное ребятами понапрасну, забрали волшебники себе. — *ХIаьта бераша зехъа йоаяь ха, амаштеша шоашта йитай* ‘Однако, ребятами понапрасну/напрасно потерянное время, волшебники себе оставили’.

В результате перевода (с РЯ на ИЯ) и анализа, были выявлены следующие ПТ и ПП: конкретизация (1 операция), модуляция (1 операция), синонимическая замена (1 операция), перемещение (2 операции).

ПРИМЕР № 3: «Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, не позволил. Взял он счёты и подошёл к ходикам» (Шварц, 1940: 5).

Перевод на АЯ: *The wizards counted the time and already wanted to hide the accounts in the table, but Sergey Vladimirovich, the main one among them, did not allow it. He took the accounts and went to the watchwall-walkers.*

⁹ **КХ²/КХА** усилит, частица; гIоргда ~ вай. Ну да, мы пойдем (Тариева, 2009: 394).

¹⁰ **Забрать (забирать)** — **глагол**, совершенный вид, переходный, невозвратный, I спряжение (<https://udarenieru.ru/index.php?doc=забрать>).

¹¹ **Оставить** — **глагол**, совершенный вид, переходный, невозвратный, II спряжение (<https://udarenieru.ru/index.php?doc=оставить>).

Перевод на ИЯ: *Амастеш*¹², *ха дагар а яь, чотаиш дІалочкѣае айттар истола чу, хІаьта, Владимира Сергейс, царех керттера волчо, лочкѣайтанзар. Чотаиш хѣа а ийца, дІатІавахар из лелаиш долча сахъатилга.*

Счёты (анг. ‘accounts’; инг. ‘чотаиш’) и ходики (анг. ‘walkers’; инг. ‘сахъатилг’) — являются главными предметами и/или субъектами, представляющими *время* (как с физической, объективной, так и с философской точек зрения) во всём произведении, что означеновало наш выбор данного предложения. При этом изменение формы слова и придание уменьшительно-ласкательного значения при помощи -s — в АЯ и суффикса -илг — в ИЯ, характеризуется **модуляцией**. Однако, в контексте: «ходики», для более полной и точной передачи оригинальной мысли и языка автора произведения, на ПАЯ и ПИЯ, были преобразованы в те же самые ходики, но не в обычные *clock* ‘настенные часы (Мюллер, 2012: 126)’ и *сахъат* ‘часы (Тариева, 2009: 578)’, а в *watchwall-walkers* (досл.: ‘часы настенные-ходики’) и *лелаиш долча сахъатилга* (досл.: ‘идушим которые часикам’). На наш взгляд, вышеописанная операция является **метафорической дифференциацией посредством расширения значения/понятия (генерализация)**. Тем самым, вследствие этой операции, оба ПЯ (английский, ингушский) оказываются между собой в **отношениях перекрещивания**: *watchwall-walkers* — *лелаиш долча сахъатилга*.

В контексте выявлены и такие единичные понятия, как имя собственное одного из главных героев: *Сергей Владимирович*. При этом, на языках перевода (АЯ и ИЯ), переход и преобразование имени собственного осуществляется разными переводческими приёмами: в АЯ — **транслитерацией**: *Sergey Vladimirovich*; а в ИЯ — **калькирование, совместно с операцией перемещения**: *Владимира Сергейс*. Операция **перемещения** имени и отчества (в варианте перевода на ингушский язык) обусловлена тем, что в языке и в культуре народа, согласно национально-культурному признаку и из соображения уважения старшего поколения, принято изначально упоминать отчество, т.е. имя отца и только после — имя самого человека. В свою очередь, отчество и имя — склоняются, согласно родительному падежу: ‘*доала дожар (хъан? сен?)*’ в ИЯ, постольку-поскольку последующее развитие действия требует постановки и склонения имён собственных в этом падеже. Вместе с тем следует упомянуть

¹² **Амасти** 2 *суц.* я (6), — еш, -е, еца волшебница, фея; хоза ~ ювца *фаьлг.* Сказка о прекрасной фее (Тариева, 2009: 64).

и о такой переводческой операции, как **конкретизация**. Например, в таком варианте перевода с РЯ на ИЯ, как: *не позволил (спрятать)* — лочкъяайтанзар (досл.: ‘не дал спрятать’), где корень слова — лочкъя ‘спрятать’, суффикс — яй — определение классного показателя (ж.р.), второй суффикс танзар — ‘не дал’.

Пример также включает в себе ряд **операций-перемещений**, в обоих ПЯ:

ПАЯ: The wizards counted the time and already wanted to hide the accounts in the table, but Sergey Vladimirovich, the main one among them, did not allow it (досл.: ‘Волшебники посчитали время и уже хотели спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович, главный один среди них, делать не позволил это’).

ПИЯ: Амастеш, ха дагар а яь, чоташ д’алочкъяе айттар истола чу, х’аьта, Владимира Сергейс, царех керттера волчо, лочкъяайтанзар (досл.: ‘Волшебники, время подсчитав, счёты спрятать собрались в стол (внутри), но Владимирович Сергей, из них главный тоторый, не дал спрятать’).

В результате анализа выявленные ПТ и ПП в двух ПЯ показали следующее: 1) в ПАЯ: Модуляция (1 операция), Метафорическая дифференциация, посредством генерализации (1 операция), перенос единичного понятия путём транслитерации (1 операция), перемещение (1 операция); **2) в ПИЯ:** Модуляция (1,5 операции), Метафорическая дифференциация, посредством генерализации (1 операция), перенос единичного понятия путём калькирования (0,5 операции), конкретизация (1 операция), перемещение (1 операция).

ПРИМЕР № 4: «— Ах, время, время! — говорит Петя. — Бежит оно, бежит» (Шварц, 1940: 7).

Перевод на АЯ: *Oh¹³, time, time! says Petya. It runs... runs.*

Перевод на ИЯ: — Уффай, ер ха, ха! — йоах Петяс. — Йода из, йода.

Выбор вышепредставленного примера из произведения обусловлен тем, что *время* здесь выступает исключительно в виде метафорической модели. Оно (время) здесь имеет больше ассоциативное и «одушевлённое» восприятие, нежели включает в себе, и/или выражает физический/объективный признак. По словам Е.А. Нильсена: «Очевидно, что метафорическая модель ВРЕМЯ —

¹³ Замена типа предложения в английском языке (опущение пунктуационных знаков): прямая речь при переводе на АЯ никак не обособляется, т.е. такие знаки, как тире, кавычки и пр. отсутствуют и при переводе опускаются.

ВМЕСТИЛИЩЕ и зачастую она реализуется *одновременно* с моделями ВРЕМЯ — ОТРЕЗОК, ВРЕМЯ — ТОЧКА или ВРЕМЯ — ОДУШЕВЛЁННЫЙ ОБЪЕКТ (ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ), что помогало авторам по всему миру в XVII веке создавать более яркие образы, через перенос понятий/значений, ассоциации и абстракции» (Нильсен, 2012: 16). Ко всему прочему, «сожаление о том, что время — НЕВЕЧНО и оно имеет необратимое свойство *бежать/идти*, выражают, в большей степени, междометия в обоих языках. А как говорится, «идеальным примером, иллюстрирующим **эквиваленцию**, является тот, который показывает», что англичанин, при сожалении, вздохнёт и скажет *Oh*, а ингуш — *Уффай* (Гарбовский, 2007: 382). Интересен также тот факт, что в ингушском языке, выражение «время летит» — отсутствует, вместо этого — *время бежит/идёт* ('ха йода'), в отличие от русского и английского ('time flies'). Несмотря на это, в ингушском языке принято обозначать и выделять отрезок времени, равный одной доле секунды: *зирхата ха*. В переводе на ИЯ, помимо *операции-эквиваленции*, наличествует также и операция-уточнение, или др. сл. **операция-добавление**, в виде указательного местоимения: *ер* 'это/эта', усиливающее акцент внимания на главном предмете — *времени*.

В общей сложности в исследованном примере насчитываются следующие ПТ и ПП: 1) в ПАЯ: Эквиваленция (1 операция); 2) в ПИЯ: Эквиваленция (1 операция), добавление (1 операция).

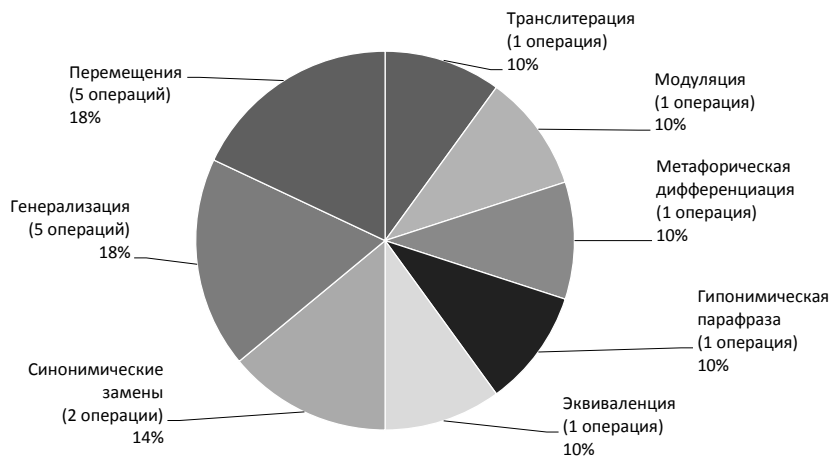

Схема 1. «Презентация результатов переводческих трансформаций (ПТ) и переводческих приёмов (ПП), выявленных при анализе текста в переводе на английский язык»

Заключения (Conclusions)

На основании отобранных и проанализированных 4 примеров (предложений из текста) был сделан подсчёт всех переводческих трансформаций и приёмов, использованных в процессе перевода: с русского на английский и с русского на ингушский.

Наглядное представление полученных цифр и итогов, в результате статистического исследования, было воспроизведено в двух диаграммах (см. схемы 1, 2).

Таким образом, проведённое исследование показало, что:

1. Восприятие и понимание концепта «*время*» у носителей номинативных (русского, английского) и эргативного (ингушского) неодинаковое и неординарное, в связи с национально-культурным признаком. В ингушском речемышлении фигурирующим аспектом концепта «*время*» выступает *физический*, т.е. восприятие времени идёт больше с объективной точки зрения, равно как и у англичан, у которых «*время*» подразделяется на две категории: *монокронную* и *полихронную*. В русском речемышлении «*время*» носит субъективный характер, т.е. отношение ко времени у русскоязычных непосредственное.

Тем не менее, как и в двух вышеупомянутых языках, «*время*» здесь выступает в роли *грамматической метафоры*, согласно чему она стала главным предметом для исследования в художественном произведении. В частности, прослеживается аналогия, с выявлени-

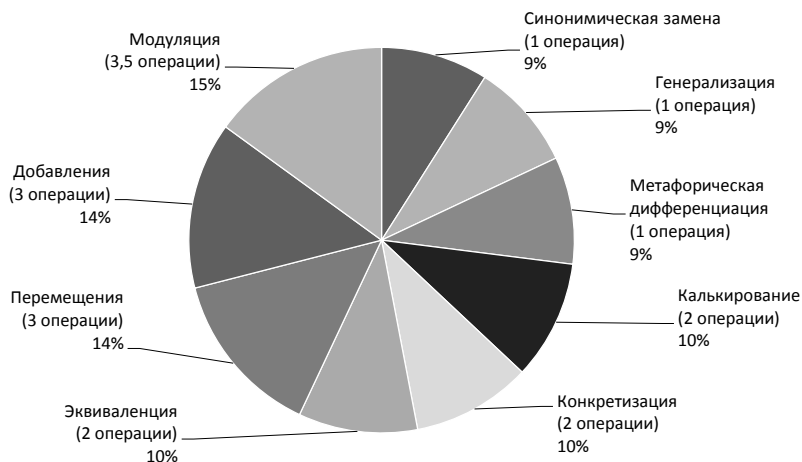

Схема 2. «Презентация результатов переводческих трансформаций (ПТ) и переводческих приёмов (ПП), выявленных при анализе текста в переводе на ингушский язык»

ем и обозначением времени в ингушском и английском языках, где: а) физическое время: 'ха' — в ингушском языке и 'time' — в английском языке; б) грамматическое время: 'метта ха' — в ингушском языке и 'tense' — в английском языке.

2. У концепта «время» выделяются две структуры: *макро* и *микро*, где *микро* — ядро (главные системообразующие аспекты: *физический (объективный)* и *лингвистический (языковой)*), а *макро* — периферия (дополнительные релевантные признаки/аспекты: *социологический, культурологический, метафорический, философский, естественно-научный (фактический)* и др.).

3. В результате проведённого статистического исследования мы пришли к выводу, что:

- перевод с русского на английский отличается своей денотативностью, так как заметно преобладают такие ПТ и ПП, как: операции-перемещения, генерализация и синонимические замены. Семантический уровень, где в большей степени фигурирует предметное значение концепта *время*;
- перевод с русского на ингушский, в связи с преобладанием таких ПТ, как: модуляция и эквиваленция, отличается своим семантическим (сигнификативным) уровнем, где понятие на ИЯ соотносится с обозначаемым понятием на ПЯ.

В конечном итоге, мы можем заключить, что близость в восприятии, понимании и выражении времени у носителей трёх разноструктурных языков и культур, конечно же, есть, но она (эта близость) частичная, т.е. относительная и не абсолютная. Результаты исследования могут быть применены на спецкурсах, лекциях по компаративистике, когнитивистике, теоретическому, прикладному, сравнительно-сопоставительному языкознанию.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание, 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28976781>

Бронникова О.В. Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов. Дис. ...канд. филол. наук. Тюмень, 2017. 344 с. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/modusnyi-metakontsept-vremyatime-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh-na-materiale-dannykh-natsio>

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация». М: «Изд-во Моск. ун-та», 2007. 544 с.

Гумбольдт В.Ф. Язык и философия культуры: пер. с нем. яз. А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. М.: «Прогресс», 1985. 451 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». Волгоград: «Перемена», 2001. 494 с.

Кубрякова Е.С. (и др.) Краткий словарь когнитивных терминов // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

Мюллер В.К. Современный англо-русский словарь в новой редакции. М.: «Аделант», 2012. 800 с.

Нильсен Е.А. Модели языковой экспликации концепта: *время* в английских художественных произведениях XVII века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика, 2012. Вып. 14. № 2. С. 14–19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-yazykovoy-eksplikatsii-kontsepta-vremya-v-angliyskih-hudozhestvennyh-proizvedeniyah-xvii-veka>

Подкопаева О.И. Лингвокогнитивный подход к изучению концептов в отечественном языкознании // «Мир науки». Социология, филология, культурология, 2021. Т. 12, № 3. С. 30–37. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK321.pdf>

Стернин И.А., Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: «АСТ», 2007. 315 с.

Тариева Л.У. ГалгIай-эрсий дошлорг: 24 000 дош. Нальчик: «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 983 оагI.

Тариева, Л.У. Наречие в ингушском языке: морфология. Германия: «LAPLAMBERT Academic Publishing», 2012. 233 с.

Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань: «Кеп», 2017. 376 с.

Шварц Е.Л. Сказка о потерянном времени. М.: «ФТМ», 1940. 8 с.

Hall E. T. (1983) The dance of life: The other dimension of time. Edward T. Hall. Garden City (N.Y.): Anchor press: “Doubleday”, VIII. 232 p.

Nichols J. (2011) Ingush Grammar. Berkeley, Los Angeles, London. “University of California Press”. 829 p.

Sapir E. (1958) Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality, Ed. by D.G. Mandelbaum. Berkeley and Los Angeles. “University of California Press”. 617 p.

Wierzbicka A. (1992) Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford: “Oxford University Press”, VIII. 487 p.

References

Arutyunova N.D. (1978) Funktsional'nye tipy yazykovoi metafory = Functional types of linguistic metaphor. Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Ser. Literature and linguistics. Vol. 37. No. 4, pp. 333–343. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28976781> (In Russian).

Bronnikova O.V. (2017) *Modusnyi metakontsept VREMYA/TIME v russkom i angliiskom yazykakh: na materiale dannykh natsional'nykh korpusov* = *Modus metaconcept TIME in Russian and English: based on data from national corpora*. Cand. philol. sci. diss. Tyumen. 344 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/modusnyi-metakontsept-vremyatime-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh-na-materiale-dannykh-natsio> (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2007) *Teoriya perevoda: ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Lingvistika i mezhkul'tur. kommunikatsiya"* = *Translation theory: textbook for university students studying in the specialty "Linguistics and Intercultural Communication"*. Moscow: Izd-vo Mosk. university. 544 p. (In Russian).

Hall E.T. (1983) *The dance of life: The other dimension of time*. Edward T. Hall. Garden City (N.Y.): Anchor press: "Doubleday", VIII. 232 p.

Humboldt V.F. (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury: perevod s nemetskogo yazyka* = *Language and philosophy of culture: translated from German by A.V. Gulysh, G.V. Ramishvili*. Moscow: "Progress". 451 p. (In Russian).

Krasavsky N.A. (2001) *Ehmotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* = *Emotional concepts in German and Russian linguocultures*. Ministry of Education of the Russian Federation, Volgograd State Pedagogical University, Research Lab. "Axiol. Linguistics". Volgograd: "Change". 494 p. (In Russian).

Kubryakova E.S. et al. (1996) *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* = *A brief dictionary of cognitive terms*// E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina; Under general ed. E.S. Kubryakova. Moscow: Philol. Fak. of MSU. 245 p. (In Russian).

Muller V.K. (2012) *Sovremennyyi anglo-russkii slovar' v novoi redaktsii* = *Modern English-Russian dictionary in a new edition*. Moscow: "Adelant". 800 p. (In Russian).

Nichols J. (2011) *Ingush Grammar*. Berkeley, Los Angeles, London. "University of California Press". 829 p

Nilsen E.A. (2012) *Modeli yazykovoi ehksplikatsii kontsepta: vremya v angliiskikh khudozhestvennykh proizvedeniyakh XVII veka* = *Explication of time concept on English fiction of the XVII century*. *Bulletin of SUSU. Ser.: Linguistics*, ussue 14. No. 2. pp. 14–19. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-yazykovoy-eksplikatsii-kontsepta-vremya-v-angliyskikh-hudozhestvennykh-proizvedeniyah-xvii-veka> (In Russian).

Podkopaeva O.I. (2021) *Lingvokognitivnyi podkhod k izucheniyu kontseptov v otechestvennom yazykoznanii* = *Linguocognitive approach to the study of concepts in Russia*. "World of Science". Series: *Sociology, Philology, Cultural Studies*. Vol. 12, No. 3, pp. 30–37. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK321.pdf> (In Russian).

Sapir E. (1958) *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*, Ed. by D.G. Mandelbaum. Berkeley and Los Angeles. "University of California Press". 617 p.

Schwartz E.L. (1940) *Skazka o poteryannom vremeni* = *The tale of wasted time*. Moscow: "FTM". 8 p. (In Russian).

Sternin I.A., Popova Z.D. (2007) Kognitivnaya lingvistika: uchebnoe izdanie = Cognitive linguistics: a textbook. Moscow: "AST". 315 p. (In Russian).

Tarieva L.U. (2009) GAlglai-ehrsii doshlorg: 24 000 dosh = Ингушско-русский словарь: 24 000 слов. Nalchik: "Republican printing plant named after the Revolution of 1905". 983 p.

Tarieva L.U. (2017) Rechevye komponenty paradigmy litsa v yazykakh ehrgativnogo stroya = Speech components of the face paradigm in ergative languages. Nazran: "Kep". 376 p. (In Russian).

Tarieva L.U. (2012) Narechie v ingushskom yazyke: morfologiya = Adverb in the Ingush language: morphology. Germany: "LAPLAMBERT Academic Publishing". 233 p. (In Russian).

Wierzbicka A. (1992) Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford: "Oxford University Press", VIII. 487 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Плиева Залина Бекхановна — аспирант «Высшей школы перевода» (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Москва. 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; SPIN-код автора: 1479-9199; ORCID ID: 0009-0002-2346-7917; zalina.bekkkhanovna@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Zalina B. Pliyeva — Postgraduate Student at The Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia. Lomonosov Moscow State University; 1. Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia Researcher ID: KEZ-9258-2024; zalina.bekkkhanovna@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81' 255.2

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-114-134

МОТИВАЦИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ФОРМЫ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ

Мария Александровна Тетенова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: tetenova.mariia@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен мотивации как ключевого фактора, определяющего профессиональную деятельность переводчиков. Автор акцентирует внимание на значении внутренних и внешних стимулов, влияющих на выбор переводческих стратегий и методов, а также на конечный результат перевода. Особое внимание уделено роли личностных и креативных аспектов, характеризующих переводческую деятельность как форму профессионального самовыражения. Проведён детальный анализ различных форм проявления переводческой мотивации, включая комментарии переводчика, предисловия, примечания и другие метатекстовые элементы, которые способствуют устранению семантических потерь и культурных асимметрий. Исследование основывается на междисциплинарном подходе, объединяющем лингвистику, психологию и переводоведение, что позволяет глубже понять механизмы, лежащие в основе профессионального выбора переводчиков.

Ключевые слова: переводоведение, мотивация, переводческая мотивация, переводческий комментарий, стратегия перевода, личность переводчика

Для цитирования: Тетенова М.А. Мотивация как определяющий фактор переводческой деятельности и формы её выражения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 1. С. 114–134. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-114-134

Статья поступила в редакцию 01.02.2025;
одобрена после рецензирования 08.04.2025;
принята к публикации 13.04.2025.

MOTIVATION AS A DETERMINANT OF TRANSLATION ACTIVITY AND FORMS OF ITS EXPRESSION

Mariia A. Tetenova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: tetenova.mariia@gmail.com

Abstract. The article deals with the phenomenon of motivation as a key factor determining the professional activity of translators. The author focuses on the significance of internal and external stimuli that influence the choice of translation strategies and methods, as well as the final result of translation. Special attention is paid to the role of personal and creative aspects that characterise translation activity as a form of professional self-expression. Various forms of translation motivation are analysed in detail, including the translator's comments, prefaces, notes and other metatextual elements that contribute to the elimination of semantic losses and cultural asymmetries. The study is based on an interdisciplinary approach combining linguistics, psychology and translation studies, which allows for a deeper understanding of the mechanisms underlying translators' professional choices.

Keywords: translation studies, motivation, translation motivation, translation commentary, translation strategy, translator's personality

For citation: Tetenova M.A. (2025) Motivation as a determinant of translation activity and forms of its expression. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 114–134. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-114-134

The article was received on February 01, 2025;
approved after reviewing received on April 08, 2025;
accepted for publication on April 13, 2025.

Понятие мотивации занимает центральное место в психологических и поведенческих исследованиях, так как именно она определяет направленность, интенсивность и устойчивость деятельности человека. В различных научных дисциплинах мотивация рассматривается с позиций когнитивных, поведенческих и социально-психологических подходов, что обуславливает многообразие её трактовок. Так, например, словарь Американской Ассоциации Психологов (APA Dictionary of Psychology) предлагает несколько определений данного термина, из которых особый интерес в контексте анализа механизмов профессиональной деятельности представляют три:

1. Мотивация как побудительный фактор, определяющий цель и направление поведения, функционирующий на сознательном и бессознательном уровнях.

Данное определение подчёркивает сложную природу мотивации, обусловленную взаимодействием когнитивных и аффективных процессов. С одной стороны, мотивация может быть осознанной, когда субъект чётко понимает цели своей деятельности и намеренно стремится к их достижению. С другой стороны, значительное влияние оказывают бессознательные установки, сформированные в процессе социализации, личного опыта и эмоционального реагирования.

В этом контексте исследователи выделяют два основных типа мотивов:

- Физиологические (первичные, органические) мотивы связаны с базовыми потребностями организма, такими как голод, жажда, необходимость отдыха и поддержания внутреннего равновесия (гомеостаза). Данные мотивы носят врождённый характер и играют ключевую роль в регуляции жизнедеятельности.
- Личные (социальные, вторичные) мотивы формируются на основе социального опыта и включают в себя такие аспекты, как стремление к признанию, желание принадлежать к группе, ориентация на успех, конкуренция, индивидуальные интересы и профессиональные амбиции.

Важным аспектом теории мотивации является её дифференциация на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя мотивация обусловлена интересом к самой деятельности, стремлением к самореализации и удовлетворением от процесса работы. Она проявляется в познавательной активности, творческом подходе и инициативно-

сти. Внешняя мотивация, напротив, связана с наличием внешних стимулов — материальных вознаграждений, социальных санкций, давления или требований окружающей среды. Исследования показывают, что внутренняя мотивация обладает большей устойчивостью и способствует длительному поддержанию профессиональной активности, тогда как внешние стимулы могут быть эффективны лишь в краткосрочной перспективе.

2. Мотивация как готовность человека затрачивать физические или интеллектуальные ресурсы для достижения цели. В данном определении акцент сделан на деятельностный аспект мотивации, который выражается в степени приложенных усилий. Разные уровни мотивации могут приводить к различным результатам: высокая мотивация способствует продуктивности, целеустремлённости и преодолению препятствий, тогда как её недостаточность приводит к снижению активности, прокрастинации и отказу от сложных задач.

Следует учитывать, что интенсивность мотивации зависит от ряда факторов, включая:

- Субъективную значимость цели — чем важнее цель для человека, тем больше усилий он готов приложить.
- Оценку вероятности успеха — если задача воспринимается как выполнимая, вероятность мотивационного отклика возрастает.
- Наличие подкрепления — регулярное получение положительных результатов способствует поддержанию высокого уровня мотивации.

Важно отметить, что неравномерность распределения мотивационных ресурсов может приводить к профессиональному выгоранию, особенно если деятельность требует значительных физических или интеллектуальных затрат без соответствующего подкрепления.

3. Мотивация как процесс побуждения других к активной деятельности с целью достижения групповой или организационной цели. Здесь мотивация рассматривается в социальном контексте и тесно связана с лидерскими качествами. В управленческих теориях мотивация анализируется как ключевой инструмент повышения эффективности командной работы и профессиональной продуктивности.

Способы мотивации в данном случае могут включать:

- Материальные стимулы (зарплата, премии, бонусы).
- Нематериальные поощрения (похвала, признание, возможность карьерного роста).

- Создание благоприятных условий для работы (гибкий график, комфортная рабочая среда).
- Формирование вовлечённости (ощущение значимости вклада каждого участника).

Способность руководителя к мотивированию команды является важным показателем эффективности управления. В этом смысле мотивация рассматривается не только как внутренняя характеристика личности, но и как инструмент социального влияния.

Дополняя приведённые выше определения, А.А. Воюцкая подчёркивает, что «поведение субъекта при принятии решений всегда мотивационно обусловлено, а сама мотивация представляет собой сложную структуру, состоящую из мотивов, находящихся на разных ступенях иерархии» (Воюцкая, 2022: 30). Таким образом, мотивация может быть рассмотрена как многоуровневая система, включающая различные детерминанты поведения, от базовых физиологических потребностей до сложных когнитивных установок и социальных ожиданий.

Именно поэтому мотивация не только выступает в роли формирующего фактора деятельности, но и предопределяет её вероятные результаты. Она определяет степень вовлечённости индивида в профессиональную деятельность, влияет на выбор стратегий решения задач, уровень продуктивности и устойчивость к стрессовым факторам. В условиях динамично меняющейся социальной среды понимание механизмов мотивации приобретает особую значимость, так как позволяет эффективно управлять как индивидуальной, так и групповой активностью, обеспечивая достижение поставленных целей.

А.Н. Леонтьев, представитель деятельностного подхода в психологии, определяет мотивацию как «всё, что составляет так называемые внутренние силы поведения, то актуализирует деятельность человека», а мотив как «объективное, что побуждает и направляет деятельность, отвечая той или другой потребности, конкретизируя потребности или, естественно, удовлетворяя потребности» (Леонтьев, 2017). Таким образом, А.Н. Леонтьев разводит понятия мотивации и мотива: мотивация есть внутреннее состояние человека, его субъективное отношение к тому или иному предприятию; мотивы же представляют собой скорее «внешнюю» мотивацию, то есть нечто объективное, что может проявляться в виде достижимой перспективы в случае реализации успешного предприятия.

Теорию о внешней и внутренней мотивации разрабатывали психологи Эдвард Деси и Ричард Райан. Согласно их изысканиям, мотивация может быть внутренней, т.е. вызванной интересом к деятельности, или внешней, т.е. обусловленной внешними стимулами, такими как вознаграждение или наказание. Данная теория акцентирует значимость внутренней мотивации и механизма самоопределения в регуляции профессионального поведения. В её основе лежит предположение, что мотивационные факторы, опирающиеся на субъективное ощущение автономии и профессиональной компетентности, обладают более выраженной устойчивостью и долговременным воздействием на трудовую активность, чем внешние стимулы: «Внутренняя мотивация предполагает выполнение деятельности без необходимости внешних побуждений или вознаграждений, потому что она интересна и удовлетворяет базовые психологические потребности в компетентности, автономии и родстве» (Deci, Ryan, 1985).

Таким образом, мотивация не может быть переоценена как элемент человеческой деятельности; мотивация — это движущая сила человеческого поведения, влияющая на решения, поступки и общую жизненную траекторию. Будь то внутреннее стремление к личностному росту и самореализации или внешнее вознаграждение и признание, мотивация формирует наши стремления и настойчивость. Понимание различных теорий и факторов, влияющих на мотивацию, позволяет дифференцировать различные типы мотивов, способствующих развитию чувства цели и направления в любой деятельности. Наконец, мотивация — это не просто катализатор действий, а суть стремлений.

Большой психологический словарь под ред. Б.Г. Мещерякова предлагает для смежного определения понятие «мотивировка» — «манифестируемый определённый личностный смысл как осознанное внутреннее оправдание деятельности». Складывается мотивировка, согласно Словарю, из мотивов. Мотив же — «1) материальный или идеальный «предмет», который побуждает и направляет на себя деятельность или поступок, смысл которых состоит в том, что с помощью М. удовлетворяются определённые потребности субъекта; 2) психический образ данного предмета» (Большой психологический словарь, 2002: 273–274). Согласно словарю, у человека может быть несколько мотивов одновременно, и «подобные мотивационные комплексы имеют собственную динамику, которая может сопровождаться кратковременной или, напротив, затяжной,

едва заметной или же весьма драматической борьбой М. Но окончательное решение «что и как делать?» принимает, как правило, сознательный субъект на основе внутренней системы ценностей (ценностных ориентаций)» (Там же).

Все вышеперечисленные определения мотивации не могут быть применены к переводческой деятельности без наличествующих доказательств в виде высказываний самого переводчика о своей мотивации. К формам эксплицитного выражения переводческой мотивации мы относим переводческий комментарий, предисловие. Переводческий комментарий представляет собой одну из наиболее доступных и распространённых форм интерпретации текста переводчиком, позволяя ему передавать реципиенту дополнительную информацию, которая, по его мнению, играет важную роль в адекватном восприятии и понимании переводимого произведения. Комментарий выполняет функцию связующего звена между оригинальным текстом и его воспринимаемой интерпретацией в иной языковой и культурной среде, обеспечивая более глубокое осмысление содержания, а также уточняя реалии, исторические контексты и лексико-семантические особенности.

Исторически практика комментирования восходит к древности и имеет прочные традиции в филологическом анализе текстов. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А.Н. Николюкина термин «комментарий» определяется следующим образом: «(лат. *commentarius* — толкование) — жанр филологического исследования, разъяснительные примечания к тексту». Одним из первых примеров систематического комментирования можно считать деятельность Александрийской филологической школы (III–II вв. до н.э.), представители которой занимались анализом текстов Гомера, составляли глоссы и схолии, а также разрабатывали методы интерпретации сложных и архаичных выражений. В эпоху Возрождения традиция комментирования приобрела особую значимость, охватывая как библейские, так и античные тексты. В России процесс филологического комментирования активно развивался в рамках публикаций памятников древнерусской литературы, а позднее — произведений русской классической литературы.

Таким образом, комментарий выполнял функцию инструмента, способствующего передаче и разъяснению информации, значимой для интерпретации текста, но не включённой в его основное содержание. В филологической традиции выделяют несколько типов

комментариев, различающихся по своему назначению и содержательной направленности. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», к основным видам комментария относятся:

- текстологический комментарий, содержащий анализ источников текста, его историю, обоснование гипотетических реконструкций (конъектур);
- реальный (социокультурный) комментарий, представляющий собой разъяснение событий, персоналий и явлений, упоминаемых в произведении, с целью уточнения их значимости для исторического и культурного контекста;
- историко-литературный комментарий, рассматривающий связи данного текста с другими произведениями литературы, выявляющий его интертекстуальные особенности и художественные параллели;
- лингвистический комментарий, фокусирующийся на специфике словоупотребления, анализе архаизмов, неологизмов, идиоматики и иных языковых особенностей, характерных для автора или эпохи.

Отдельное место в классификации комментариев занимает социокультурный комментарий, рассматриваемый С.Г. Тер-Минасовой как элемент межкультурной коммуникации, позволяющий устранить барьеры в восприятии текста представителями различных языковых и культурных традиций. Данный вид комментария, по мнению исследовательницы, отражает трансформации, происходящие в культуре, языке и системе ценностей общества.

Социокультурный комментарий подразделяется на две основные формы:

- исследовательский (творческий) комментарий включает не только конкретные сведения, но и дополнительные разъяснения, раскрывающие национальные, политические, культурно-бытовые и иные коннотации текста. Кроме того, такой комментарий устанавливает взаимосвязи между историческими и культурными реалиями, персонажами произведения и его автором (Тер-Минасова, 2000: 106);
- энциклопедический комментарий, напротив, носит преимущественно информационный характер и представляет собой изложение базовых энциклопедических данных о событиях, исторических фигурах и явлениях, упоминаемых в тексте, без углублённого анализа их символического или контекстуального значения.

В ряде случаев комментарий может существовать как самостоятельное исследование, выходящее за рамки сопровождающего текста пояснения. Примеры таких работ включают:

- комментарий Н.Л. Бродского к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1932);
- комментарий В.В. Набокова к «Евгению Онегину» (1964, рус. пер. 1999), который представляет собой детализированное исследование культурного контекста произведения;
- комментарий И. Вайнберга к роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (1971), анализирующий философские и исторические аспекты произведения;
- комментарий Ю.М. Лотмана к «Евгению Онегину» (1980), являющийся одной из наиболее значимых работ в области пушкинистики.

В зависимости от целевой аудитории и степени глубины анализа, комментарий может быть популярным, ориентированным на широкую публику, или научным, предназначенным для профессионального филологического сообщества. В любом случае он играет ключевую роль в процессе осмысления и интерпретации текста, обеспечивая его адекватное восприятие и интеграцию в новые социокультурные условия.

Ни в статье С.Г. Тер-Минасовой, ни в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» переводческий комментарий не выделен в отдельную нишу, но тем не менее он заслуживает внимания. Переводческий комментарий, использовавшийся во времена Александрийской филологической школы, концентрировался на обеспечении читателя знаниями о реалиях, поэтому их мы могли бы отнести к *реальным* комментариям в классификации «Литературной энциклопедии терминов и понятий». В качестве примера мы можем привести комментированное издание Гомера Аристофана Византийского. Во времена перевода Библии это были не только *реальные* комментарии, но и *лингвистические*: в том числе письма Иеронима, в которых он отстаивал свой перевод «просветлённого» Моисея.

Переводческий комментарий представляет собой дополнительную информацию, призванную сократить смысловые потери при переводе. Представляется логичным, что он может содержать в себе любую из перечисленной в «Литературном словаре» информацию: о персоналиях, историческом контексте, интертекстуальные «переклички» и, разумеется, пояснение отдельных пассажей и слов. Так, переводческий комментарий есть попытка переводчика пояснить

свои переводческие решения, пролить свет на сложности, с которыми он столкнулся, создавая к нему тем самым своего рода метатекст, порой требующий создания отдельной книги.

Исследования, посвящённые анализу переводческих комментариев, в большинстве случаев фокусируются на изучении примечаний, создаваемых либо в определённом пространственно-временном контексте, либо в качестве сопровождающих элементов к переводу художественных произведений. Данный аспект переводческих исследований представляет собой значительный интерес, поскольку комментарии переводчика могут не только прояснять отдельные фрагменты текста, но и служить ключом к пониманию особенностей переводческого процесса.

Ряд исследователей, в числе которых О. Палопоски, А. Мартин и С. Тахир-Гюрчаглар, подчёркивают ценность комментариев как важного источника информации о методологии работы переводчика, его стратегиях, мотивации и творческом подходе к адаптации оригинального текста. Они отмечают, что анализ переводческих комментариев позволяет глубже проникнуть в специфику принятых переводческих решений и реконструировать ход мыслей переводчика в процессе работы над текстом. В подтверждение этой мысли О. Палопоски высказывает мнение о том, что комментарий является одним из наиболее значимых элементов, позволяющих исследователям реконструировать процесс перевода:

«Что может быть более завораживающим ключом к завершённой работе переводчика, чем его комментарии — единственное место в переводе, где явно звучит голос самого переводчика? [...] Комментарии, как и следы ног, — это отпечатки, оставленные людьми, которые прошли свой путь, и они позволяют нам проследить и узнать, какими путями они шли» (Paloposki, 2010: 87).

Данное высказывание подчёркивает уникальную роль переводческих комментариев как инструментов фиксации индивидуальных особенностей переводческого процесса. В отличие от самого переведённого текста, где переводческие решения представлены в их окончательной форме, комментарии позволяют увидеть логику принятия этих решений, а также влияние конкретных факторов, включая культурные, языковые и стилистические аспекты.

О. Палопоски посвятила данной теме отдельное исследование, изложенное в её книге “The Translator’s Footprints”. В данной работе автор анализирует особенности переводческих комментариев и обращает внимание на тот факт, что существующие на данный момент исследования в этой области пока не дают полноценно-

го представления об общих закономерностях их использования в практике перевода. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данной темы, поскольку комментарии, наряду с другими вспомогательными элементами перевода, способны прояснить механизмы интерпретации исходного текста и стратегию его адаптации к целевой аудитории.

Не менее значимый вклад в изучение переводческого комментария внёс В.Н. Комиссаров, который отмечает, что основная функция языкового содержания текста заключается в его соотнесении с конкретной коммуникативной ситуацией и референтами, участвующими в процессе коммуникации. По его мнению, язык как средство передачи информации функционирует благодаря установлению связи между высказыванием и его референтами, что обеспечивает интеграцию высказывания в общий текстовый контекст (Комиссаров, 2011: 63). Однако этот механизм не всегда действует безупречно, поскольку степень доступности информации для разных референтов может значительно варьироваться.

Комиссаров указывает на то, что различие в уровне осведомлённости референтов о конкретных реалиях и явлениях может быть обусловлено различными факторами, среди которых ключевую роль играет принадлежность участников коммуникации к разным культурным традициям. Это особенно заметно в случае, когда референты оперируют разными картинками мира и культурными кодами, что приводит к необходимости дополнительных пояснений.

Такого рода расхождения между референтами особенно ярко проявляются в условиях межкультурного взаимодействия, когда участники коммуникации принадлежат к различным национальным, историческим или языковым традициям. В подобных ситуациях переводческий комментарий приобретает особую значимость, выступая в качестве эффективного инструмента для устранения барьеров взаимопонимания. Он способствует корректному восприятию текста читателем, не принадлежащим к культуре оригинала, и обеспечивает адекватную передачу смысловой информации в условиях асимметрии культурного контекста.

Именно переводческий комментарий становится важнейшим средством устранения данной асимметрии и обеспечения полноценного взаимодействия между участниками коммуникации. При этом его значение возрастает на этапе установления связи между референтами, поскольку он помогает компенсировать разницу в их когнитивных базах и уровнях знаний о контексте произведения.

Это особенно актуально в ситуации перевода произведений, содержащих культурно-специфические элементы, реалии и аллюзии, требующие пояснения для целевой аудитории.

Таким образом, переводческий комментарий выполняет не только вспомогательную функцию, но и играет ключевую роль в процессе адаптации текста, обеспечивая его точное и корректное восприятие. В условиях межкультурной коммуникации он становится важнейшим механизмом, позволяющим устранить информационные барьеры и достичь необходимого уровня эквивалентности между оригиналом и переводом.

Вероятность возникновения асимметрии в процессе коммуникации подробно рассматривалась в трудах Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой. В их терминологии данное явление обозначается понятием «прагматическая презумпция», под которым понимаются знания и убеждения участников общения, формирующие пресуппозицию их контакта. Исследовательницы подчёркивают, что любой говорящий, высказывая определённое суждение S, исходит из предположения P, которое воспринимает как само собой разумеющееся и известное адресату:

«Говорящий, который высказывает суждение S, имеет прагматическую презумпцию P, если он, высказывая S, считает P само собой разумеющимся — в частности, известным слушателю» (Арутюнова, Падучева, 1985: 39).

В данном определении подчёркивается фундаментальный принцип прагматической коммуникации: любой акт речевого взаимодействия предполагает наличие у участников общения определённой базы фоновых знаний, позволяющей им корректно интерпретировать содержание высказываний. Однако в процессе перевода может возникнуть значительное расхождение между исходными предпосылками автора оригинального текста и знаниями реципиента перевода, что в свою очередь создаёт препятствия для полноценного понимания и восприятия информации.

Значимость феномена пресуппозиции подчёркивал и А.Д. Швейцер, который характеризовал её как «важнейшую категорию прагматики», непосредственно связанную с проблемами передачи реалий в процессе перевода (Швейцер, 1988: 155). Советский учёный указывает, что понятие прагматической презумпции неразрывно связано с концепцией фоновых знаний (background knowledge), под которыми понимаются исходные сведения, имплицитно содержащиеся в высказывании и влияющие на его интерпретацию (Там же).

В условиях двуязычной коммуникации различие в уровне фоновых знаний между автором текста и его потенциальным читателем может серьёзно затруднить процесс понимания, а в отдельных случаях — привести к значительным смысловым искажениям. Именно эту проблему призван решить переводческий комментарий, выступающий в качестве инструмента компенсации смысловых потерь и устранения пробелов в знаниях реципиента. Таким образом, переводческий комментарий можно рассматривать как механизм, позволяющий преодолеть когнитивную асимметрию между участниками коммуникации и обеспечить более точное восприятие текста.

Аналогичные идеи находят отражение и в концепции, разработанной М. Ледерер и Д. Селескович. Исследовательницы подчёркивают, что любое высказывание опирается на определённые знания собеседника, без которых его адекватное восприятие становится невозможным:

«Высказывание всегда опирается на знания собеседника. Так, речь, обращённая к собеседнику с нулевыми знаниями, может попытаться передать идею высказывания исчерпывающим образом, но такая попытка будет продолжаться до бесконечности, никогда не завершаясь в полной мере» (Seleskovitch, Lederer, 1984: 38).

Данное утверждение иллюстрирует ключевую проблему передачи информации в условиях асимметрии знаний: если собеседник или читатель не обладает необходимыми предпосылками для понимания высказывания, любое пояснение рискует превратиться в бесконечную цепочку уточнений, которая, тем не менее, не сможет полностью компенсировать разницу в фоновом знании. Французские исследовательницы приводят данный аргумент в первую очередь в контексте устного перевода, где передача всей сопутствующей информации в режиме реального времени оказывается практически невозможной. Однако схожая проблема актуальна и для письменного перевода, где вопрос соотношения исходных знаний реципиента с предполагаемыми знаниями автора текста играет не менее важную роль.

При переводе письменного текста необходимость компенсации культурных и когнитивных пробелов становится особенно значимой, поскольку отсутствие необходимого уровня фоновых знаний может привести к неправильному пониманию текста или утрате его смысловых оттенков. В целях минимизации подобных проблем переводчик может прибегнуть к использованию переводческого комментария, который позволяет соблюсти баланс между

точностью передачи исходной информации и её доступностью для целевой аудитории.

С одной стороны, использование комментариев помогает избежать чрезмерной экспликации в самом тексте перевода, которая не всегда уместна и может исказить его стилистическую и композиционную структуру. С другой стороны, переводческий комментарий играет компенсаторную роль, обеспечивая читателя необходимыми знаниями для корректной интерпретации текста без необходимости вносить радикальные изменения в сам перевод.

Таким образом, переводческий комментарий выполняет важнейшую функцию в процессе межкультурной коммуникации, позволяя сглаживать асимметрию фоновых знаний, устранять возможные барьеры в понимании текста и обеспечивать его адекватное восприятие целевой аудиторией.

Переводческий комментарий может быть представлен в разных формах: сноски, информация в скобках, предисловия и послесловия переводчика, списки терминов и не только, порой в тексте могут присутствовать сразу несколько его форм. Это «облако» переводческой работы вокруг текста Антуан Берман называет «опорой перевода» (пер. Т.А. Алексейцевой) — “l'étayage de la traduction”. Оно включает введение, предисловие, послесловие, сноски, глоссарий и т.д. Перевод, лишённый своей опоры, не сможет донести до нового читателя чуждый для него мир во всей своей сложности: «Перевод не может быть «оголённым», т.к. в таком случае литературный перевод не будет завершён» (фр. ориг. “La traduction ne peut pas être “nue” sous peine de ne pas accomplir la translation littéraire”) (Berman, 1994: 68).

Однако существует и противоположная точка зрения на вопрос использования переводческих комментариев. Некоторые исследователи рассматривают примечания переводчика как элемент, противоречащий самой природе перевода, в том виде, в каком он традиционно понимается в коммуникативной и социокультурной перспективе. В частности, такую позицию занимают Л.К. Латышев и А.Л. Семёнов, утверждающие следующее:

«Представляя собой отдельные минитексты (текст в тексте или при нём), примечания переводчика не согласуются с общественным предназначением перевода — обеспечивать двуязычную опосредованную коммуникацию по образу и подобию одноязычной» (Латышев, Семёнов, 2003: 8).

Авторы подчёркивают, что одной из ключевых функций перевода является максимальное приближение коммуникации между

представителями разных языковых систем к естественному акту общения внутри одной языковой среды. Иными словами, перевод должен стремиться к тому, чтобы выполняемая им функция была аналогична той, которую выполняет оригинальный текст в своей культуре. Данное представление о переводе коррелирует с концепцией прозрачности переводческого процесса, согласно которой идеальный переводчик должен оставаться незаметным для читателя, не вмешиваясь в структуру текста посредством дополнительных комментариев.

Подобное понимание роли переводчика находит отражение в высказывании Н.В. Гоголя, который в своём суждении о переводческом мастерстве утверждал следующее:

«Переводчик поступил так, — писал он об одном переводе, — что его не видишь: он превратился в такое прозрачное „стекло“, что кажется, как бы нет стекла» (Гоголь, 1952: 170).

Данная метафора подчёркивает идеал переводческой деятельности, при котором работа переводчика остаётся невидимой, а читатель воспринимает текст так, как если бы он был написан на его родном языке, без осознания факта его переводной природы. Согласно этой концепции, комментарий становится своего рода «помехой», нарушающей иллюзию естественного восприятия текста и сигнализирующей о присутствии посредника между оригиналом и читателем.

Одной из наиболее радикальных точек зрения на этот вопрос придерживалась известная переводчица Нора Галь. В своей книге «Слово живое и мёртвое» она достаточно критически высказывалась о практике использования переводческих комментариев, подчёркивая необходимость поиска альтернативных решений, которые бы позволяли передавать нюансы оригинального текста без необходимости прибегать к сноскам и примечаниям. В частности, она утверждала:

«Бесспорно одно: необходимо искать какие-то замены, чтобы не тускнели краски автора и ничего не терял читатель. Что-то выйдет удачно, что-то похуже. Одно плохо всегда — обычное оправдание, сноска: «непереводимая игра слов». Это — расписка переводчика в собственном бессилии. Конечно, порой ты и впрямь бессилен перед какой-то уж очень головоломной задачей. Тогда вернее совсем пожертвовать игрою слов здесь и, может быть, взамен сыграть в другом месте, где у автора ничего такого и нет, а переводчику что-то придумалось. Но чем меньше потерь, тем, понятно, лучше, и отступить без боя стыдно» (Галь, 2001).

Здесь Нора Галь выражает мысль о том, что переводчик не должен прибегать к комментарию как к универсальному средству объяснения сложных языковых явлений. Вместо этого он должен искать внутренние, контекстуально оправданные решения, позволяющие сохранить выразительность оригинального текста. Однако следует подчеркнуть, что данный фрагмент книги переводчицы рассматривает, прежде всего, проблему передачи игры слов, а не переводческие комментарии в целом. Таким образом, её резкая критика сносок касается скорее ситуации, когда комментарий служит оправданием неспособности переводчика передать сложный языковой феномен, а не когда он используется как осознанный методологический инструмент.

Кроме того, важно учитывать специфику литературного наследия Норы Галь, значительная часть которого связана с переводом произведений, ориентированных на детскую аудиторию. В этом контексте комментарий действительно может оказаться менее эффективным средством передачи информации, так как в детской литературе предпочтение отдаётся естественности повествования, доступности языка и плавности текста. Для юных читателей сноски и примечания могут не только усложнять восприятие текста, но и разрушать художественную целостность произведения.

Таким образом, существует целый ряд аргументов против использования переводческого комментария, большая часть которых связана с необходимостью минимизации вмешательства переводчика в текст. С одной стороны, переводческий комментарий может восприниматься как дополнительный элемент, нарушающий иллюзию естественного чтения. С другой стороны, его использование во многих случаях является единственным способом сохранить точность передачи информации, особенно в текстах, насыщенных культурно-специфическими элементами. В этом смысле проблема переводческих комментариев остаётся одной из дискуссионных тем в переводоведении, требующей взвешенного подхода и учёта специфики каждого конкретного текста и его целевой аудитории.

Таким образом, переводческие комментарии могут существовать в различных формах и форматах, начиная от кратких сносок, интегрированных непосредственно в основной текст или вынесенных за его пределы, и заканчивая развёрнутыми аналитическими пояснениями, оформленными в виде отдельных примечаний или сопроводительных «минитекстов». Несмотря на это разнообразие, цель переводческих комментариев остаётся неизменной: они при-

званы минимизировать возможные семантические потери, возникающие в процессе перевода, за счёт дополнительного разъяснения смысловых нюансов, культурных реалий и языковых особенностей, которые могут оказаться недостаточно очевидными для реципиента перевода.

При этом отношение к необходимости и уместности переводческих комментариев среди переводчиков, исследователей и преподавателей остаётся неоднозначным. Одни специалисты рассматривают их как важнейший инструмент точной передачи значений оригинала, позволяющий компенсировать неизбежные утраты информации и делать перевод более доступным и понятным для читателя. Другие, напротив, видят в комментариях нежелательное вмешательство в структуру текста, нарушающее принцип эквивалентности перевода и препятствующее естественному восприятию произведения. Эта дискуссия затрагивает более широкий вопрос соотношения «буквы» и «духа» текста: с одной стороны, невидимость переводчика, его стремление к максимальному стилистическому и смысловому соответствию оригиналу способствует сохранению его художественной целостности, с другой — активное присутствие переводчика, выраженное в виде комментариев, примечаний или предисловий, позволяет более точно передать содержание текста, восполняя потенциальные лакуны, вызванные межъязыковыми и межкультурными различиями.

Центральным элементом, определяющим специфику переводческой деятельности и подход переводчика к использованию комментариев, является мотивация. Как показывает проведённое исследование, мотивация переводчика представляет собой сложное многокомпонентное явление, включающее в себя совокупность различных факторов, оказывающих непосредственное влияние на процесс принятия решений, выбор стратегий перевода и, в конечном итоге, на восприятие переведённого текста его целевой аудиторией. Внутренние аспекты мотивации, такие как стремление к профессиональному развитию, интерес к тексту, познавательная потребность и креативный подход, тесно взаимодействуют с внешними детерминантами, среди которых можно выделить социальные, культурные и материальные стимулы. Подобное многообразие мотивов подчёркивает сложность переводческого процесса, который, с одной стороны, предполагает высокий уровень когнитивной обработки информации, а с другой — требует значительных творческих усилий, направленных на адаптацию текста и сохранение его смысловой и стилистической целостности.

Особый интерес представляет вопрос эксплицитного выражения переводческой мотивации, которое находит своё отражение в различных формах метатекста, включая комментарии, предисловия и примечания. Данные элементы выполняют важную компенсаторную функцию, способствуя преодолению семантических потерь, возникающих в процессе перевода, а также минимизируя влияние асимметрии культурного контекста. Это особенно актуально при работе с текстами, насыщенными реалиями, идиоматическими выражениями, аллюзиями или другими труднопереводимыми элементами, требующими дополнительного разъяснения. В данном контексте переводческая мотивация приобретает не только профессиональное, но и более широкое культурное значение, поскольку её проявления могут рассматриваться как важный инструмент межкультурной коммуникации, обеспечивающий передачу культурно значимой информации и её адаптацию для носителей другого языка.

Результаты исследования подтверждают значимость мотивации как ключевого фактора, лежащего в основе профессиональной переводческой деятельности. С одной стороны, высокая степень мотивации способствует повышению качества перевода, поскольку она побуждает переводчика тщательно анализировать текст, искать оптимальные решения и осознанно выбирать переводческие стратегии, направленные на достижение эквивалентности. С другой стороны, мотивация играет важную роль в раскрытии когнитивного и творческого потенциала переводчика, что особенно важно при работе с текстами, требующими нестандартных решений, оригинального подхода и творческой интерпретации. В этом смысле мотивация становится одним из ключевых факторов, влияющих на процесс создания метатекста, призванного компенсировать лингвистические и культурные пробелы, возникающие при переводе.

В заключение следует подчеркнуть, что изучение природы переводческой мотивации требует междисциплинарного подхода, объединяющего переводоведение, лингвистику, когнитивную психологию, социолингвистику и теорию межкультурной коммуникации. Комплексный анализ этого феномена позволяет не только углубить теоретическое понимание механизмов, определяющих переводческую деятельность, но и разработать эффективные методические рекомендации, направленные на повышение профессионального уровня переводчиков и совершенствование их практических навыков. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать созданию новых стратегий и технологий перевода, ориентиро-

ванных на достижение максимальной точности и выразительности текста, а также на разработку оптимальных методов работы с метатекстовыми элементами, включая переводческие комментарии.

Таким образом, мотивация переводчика представляет собой не просто внутренний импульс, определяющий его профессиональную деятельность, но и фундаментальный фактор, влияющий на успешность перевода, степень его эквивалентности и степень адаптации текста для целевой аудитории. В современных условиях глобализации, когда проблема межкультурного взаимодействия приобретает всё большую актуальность, исследование мотивации переводчика выходит за рамки исключительно теоретической проблемы и становится важной практической задачей, имеющей непосредственное значение для обеспечения эффективной межкультурной коммуникации.

Список литературы

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 8–42.

Большой психологический словарь. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК / Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко, 2003. 632 с.

Воюцкая А.А. Перевод как процесс принятия решений. Дис. канд. филол. наук. 10.02.20. М., 2022. 168 с.

Галь Н. Слово живое и мёртвое. М.: Международные отношения, 2001. 368 с. URL: <http://www.vavilon.ru/noragal/slovo.html>

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1952.

Жоль К.К. Язык как практическое сознание (философский анализ). Киев, 1990.

Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Academia, 2003. 192 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Электронный ресурс] / А.Н. Леонтьев. 2-е изд. Электрон. текстовые дан. М.: Политиздат, 1997.

Литературная энциклопедия терминов и понятий, гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 2001. 1598 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000.

Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с. ISBN 5-89349-526-8 (Флинта), ISBN 5-02-006320-7 (Наука).

Швейцгер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Berman A. (1994) Pour une critique des traductions: John Donne. Gallimard, Paris.

Deci E.L. & Ryan R.M. (1985) Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. Springer Science & Business Media.

Paloposki O. (2010). The Translator's Footprints. In T. Kinnunen & K. Koskinen (Eds.), Translators' Agency. Tampere: Tampere University Press.

Schopenhauer A. (1907) On The Fourfold Root Of The Principle Of Sufficient Reason And On The Will In Nature. London: George Bell And Sons. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/50966/pg50966-images.html#Footnote_68

Seleskovitch D., & Lederer M. (1984) Interpréter pour traduire. Didier Erudition, Paris. 312 p.

APA Dictionary of Psychology [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.apa.org/>. Дата обращения: 05.01.2025.

References

APA Dictionary of Psychology [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.apa.org/>. Дата обращения: 05.01.2025.

Arutyunova N.D., & Paducheva E.V. (1985) Istoki, problemy i kategorii pragmatiki = Origins, Problems, and Categories of Pragmatics. Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Issue. 16, pp. 8–42 (In Russian).

Berman A. (1994) Pour une critique des traductions: John Donne. Gallimard, Paris.

Bolshoy Psikhologicheskii Slovar' (2003). Bolshoy psikhologicheskii slovar' = The Big Psychological Dictionary. Moscow: Prain-EVROZNAK. (In Russian).

Deci E.L. & Ryan R.M. (1985) Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. Springer Science & Business Media.

Gal N. (2001) Slovo zhivoe i mertvoe = The Living and the Dead Word. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. URL: <http://www.vavilon.ru/noragal/slovo.html> (In Russian).

Gogol N.V. (1952) Poln. sobr. soch., v. XIV = Complete Works, Vol. XIV. Moscow. (In Russian).

Latyshev L.K., & Semenov, A.L. (2003) Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya = Translation: Theory, Practice, and Teaching Methods. Moscow: Academia. (In Russian).

Leontyev A.N. (1997) Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. 2nd ed. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy (2001). Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy = Literary Encyclopedia of Terms and Concepts. Moscow. (In Russian).

Paloposki O. (2010) The Translator's Footprints. In T. Kinnunen & K. Koskinen (Eds.), Translators' Agency. Tampere: Tampere University Press.

Schopenhauer A. (1907) On the Fourfold Root Of The Principle Of Sufficient Reason And On The Will In Nature. London: George Bell And Sons. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/50966/pg50966-images.html#Footnote_68

Shveitser A.D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. (In Russian).

Seleskovitch D., & Lederer M. (1984) *Interpréter pour traduire*. Didier Erudition, Paris. 312 p.

Ter-Minasova S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Language and Intercultural Communication. Moscow: Slovo. (In Russian).

Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar' (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* = Explanatory Dictionary of Translation Studies. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka. ISBN 5-89349-526-8 (Flinta), ISBN 5-02-006320-7 (Nauka). (In Russian).

Voyutskaya A.A. (2022) *Perevod kak protsess prinyatiya resheniy* = Translation as a Decision-Making Process. (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian).

Zhol' K.K. (1990) *Yazyk kak prakticheskoe soznanie (filosofskiy analiz)* = Language as Practical Consciousness: A Philosophical Analysis]. Kiev. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тетенова Мария Александровна — аспирант Высшей школы перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1-й учебный корпус, комната 1150, (11-й этаж); tetenova.mariia@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Mariia A. Tetenova — Lomonosov Moscow State University, faculty of Higher School of Translation and Interpreting, Russia, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, GSP-2, 1st academic building, room 1150, (11th floor); tetenova.mariia@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

ШКОЛА ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-135-167

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ УСТНОГО СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА: ОПЫТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПЕРЕВОДА (ФАКУЛЬТЕТА) МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Дарья Сергеевна Зигмантович

Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: dashazigmantovich@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию научно-исследовательской деятельности преподавателей, доцентов и профессоров Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в области устного синхронного перевода. Цель работы заключается в обобщении соответствующего опыта, накопленного факультетом за двадцать лет его существования, и выявлении ключевых направлений исследований, которые сочетают в себе традиции советской школы перевода с современными подходами. Особое внимание уделяется роли преподавателей устного перевода, которые выступают и как практикующие переводчики, и как учёные, что обеспечивает тесную связь теории и практики. Исследования устного синхронного перевода на факультете осуществляются в различных областях: история и методология перевода, дидактика переводческой деятельности, психология, эрратология, влияние цифровых технологий на обучение и практику перевода. При этом работа ведётся в разных языковых комбинациях, что позволяет учитывать особенности различных языков и культур. Результаты проведённых исследований демонстрируют значительный вклад факультета в развитие теории, методологии и дидактики.

тики устного синхронного перевода. В статье подчёркивается важность преемственности научных традиций и интеграции инновационных методов в обучение устному переводу и его исследования. Деятельность Высшей школы перевода способствует не только подготовке высококвалифицированных специалистов, отвечающих требованиям XXI века и способных успешно работать в условиях современной межъязыковой коммуникации, но и развитию теории и практики перевода в условиях цифровизации общества.

Ключевые слова: устный синхронный перевод, теория устного перевода, практика устного перевода, дидактика устного перевода, история устного перевода, история науки о переводе, методология устного перевода, технологии устного перевода, психология устного перевода, эра-тология устного перевода, переводоведение, Высшая школа перевода (факультет)

Для цитирования: Зигмантович Д.С. Традиции и инновации в исследовании устного синхронного перевода: опыт Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 1. С. 135–167. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-135-167

Статья поступила в редакцию 04.03.2025;
одобрена после рецензирования 08.04.2025;
принята к публикации 13.04.2025.

SIMULTANEOUS INTERPRETING RESEARCH: BALANCING TRADITION AND INNOVATION AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY'S HIGHER SCHOOL OF TRANSLATION AND INTERPRETING

Daria S. Zigmantovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: dashazigmantovich@mail.ru

Abstract. The paper examines the research conducted by lecturers, associate professors, and professors at the Higher School of Translation and Interpreting of Lomonosov Moscow State University in the field of simultaneous interpreting. The article aims to synthesize the expertise the School has developed over its twenty-year history, highlighting the key research areas that blend the traditions

of the Soviet-era interpreting school with modern approaches. A special focus is given to the role of lecturers, associate professors, and professors, who serve both as practicing interpreters and researchers, ensuring a strong connection between theory and praxis. The faculty's research into simultaneous interpreting covers a wide range of topics, including the history, methodology, didactics, psychology, and error analysis (erratology) of simultaneous interpreting, as well as the impact of digital technologies on interpreter training and praxis. These studies are conducted across various language pairs, allowing for a deeper understanding of different linguistic and cultural contexts. The findings demonstrate the School's significant contribution to the theory, methodology, and teaching of simultaneous interpreting. The article underscores the importance of preserving academic traditions while embracing innovative methods in interpreter training and research. The Higher School of Translation and Interpreting not only prepares highly skilled professionals who meet the demands of the 21st century and excel in cross-linguistic communication but also advances the theory and praxis of interpreting in an increasingly digitalized world.

Keywords: simultaneous interpreting, interpreting theory, interpreting praxis, interpreting didactics, interpreting history, history of translation studies, interpreting methodology, interpreting technologies, interpreting psychology, interpreting erratology, translation studies, Higher School of Translation and Interpreting

For citation: *Zigmantovich D.S. (2025) Simultaneous interpreting research: balancing tradition and innovation at Lomonosov Moscow State University's Higher School of Translation and Interpreting. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 135–167. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-135-167*

The article was received on March 04, 2025;
approved after reviewing received on April 08, 2025;
accepted for publication on April 13, 2025.

Введение

В 2005 году в 250-летний юбилей Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова приказом ректора Садовнического Виктора Антоновича в соответствии с решением Учёного совета был создан новый факультет — Высшая школа перевода¹. В 2025 году факультет отмечает свой 20-летний юбилей. За два десятилетия своего существования Высшая школа перевода (факультет) стала не только одним из ведущих центров подготовки высококвалифицированных переводчиков, владеющих в полном объёме

¹ Подробнее см. следующий ресурс: <https://msu.ru/divisions/faculteti/perevod>

современными переводческими технологиями, специалистов-исследователей в области теории, истории и методологии перевода, но и важной площадкой для проведения научных исследований в обозначенных выше сферах. Высшая школа перевода (факультет) в лице её преподавателей, доцентов и профессоров вносит значительный вклад в исследования многогранного переводческого ремесла.

Особое место в научно-исследовательской деятельности факультета занимает изучение устного синхронного перевода (далее — УСП) — одного из сложнейших видов когнитивно-коммуникативной деятельности. Обучение профессиональному устному синхронному переводу, входящее в обязательную часть учебной программы, с самого начала существования факультета было его отличительной особенностью. Освоение техники УСП, отработка и автоматизация соответствующих навыков осуществляется в Высшей школе перевода на V курсе; более интенсивный тренинг продолжается на занятиях на VI курсе (образовательная программа «Перевод и переводоведение»). Занятия ведут профессора и преподаватели Московского университета, а также высококвалифицированные специалисты и практикующие переводчики, имеющие богатый личный опыт работы в сфере перевода. Стоит отметить, что их деятельность не ограничивается преподаванием: они активно вовлечены в исследование различных аспектов синхронного перевода. Разработка и совершенствование образовательных моделей подготовки синхронных переводчиков, а также всестороннее изучение вопросов теории и дидактики устного перевода входят в число тем, разрабатываемых в рамках научно-исследовательской деятельности факультета.

В настоящей статье рассматривается и обобщается опыт исследований УСП, накопленный в стенах Высшей школы перевода (факультета) за двадцать лет её существования в структуре Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

1. История устного перевода и науки о переводе

Описание истории переводческого опыта (практика устного синхронного перевода) и истории эволюции теоретических взглядов на работу устных синхронных переводчиков² занимает важное

² Речь, в частности, идёт о необходимости разграничивать историю переводческой практики и историю теоретических и критических взглядов на труд переводчиков (см. подробнее: Костикова, 2011). В настоящем подразделе данные

место в научно-исследовательской деятельности Высшей школы перевода (факультета).

Доцент кафедры теории и методологии перевода Костикова Ольга Игоревна отмечает, что всю историю переводческой деятельности можно разделить на несколько периодов на основе научно-технических открытий, изменивших характер информационно-коммуникационной деятельности в истории человеческой цивилизации. Решающим критерием здесь является способ хранения и передачи информации. Нас интересует третий период, внутри которого знаменательным событием стало изобретение специальной техники, позволившей осуществление устного синхронного перевода (Костикова, 2011: 21). Речь, в частности, идёт о создании оборудования для УСП бостонским предпринимателем Эдвардом Альбертом Филином совместно с радиоинженером фирмы IBM Гордоном Финлеем в первой половине XX столетия (Baigorri-Jalón, 2014: 133–136). Именно эта инновационная для того времени специальная техника впоследствии сделала возможным использование устного синхронного перевода на известном Нюрнбергском процессе (20 ноября 1945 — 1 октября 1946 г.).

Доцент кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии Матасов Роман Александрович³ посвятил описанию истории использования синхронного перевода и рассмотрению особенностей организации работы устных синхронных переводчиков в ходе упомянутого выше Нюрнбергского процесса целый цикл статей (Матасов, 2008; 2010; 2020). Международный суд в городе Нюрнберг положил начало целой эре синхронного перевода — его регулярной практике и оформлению в профессиональный вид деятельности. Несмотря на целый ряд сложностей (первый опыт масштабного перевода в таком формате; работа в условиях стресса, психологического и эмоционального напряжения; сбои в функционировании оборудования и др.), синхронные переводчики смогли закрепить свой статус и доказали реальность осуществления этого сложного вида переводческой деятельности, возможность которого до этого вызывала целый

рассуждения применяются в отношении устного синхронного перевода: истории его практики, с одной стороны, и истории эволюции взглядов на обозначенный вид переводческой деятельности, с другой.

³ В период с 2006 по 2013 гг. занимал должность преподавателя кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова.

ряд сомнений. Синхронные переводчики сыграли ключевую роль в этом историческом событии, доказав, что их работа — это не просто механический процесс, а сложный, творческий и эмоционально насыщенный труд (Матасов, 2010).

Другим важным результатом проведения международного суда в Нюрнберге с использованием устного синхронного перевода стало как начало описания и исследований его особенностей и механизмов практикующими переводчиками и преподавателями, так и проведение экспериментов психологами: эти процессы начались одновременно в СССР, в США и в странах Западной Европы. Профессор кафедры теории и методологии перевода, директор Высшей школы перевода (факультета) Гарбовский Николай Константинович комплексно описал традиции отечественной школы в целом ряде трудов (Гарбовский, 2012; 2013; 2015). Советская школа устного перевода начала формироваться в 1940-х годах, когда возникла необходимость в подготовке профессиональных переводческих кадров для обеспечения на высоком уровне международной коммуникации. Отличительной чертой советской школы устного перевода стало влияние на нее психолингвистики и её дидактическая доминанта. Такие выдающиеся учёные и практикующие переводчики, как Р.К. Миньяр-Белоручев (Миньяр-Белоручев, 1959), Г.В. Чернов (Чернов, 1978) и А.Ф. Ширяев (Ширяев, 1979), внесли значительный вклад в разработку теории, методологии и дидактики синхронного перевода. Они не только разрабатывали эффективную методическую систему обучения переводу и проводили эксперименты, но и строили теоретические модели этой деятельности. В период с 1960 по 1980 гг. советская школа устного перевода переживала расцвет. Проводимые в то время исследования и эксперименты не только углубили понимание процессов устного перевода, заложили основы для дальнейшего развития теории и методики обучения, но и позволили создать модели подготовки переводчиков, которые используются в современной российской образовательной системе. В постсоветский период экспериментальные исследования и теоретические разработки в области устного синхронного перевода стали явлением редким (Гарбовский, 2015). В XXI веке наблюдается «возрождение» интереса к исследованию УСП в силу того, что, во-первых, благодаря анализу работы устных переводчиков можно понять целый ряд важнейших аспектов переводческой деятельности в целом и, во-вторых, международные организации испытывают острую нужду в переводческих кадрах, которые обладают всеми компетенциями, необходимыми для осуществле-

ния перевода на высоком профессиональном уровне (Гарбовский, 2013)⁴.

Эволюция взглядов на устный синхронный перевод комплексно рассматривается в одной из работ доцента кафедры теории и методологии перевода Зигмантович Дарьи Сергеевны. Выше мы отметили, что исследования синхронного перевода начались в странах Западной Европы и США в то же время, что и в СССР. Представители западноевропейской и американской научных школ — психологи — обращались к исследованию данной разновидности переводческой деятельности для решения задач своей научной области. Советские учёные и переводчики в сотрудничестве с психологами стремились к совершенствованию дидактики устного перевода (Зигмантович, 2017). Существующие в науке о переводе периодизации эволюции взглядов на устный перевод показывают, что исследования УСП прошли длительный путь: от описания личного опыта и наблюдений практикующими переводчиками и преподавателями через проведение экспериментов психологами и самими переводчиками до международного сотрудничества переводчиков и теоретиков с высшими школами и научными центрами.

В западноевропейской и советской научной мысли психологи и переводчики неоднократно обращались к моделированию УСП для более глубокого понимания природы этого сложного когнитивно-коммуникативного явления и, как следствие, совершенствования его практики и дидактики. Модели, разработанные в 70-е гг. XX столетия, последовательно описываются с выделением соответствующих преимуществ и недостатков в одном из трудов Д.С. Зигмантович (Зигмантович, 2020a). Моделирование, как метод научного исследования, играет важную роль в изучении устного синхронного перевода, так как позволяет анализировать, структурировать, визуализировать и воспроизводить сложные когнитивные и коммуникативные процессы, лежащие в основе этой деятельности. Моделирование не только способствует углублению теоретических знаний, но и имеет практическую значи-

⁴ В частности, в структуре ООН действует Департамент по делам Генеральной Ассамблеи и конференционному управлению, который, помимо всего прочего, отвечает за лингвистическое обеспечение заседаний ооновских органов. Департамент сотрудничает с рядом университетов по всему миру, которые подписали соответствующие меморандумы о взаимопонимании для осуществления качественной подготовки переводчиков.

мость, что помогает совершенствовать методы обучения и подготовки переводчиков, способных эффективно работать в условиях современной межкультурной коммуникации.

2. Дидактика переводческой деятельности

Одной из основных особенностей современной отечественной научной школы устного перевода является её дидактическая направленность, что продолжает традиции, сформированные в советское время. Цель проводимых исследований — не только осмыслить перевод, но и построить дидактические модели для обеспечения эффективности подготовки переводчиков (Гарбовский, 2013: 41). Этим целям подчинена и та работа, которая проводится в стенах Высшей школы перевода (факультета) преподавателями-исследователями, которые по совместительству являются ещё и практикующими переводчиками.

Появление синхронного перевода в своё время стало дополнительным стимулом для развития дидактики переводческой деятельности. Основная задача современной дидактики перевода — найти способы формирования у обучаемых целостного представления о переводе и создать переводчика, который в полной мере владеет современными инструментами поиска и обработки информации для эффективного и качественного выполнения своей социальной функции в условиях межкультурной и межкультурной коммуникации. Дидактика переводческой деятельности тесно связана с другими научными дисциплинами, что требует трансдисциплинарного подхода, в рамках которого обучение переводу предстаёт как комплексная система, включающая взаимодействие преподавателя и обучаемого (Гарбовский, 2016).

Улучшению качества подготовки компетентных специалистов в области межкультурной коммуникации может способствовать анализ так называемой профессиограммы — то есть профессионального профиля — устного синхронного переводчика. Одна из таких профессиограмм, которая включает в себя перечень предъявляемых к специалистам международных организаций требований и норм, анализируется О.И. Костиковой. Переводчики должны обладать не только лингвистическими (знание языка и его акцентологических вариантов, умение работать со сложными фрагментами текста оригинала, большой словарный запас и др.), но и профессиональными (умение отстаивать переводческие решения, работать в команде, стрессоустойчивость и др.) компетенциями, необходимыми для успешной работы в различных международных

структурах (Костикова, 2016). Знание требований, предъявляемых к переводчикам в реальной переводческой среде, может помочь в улучшении и совершенствовании дидактики переводческой деятельности.

В этой связи стоит упомянуть ряд работ, написанных преподавателями Высшей школы перевода (факультета) и содержащих в себе практические рекомендации для улучшения процесса овладения техникой синхронного перевода.

В частности, Д.С. Зигмантович указывает на необходимость отбора речевого материала для поэтапного освоения техники УСП в соответствии с динамикой выполнения градуированных переводческих задач от простого к сложному и в зависимости от преследуемых целей (формирование навыков; отработка и автоматизация навыков; проведение интенсивного тренинга). В связи с этим вводится классификация, состоящая из «внешних речей» и «внутренних речей». «Внутренние речи», которые не предназначены для их трансляции на другой язык посредством синхронного перевода, отличаются от «внешних речей» по следующим параметрам: более высокая скорость воспроизведения, нестабильная и нечастая паузация, сложный синтаксис; насыщенность метафорами, разговорной, оценочной лексикой; использование цитат; обращение к реальным фактам; низкая степень возможности вероятностного прогнозирования (Зигмантович, 2016; 2020б; 2021).

Старшим преподавателем кафедры теории и методологии перевода Васиной Екатериной Алексеевной предлагаются комплекс практических рекомендаций и системы упражнений для качественного обучения основам устного синхронного перевода в комбинациях «русский — китайский» и «китайский — русский» (Васина, 2015; 2016; 2019а; 2019б). Исследования УСП в данной языковой комбинации приобретают особую актуальность в свете современных геополитических, экономических и культурных процессов. Нарращивание стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в рамках таких инициатив, как «Один пояс, один путь» и Евразийский экономический союз, создаёт повышенный спрос на профессиональных синхронных переводчиков, способных на высоком уровне обеспечивать эффективную коммуникацию на переговорах, конференциях и других международных мероприятиях.

Китайский язык, как язык изолирующего строя, обладает рядом характеристик, которые значительно усложняют процесс синхронного перевода. К их числу, в частности, относятся инкорпори-

ванные структуры (наличие развернутых вставных предикативных словосочетаний или полных предложений) и имплицитные логико-семантические связи (не ярко выраженные причинно-следственные, определительные или сочинительные отношения в силу отсутствия союзов, вводных слов и других маркеров), которые требуют значительных преобразований при УСП на русский язык. Всё это создаёт значительные трудности, которые могут быть преодолены только при условии тщательной подготовки и разработки специальных упражнений. Е.А. Васина обращает внимание на необходимость создания комплекса предпереводческих и переводческих упражнений, направленных на развитие навыков анализа и преобразования синтаксических структур, а также на улучшение способности к прогнозированию и экспликации скрытых смысловых связей (Васина, 2015).

К числу других сложностей, с которыми сталкиваются изучающие китайский язык студенты на начальном этапе овладения техникой УСП, относится ритмическая организация текстов. Китайский язык, обладающий уникальной ритмической структурой, формирует особый мелодический и тактовый рисунок текста, который восходит к традициям древнекитайской поэзии. Эти ритмические особенности сохраняются и в современных политических текстах, где они выполняют не только эстетическую, но и прагматическую функцию. Основной единицей ритмического периода в китайском языке являются четырёхсложные сочетания, которые могут включать устойчивые фразеологизмы (так называемые чэньюи), свободные словосочетания, предикативно-объектные и наречно-предикативные конструкции. Задача синхронного переводчика при этом не только распознать ритмику, но и суметь найти лаконичные и ёмкие соответствия в русском языке. Для этого необходимо разрабатывать специальные упражнения, направленные на распознавание и преобразование ритмических групп в китайских текстах (Васина, 2016).

С учётом качественных и количественных особенностей китайского языка (сильная слоговая омонимия, короткая длина лексических единиц, отсутствие внешних заимствований, тонового ударения и ритмики речи) Е.А. Васина предлагает ряд практических рекомендаций для улучшения восприятия и понимания китайской речи на слух: чтение текстов вслух с акцентом на верное артикулирование, интонирование, ритмику и связность фраз; представление иероглифической записи лексических единиц для улучшения их распознавания; обратный перевод международной

лексики и другие. Кроме того, следует обращать внимание учащихся на распределение информации в тексте, что происходит за счёт интонации, выбора регистра и паузации (Васина, 2019а). Предлагается ряд упражнений, направленных на улучшение восприятия и понимания устной речи. Упражнения разделены на два блока: первый блок включает задания, выполняемые без опоры на текст, а второй — задания с возможной опорой на текст. В первом блоке студенты тренируются различать омонимичные лексемы, воспринимать международную лексику в китайском произношении и выделять рематические центры высказывания. Во втором блоке учащиеся работают с компрессией в китайской речи, выделяют новую информацию и избегают избыточности, а также повторяют текст за диктором с правильным ритмическим рисунком и интонацией. Особое внимание в обязательном порядке необходимо уделять сознательному подходу студентов и систематической работе под руководством преподавателя (Васина, 2019б).

Синхронный перевод, как один из наиболее сложных видов переводческой деятельности, требует от специалистов не только глубоких лингвистических знаний, но и развития специфических навыков, таких как скорость реакции, многозадачность, умение работать в условиях дефицита времени и стресса. В связи с этим в процессе обучения необходимо использовать методы, которые позволяют студентам развивать эти навыки, и одним из таких, по мнению старшего преподавателя кафедры теории и методологии перевода Серковой (Котовой) Станиславы Евгеньевны, является аудиовизуальный перевод. Аудиовизуальный перевод, в частности киноперевод, предстаёт не только как самостоятельный вид переводческой деятельности, но и как эффективный инструмент для подготовки синхронных переводчиков. Работа с киноматериалами позволяет студентам развивать навыки аудирования, улучшать дикцию, интонацию и дыхание, отрабатывать лексические и синтаксические трансформации, а также тренироваться в компрессии текстов. Кроме того, задействование элементов киноперевода способствует расширению фоновых знаний и культурологической компетенции, что особенно важно при переводе текстов, насыщенных культурно маркированными элементами. Этот метод способствует формированию у будущих переводчиков умения работать в сложных условиях, быстро принимать решения и адаптироваться к различным коммуникативным ситуациям (Серкова, 2022).

Особое внимание в процессе подготовки профессиональных переводчиков уделяется владению родным языком, который вы-

стует не только средством передачи информации, но и основой для создания точного, грамотного и стилистически корректно оформленного перевода. Преподавание русского языка в рамках подготовки устных переводчиков приобретает особую актуальность, поскольку именно от качества владения родным языком зависит успешность переводческой деятельности. Преподаватель кафедры теории и методологии перевода Жаркова Ольга Сергеевна⁵ уделяет особое внимание владению родным языком как ключевому компоненту профессионализма переводчика, который призван «балансировать» между точной передачей смысла исходного текста и созданием понятного, соответствующего нормам русского языка перевода, избегая при этом избыточного использования заимствований и калькирования. Подготовка переводчиков должна включать комплексный курс русского языка, охватывающий орфографию, орфоэпию, пунктуацию, лексику, морфологию и синтаксис. Необходимо также выполнять работу, направленную на порождение и восприятие текстов, а также их редактирование. Методическое наполнение курса должно учитывать переводческую специфику, включая упражнения, направленные на сочетаемость слов и особенности словоупотребления. В условиях глобализации переводчики международных организаций играют важную роль в сохранении языкового разнообразия и норм русского языка. Они должны быть готовы принимать обоснованные переводческие решения, опираясь на нормы русского языка, что необходимо учитывать при разработке образовательных стандартов и программ подготовки будущих переводчиков (Жаркова, 2011).

На факультете Высшая школа перевода проводится большая работа по разработке и применению специальных упражнений, учитывающих специфику различных языков, а также уделяется значительное внимание овладению нормами родного — русского — языка, что способствует подготовке квалифицированных переводчиков и повышению качества устного перевода.

3. Методология устного перевода

Устный синхронный перевод — один из сложнейших видов когнитивно-коммуникативной деятельности, что обусловлено целым рядом причин: одновременностью процессов восприятия и анализа

⁵ В период с 2005 по 2014 гг. занимала должность преподавателя кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова.

исходной информации с процессом порождения высказывания на языке перевода; континуально-дискретным характером процесса; высокой скоростью выполнения переводческих действий; многоканальностью поступающей на обработку информации.

Работая в таком режиме повышенной когнитивной нагрузки, переводчики постоянно сталкиваются с целым рядом сложностей, возникающих при восприятии, сохранении и поиске соответствий. Особую трудность, по мнению О.И. Костиковой, представляет ономастический компонент, так как в отличие от терминов такого рода единицы не вызывают конкретных ассоциаций и требуют точного воспроизведения. Вероятность возникновения проблем при обработке ономастической информации даже у профессиональных переводчиков составляет 90%. В устной речи отсутствуют формальные маркеры, которые могли бы сигнализировать о появлении онима, что усложняет его восприятие и обработку. Переводчик вынужден полагаться на свою долговременную память. В случае с ономастическими компонентами чаще применяется формально-знаковый способ перевода, так как онимы не зависят от контекста и требуют точного воспроизведения. Ономастические компоненты, будучи прецизионной лексикой, требуют особого внимания и навыков быстрого перекодирования, что делает их одной из наиболее сложных категорий для перевода в условиях синхронного режима (Костикова, 2018).

При переводе речей различной тематики студенты на начальных этапах освоения техники УСП и на более продвинутом уровне сталкиваются с рядом трудностей в том, что касается обеспечения должной степени полноты, точности и качества перевода. В политических выступлениях, с которыми проводится обширная работа на занятиях по УСП, имеются индивидуальные особенности просодического (темп речи, особенности паузации речи, акцент и др.), синтаксического (простые и сложные предложения, однородные члены предложения, анафорические конструкции и др.) и лексико-стилистического характера (тропы, стилистические фигуры, ономастические компоненты и др.), которые влияют на оперирование информацией в процессе УСП и могут быть квалифицированы как факторы переводимости, т.е. факторы, влияющие на степень полноты, точности и качества перевода. Д.С. Зигмантович предлагает алгоритм анализа политических выступлений, релевантный для нужд синхронного перевода (как учебного, так и профессионального), который может служить основой для разработки автоматизированных систем отбора звучащих политических речей при

освоении техники УСП на разных этапах обучения (Зигмантович, 2018; 2021; 2022).

Процесс понимания текста в условиях синхронного перевода с точки зрения герменевтики рассматривается старшим преподавателем кафедры теории и методологии перевода Шебаршиной Дарьей Юрьевной. УСП представляет собой герменевтическую аномалию, поскольку нарушаются традиционные принципы понимания текста. Эта аномалия становится возможной за счёт механизма вероятностного прогнозирования⁶, который позволяет переводчику предугадывать развитие речи на основе знания контекста и предыдущего опыта. Этот механизм основан на идее опережающего отражения действительности, когда переводчик формирует гипотезы о дальнейшем развитии речи и подтверждает или корректирует их по мере поступления новой информации. Синхронный перевод представляет собой уникальную среду герменевтического опыта, где традиционные принципы понимания текста адаптируются к реальным условиям устной коммуникации (Шебаршина, 2016).

В фокусе внимания Д.Ю. Шебаршиной находится также и исследование синтаксических, семантических и лексико-синтаксических трансформаций, применение которых обусловлено как лингвистическими, так и внелингвистическими факторами, включая физиологические и психологические аспекты, которые затрудняют выбор оптимальной переводческой стратегии. Эти трансформации могут быть как оправданными, так и вынужденными. При этом переводческие трансформации являются неотъемлемой частью процесса перевода, что связано с асимметричностью языковых систем. Используемые стратегии можно разделить на две категории: основанные на знаниях и основанные на навыках. Стратегии, основанные на навыках, включают стандартные переводческие решения и клише, которые применяются в формальных ситуациях. Стратегии, основанные на знаниях, предполагают сознательный аналитический процесс, который запускается в случае отсутствия немедленного решения или перегрузки памяти. Однако не все трансформации являются оправданными. Вынужденные трансформации возникают из-за ограниченности времени, когнитивных ресурсов или других факторов, что может приводить к снижению качества перевода. Например, опущение важной информации или

⁶ Подробнее о механизме вероятностного прогнозирования см. труд Г.В. Чернова «Теория и практика синхронного перевода» (Чернов, 1978).

некорректное использование генерализации могут исказить смысл оригинала. Синхронный перевод — это деятельность, в которой не существует единственного правильного решения. Переводчик постоянно сталкивается с необходимостью выбора между различными стратегиями и трансформациями, что делает процесс перевода таким уникальным и сложным (Шебаршина, 2019; 2020). Синхронные переводчики используют в своей работе и комплексные трансформации, которые остаются недоступными для машинного перевода. Комплексные трансформации представляют собой сложные переводческие приёмы, включающие антонимический перевод, экспликацию, конверсные трансформации, добавления и опущения. Нейронные сети ограничены в своей способности к интерпретации и адаптации текста, что делает их менее эффективными в ситуациях, требующих комплексных трансформаций. Эти трансформации требуют не только лингвистической компетенции, но и творческого мышления, что пока остается недоступным для машин (Шебаршина, 2021a).

Понимание трансформаций, которые используются в работе переводчиками, может помочь студентам и специалистам, делающим первые шаги в профессии, улучшить свои навыки и избежать ошибок в будущем, что очень важно для развития дидактики переводческой деятельности и совершенствования практики устного перевода. Кроме того, трансформации являются одним из ключевых факторов, позволяющих человеку сохранять преимущество перед искусственным интеллектом в области синхронного перевода.

4. Современные технологии устного перевода

Сегодня в мировой истории перевода началась новая эпоха: эскалация цифровых технологий предъявляет целый ряд не существовавших ранее требований к переводчику, который должен быть более гибким специалистом, который может оперативно адаптироваться к любым условиям работы и быть «переводчиком цифровой эпохи». Он должен стать неотъемлемой частью сложной системы, в которой призван искусно сочетать свои компетенции и технологические возможности, предлагаемые цифровизацией общества (Гарбовский, Костинова, 2019: 18).

В условиях активного развития цифровых технологий и искусственного интеллекта в XXI веке синхронный перевод становится одной из сфер, где человек и машина вступают в конкуренцию. Самообучающиеся нейронные сети, способные автоматически

распознавать речь и преобразовывать её в текст на другом языке, представляют собой революционную разработку. Однако, несмотря на значительные успехи в области машинного перевода, эксперименты показывают, что искусственный интеллект пока не способен полностью заменить человека в синхронном переводе. Д.Ю. Шебаршина указывает именно на такого рода ограничения в работе искусственного интеллекта. Одним из ключевых факторов, обуславливающих это, является внимание, которое играет решающую роль в процессе перевода. Внимание в УСП выступает как центральный механизм, позволяющий переводчику эффективно распределять свои когнитивные ресурсы. В отличие от систем искусственного интеллекта, который работает на основе заранее заданных алгоритмов, человеческий мозг способен гибко адаптироваться к изменяющимся условиям, учитывая контекст, эмоции и невербальные сигналы оратора. Нейронные сети могут ошибаться при переводе сложных терминов или идиоматических выражений, что связано с ограниченностью их словарного запаса и неспособностью учитывать расширенный контекст. Кроме того, системы искусственного интеллекта не способны адекватно передавать эмоции и интонации, которые играют важную роль в коммуникации. Ещё одним важным аспектом является способность человека к композиционному обобщению — использованию накопленного опыта и знаний для решения сложных задач, применение творческого подхода. Переводчик способен одновременно удерживать в фокусе несколько аспектов: смысловую структуру текста, эмоциональный настрой оратора, культурный контекст и технические детали перевода. Это требует высокой концентрации и многозадачности, что пока недоступно для искусственного интеллекта (Шебаршина, 2021б). Все эти рассуждения важны в силу того, что доказывают, что искусственный интеллект, несмотря на своё активное развитие, не может полностью заменить человека в синхронном переводе, особенно в ситуациях, требующих глубокого понимания контекста, эмоций и культурных особенностей.

Преподаватели Высшей школы перевода (факультета) уделяют особое внимание использованию различного рода цифровых платформ на занятиях по УСП, пандемия COVID-19 стала катализатором масштабных изменений в различных сферах жизни, включая образование и профессиональную подготовку. Одной из областей, которая претерпела значительные трансформации, стала в том числе и дидактика устного синхронного перевода. После

2020 года данная разновидность переводческой деятельности стала применяться и в дистанционном формате с использованием специальных онлайн-платформ, на которых предусмотрена возможность проведения конференций (например, Zoom, Cisco WebEx, Microsoft Teams, Interprefy, Kudo, Voiceboxer⁷ и др.).

Е.А. Васина описала опыт преподавания синхронного перевода в первые месяцы работы в дистанционном режиме, когда цифровые технологии стали ключевым инструментом для обеспечения непрерывности образовательного процесса. К преимуществам дистанционного формата для обучения, в частности, относится оптимизация распределения времени, улучшение организации внешнего и эмоционального пространства, возможность персонализированного подхода, улучшение контроля за качеством звука, сокращение издержек на техническое оснащение и другие. При работе в таком формате необходима адаптация традиционных методов обучения синхронному переводу к новым реалиям онлайн-образования. В частности, студенты в обязательном порядке самостоятельно записывают свои переводы на диктофон и сразу же отправляют их на контроль преподавателю; тот или иной учащийся выполняет перевод в прямом эфире, а остальные слушают и готовятся к смене, что развивает навыки работы в команде и умение быстро реагировать на изменения; студенты выполняют небольшие короткие переводы, записывают себя и потом анализируют, что способствует развитию навыков самостоятельной работы и улучшению качества перевода. Дистанционный формат обучения открыл новые возможности для оптимизации образовательного процесса. Постоянный поиск новых решений и адаптация традиционных методов к онлайн-формату позволяют обеспечить высокий уровень подготовки будущих синхронных переводчиков даже в условиях пандемии (Васина, 2020).

Сегодня существует большой спектр интернет-ресурсов, которыми можно воспользоваться для отработки, совершенствования и автоматизации навыков УСП. Преподаватели Высшей школы перевода уделяют особое внимание особенностям обучения синхронному переводу с помощью цифровых платформ, что сегодня очень важно для формирования «переводчиков цифровой эпохи».

⁷ Подробнее об этих и других платформах для осуществления удалённого синхронного перевода см. публикации Федоренковой Н.В. (Федоренкова, 2020а, эл. ресурс; 2020б, эл. ресурс).

С.Е. Серкова (Котова) анализирует опыт Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова в адаптации занятий по синхронному переводу к дистанционному формату, а также рассматривает преимущества и особенности использования цифровых технологий в учебном процессе. Помимо использования платформы Zoom, о которой речь шла выше, предлагается эффективное внедрение в образовательный процесс целого ряда других инструментов для различных целей. Например, SketchEngine, InterpretBank или Juremu представляют собой площадки, на которых можно быстро создавать глоссарии, анализировать терминологию и контекст, что особенно важно при работе с текстами, насыщенными специализированной лексикой. Цифровые платформы являются эффективным средством для минимизации ошибок в УСП, что помогает переводчикам справляться с вызовами, связанными с дефицитом времени, интерференцией и недостаточным владением тематикой. Эти инструменты не только улучшают качество перевода, но и способствуют повышению профессиональной компетенции переводчиков (Серкова, 2021а; 2021б).

5. Психология устного перевода

Устный синхронный перевод требует от специалиста не только высокого уровня языковой компетенции, но и развитых когнитивных и психологических навыков. В условиях интенсивной межкультурной коммуникации и возрастающих требований к качеству перевода исследование психологических аспектов УСП приобретает особую значимость. Понимание механизмов работы памяти, концентрации внимания, стрессоустойчивости и эмоционального интеллекта позволяет не только улучшить качество переводческой деятельности, но и разработать эффективные методики подготовки будущих специалистов.

Ряд преподавателей факультета Высшая школа перевода уделяют особое внимание изучению психологических аспектов УСП, что способствует формированию у студентов профессиональных компетенций, необходимых для успешной работы в условиях высокой когнитивной нагрузки и стресса.

Жаркова О.С. подчёркивает, что ключевым аспектом работы устного переводчика является использование оперативной памяти, что позволяет сохранять информацию на время, необходимое для выполнения задачи. Однако успешный перевод невозможен без логического анализа и понимания смысла высказывания, что требует от переводчика умения концентрироваться на протяже-

нии длительного отрезка времени. Переводчик должен также уметь подавлять собственное «я», избегая проявления личных эмоций и мнений, и сосредотачиваться на передаче сообщения от первого лица. Для подготовки студентов к работе устным переводчиком предлагается сочетать упражнения, направленные на развитие конкретных навыков (например, оперативной памяти и концентрации), с моделированием реальных ситуаций перевода. Это включает создание условий, максимально приближенных к профессиональной деятельности, таких как «игровые конференции», где студенты самостоятельно готовятся к переводу по заданной тематике. Такой подход позволяет развить не только языковые, но и психологические компетенции, необходимые для успешной работы устным переводчиком (Жаркова, 2009).

Память, предусматривающая запоминание, сохранение и актуализацию информации, рассматривается О.С. Жарковой и в других трудах. Успешный перевод требует смыслового запоминания, основанного на анализе логических связей и контекста. Однако механическое запоминание всё же необходимо для работы с прецизионной информацией. Изучение психологических механизмов перевода играет важную роль для улучшения качества переводческой деятельности и разработки эффективных методик обучения (Жаркова, 2012).

Преподаватель кафедры теории и методологии перевода Серикова Анастасия Владимировна обращает внимание на деятельность переводчика через призму теории социальных ролей. Переводческая деятельность предстает как процесс многогранный, требующий от переводчика выполнения различных социальных ролей, таких как слушатель, оратор, посредник межкультурной коммуникации, исследователь, организатор, психолог и участник переговоров. Роль переводчика-психолога предполагает умение анализировать поведение участников переговоров, снимать напряжение и способствовать нормализации обстановки. Именно языковой посредник выступает тем звеном, которое способно анализировать ситуацию и принимать взвешенные решения, что особенно важно в стрессовых условиях переговоров. Особое внимание уделяется эмоциональному интеллекту, который включает в себя пять основных компонентов: самосознание, саморегуляция, мотивация, эмпатия и социальные навыки. Эти компоненты позволяют переводчику эффективно управлять своими эмоциями, понимать чувства других участников переговоров, справляться со стрессом и выстраивать успешную коммуникацию (Серикова, 2020). В усло-

виях глобализации и развития технологий именно «человеческий фактор», включая упомянутый выше эмоциональный интеллект, становится ключевым для успешной работы устного переводчика.

Проводимые на факультете Высшая школа перевода исследования психологических механизмов перевода, включая изучение памяти и эмоциональной регуляции, способствуют разработке эффективных методик подготовки будущих специалистов. Интеграция теоретических знаний и практических упражнений, таких как моделирование реальных ситуаций перевода, позволяет студентам развивать не только языковые, но и психологические компетенции, необходимые для успешной профессиональной деятельности.

6. Эрратология устного перевода

Устный синхронный перевод как сложный когнитивно-коммуникативный процесс неизбежно сопряжён с возникновением ошибок, неточностей и искажений, что делает изучение их природы, причин и последствий важным направлением в современном переводоведении. Эрратология устного перевода, будучи областью междисциплинарной, фокусируется на систематизации, анализе и классификации ошибок, возникающих в процессе перевода, а также на разработке стратегий их минимизации и преодоления. Актуальность такого рода исследований обусловлена не только необходимостью повышения качества переводческой деятельности, но и важностью понимания того, как ошибки влияют на межкультурную коммуникацию, восприятие информации и принятие решений в условиях реального времени.

Преподаватели Высшей школы перевода (факультета) проводят большую работу по анализу тех ошибок, которые допускают студенты при овладении техникой синхронного перевода на начальном и на более продвинутом уровнях. Такие исследования важны для определения путей предупреждения и устранения данных ошибок.

Старший преподаватель кафедры теории и методологии перевода Литвинова Галина Михайловна выделяет несколько уровней ошибок, возникающих у студентов при работе в синхронном режиме: фонетические, словообразовательные, лексические, морфологические, синтаксические и стилистические. Многие ошибки возникают из-за недостаточного самоконтроля со стороны студентов в условиях УСП, когда требуется высокая скорость реакции и умение работать в условиях дефицита времени. Определённое влияние на качество перевода оказывают и индивидуальные

особенности студентов, такие как темперамент и темп речи. Для устранения этих ошибок предлагается разработать специальные упражнения, направленные на улучшение лингвистической компетенции студентов. Эти упражнения должны включать работу над фонетикой, лексикой, грамматикой и синтаксисом, а также развитие навыков самоконтроля и умения работать в условиях многозадачности. Особое внимание уделяется необходимости повышения уровня владения родным языком, что является ключевым фактором успешного перевода на русский (Литвинова, 2015). Систематическая работа над лингвистической компетенцией студентов и разработка специальных методик обучения могут значительно снизить их количество, что очень важно для подготовки квалифицированных переводчиков, способных эффективно работать в условиях УСП.

Доценты кафедры теории и методологии перевода Есакова Мария Николаевна и Кольцова Юлия Николаевна исследуют проблему соблюдения акцентологических норм устными переводчиками. Грамотная и правильно поставленная речь является важнейшим компонентом успешной работы переводчика, так как влияет на его профессиональный имидж и востребованность на рынке труда. Среди причин возникновения такого рода ошибок выделяются влияние профессиональной лексики, ложные аналогии, воздействие средств массовой информации и внутренние языковые процессы. Для успешной подготовки устных переводчиков необходимо систематически работать над выработкой правильной постановки ударения с использованием различных методик, включая тренинг и многократное повторение сложных слов. Это позволит будущим переводчикам не только запомнить правильные формы, но и сделать их частью своей активной речевой практики. Важное место занимает формирование у студентов навыка самоконтроля, речь о котором шла выше, и осознанного использования правильных форм произношения (Есакова, Кольцова, 2016; 2017).

Явление интерференции, то есть влияние языка оригинала на язык перевода, находится в фокусе внимания С.Е. Серковой (Котовой). Интерференция в условиях синхронного перевода становится одной из основных причин появления ошибок в речи переводчиков. Давление языка оригинала усиливается в условиях УСП, когда переводчик вынужден работать в режиме реального времени без возможности использовать дополнительные источники информации или консультироваться с коллегами. Интерференция может проявляться на различных уровнях: фонетическом, лексическом,

морфологическом, синтаксическом и стилистическом. Выявление и анализ переводческих ошибок играют важную роль в дидактике перевода, так как позволяют предложить пути их устранения (Серкова, 2020а; 2020б). Понимание природы интерференции и её влияния на процесс перевода помогает улучшить качество подготовки будущих переводчиков и минимизировать ошибки в их профессиональной деятельности.

Устный синхронный перевод является объектом научного интереса среди аспирантов факультета — как российских, так и иностранных, — которые проводят соответствующие исследования, защищают или готовят к защите диссертационные исследования на соискание научных степеней. В центре их работы традиционно находятся вопросы истории, теории, методологии и дидактики устного синхронного перевода (Руновская, 2024; Лю Вэньцзя, 2022; 2023 и др.; Юе Жуйин, 2019; 2020; 2022 и др.). Аспиранты факультета, продолжая традиции своих наставников, активно проводят исследования в данной области, что свидетельствует о преемственности научных открытий. Такая преемственность не только способствует накоплению и систематизации знаний, но и открывает новые горизонты для дальнейших исследований, что подчёркивает важность передачи научного опыта и интеграции традиционных подходов с современными методами анализа.

Заключение

Исследования устного синхронного перевода, проводимые в стенах Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, демонстрируют гармоничное сочетание традиций и инноваций в области переводоведения. За два десятилетия своего существования факультет не только стал ведущим центром подготовки высококвалифицированных переводчиков, но и значимой площадкой для научных изысканий, направленных на понимание сложных процессов и механизмов, связанных с УСП.

Современные исследования в области устного синхронного перевода охватывают широкий спектр вопросов, включая историю, методологию, дидактику, психологию, эрратологию устного синхронного перевода, а также изучение современных технологий и их влияния на переводческую деятельность. Преподаватели, доценты и профессора факультета, многие из которых являются практикующими переводчиками, активно исследуют ключевые аспекты перевода, связанные с интерференцией, трансформациями, оно-

мастикой, а также ролью внимания и прогнозирования в процессе перевода. Эти исследования не только способствуют развитию теории перевода, но и имеют практическую значимость, что помогает совершенствовать методы обучения и минимизировать ошибки в профессиональной деятельности переводчиков.

Таким образом, Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова является важным центром научной мысли, где традиции советской школы перевода сочетаются с современными подходами и технологиями. Преподаватели, доценты и профессора продолжают развивать идеи, заложенные в советский период, адаптируя их к новым условиям. Проводимая работа носит прикладной характер и направлена на разработку эффективных методик обучения (Гарбовский, 2017). Преемственность научных исследований, активное вовлечение аспирантов и преподавателей в изучение актуальных проблем перевода, а также адаптация к вызовам цифровой эпохи делают факультет уникальной площадкой для развития теории и практики устного синхронного перевода.

Список литературы

Васина Е.А. Высшее образование в период эпидемий — опыт преподавания синхронного перевода в условиях дистанционного режима обучения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 4. С. 3–20.

Васина Е.А. О некоторых качественных и количественных особенностях китайской звучащей речи в контексте синхронного перевода с китайского языка на слух // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2019а. № 2. С. 52–65.

Васина Е.А. Ритмика политического текста на китайском языке в зеркале синхронного перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 2. С. 16–27.

Васина Е.А. Синхронный перевод с китайского языка на русский: особенности логических преобразований синтаксической структуры текста сообщения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 3. С. 50–59.

Васина Е.А. Устный перевод на слух с китайского и русского языков — разработка упражнений по улучшению восприятия и понимания на слух для российских и китайских студентов // Русский язык и культура в зеркале перевода: IX Международная научная конференция (г. Салоники, Греция, 10–14 апреля 2019 г.): Материалы конференции, 2019б. С. 36–51.

Высшая школа перевода (факультет) (Электрон. ресурс): msu.ru. Режим доступа: <https://msu.ru/divisions/faculteti/perevod> (дата обращения: 01.03.2025).

Гарбовский Н.К. От лингводидактики к дидактике переводческой деятельности // Русский язык в мировом контексте и международных организациях: Международный форум; 28.09.2016 — 03.10.2016, Рим, Италия: Материалы конференции, 2016. С. 78–84.

Гарбовский Н.К. Российская школа перевода: традиции и вызовы XXI века // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 4. С. 36–50.

Гарбовский Н.К. Семь вопросов дидактики перевода или скорос- дидактика переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2012. № 4. С. 36–54.

Гарбовский Н.К. Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 2. С. 3–16.

Гарбовский Н.К. Устный перевод в условиях новых политических и экономических инициатив: теория, практика, дидактика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2017. № 3. С. 6–25.

Гарбовский Н.К., Костилова О.И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода, 2019. № 4. С. 3–25.

Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Акцентологические нормы в речи устных переводчиков // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 4. С. 81–92.

Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Чего не может себе позволить устный переводчик? // Русский язык и культура в зеркале перевода: VII Международная научная конференция; 28.04.2017 — 03.05.2017, г. Афины, Греция: Материалы конференции: электронное издание, 2017. С. 176–185.

Жаркова О.С. Механизмы памяти в устном последовательном переводе // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода, 2012. № 2. С. 32–35.

Жаркова О.С. Психологические основы работы устного переводчика // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе»: материалы международной научно-практической конференции, 2009. С. 163–167.

Жаркова О.С. Русский язык в системе подготовки переводчиков для международных организаций // Русский язык в современном мире... Материалы II международной научной конференции, 2011. С. 285–287.

Зигмантович Д.С. Воздействие паузации устной речи оратором на качество синхронного перевода // *Litera*, 2021. № 5. С. 71–80.

Зигмантович Д.С. Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 3. С. 41–57.

Зигмантович Д.С. Психологические модели устного синхронного перевода в европейской и советской научной мысли // Мир науки, культуры, образования, 2020а. Т. 83, № 4. С. 408–411.

Зигмантович Д.С. Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном

переводе (на материале речей американских политиков) // Исследования языка и современное гуманитарное знание, 2022. Т. 4, № 1. С. 16–24.

Зигмантович Д.С. Скорость оратора и её влияние на деятельность устных синхронных переводчиков // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М.: Изд-во «Неолит», 2018. С. 860–863.

Зигмантович Д.С. Устный политический дискурс: факторы переводимости: дис. канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2021. 280 с.

Зигмантович Д.С. Устный синхронный перевод как особый вид речемыслительной деятельности: экспериментальное исследование // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020б. № 4. С. 21–41.

Зигмантович Д.С. Эволюция взглядов на устный перевод в западно-европейской научной традиции // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2017. № 4. С. 3–20.

Костикова О.И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 2. С. 3–22.

Костикова О.И. Когнитивная обработка информации с ономастическим компонентом в устном синхронном переводе // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М.: Изд-во «Неолит», 2018. С. 870–874.

Костикова О.И. Профессиограмма переводчика международных организаций: оценка знаний и навыков на начальном этапе карьеры // Русский язык в мировом контексте и международных организациях: Международный форум; 28.09.2016 — 03.10.2016, Рим, Италия: Материалы конференции, 2016. С. 164–174.

Литвинова Г.М. Речевые ошибки обучающихся синхронному переводу // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы V Международной научной конференции, 2015. С. 716–724.

Лю Вэньцзя. Размышления об истории соединения синхронного перевода с искусственным интеллектом в Китае: 2017–2021 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2023. № 2. С. 142–150.

Лю Вэньцзя. Теория и практика концепции обучения синхронному русско-китайскому переводу для китайских студентов // *Litera*, 2022. № 6. С. 22–34.

Матасов Р.А. Синхронные переводчики на Нюрнбергском процессе: *humani nihil a me alienum puto* // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2010. № 2. С. 74–85.

Матасов Р.А. Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2008. № 2. С. 18–34.

Матасов Р.А. *Ultima ratio interpretum*: вербальное оружие на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 2. С. 76–87.

Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения переводу на слух. М.: Ин-т международных отношений, 1959. 190 с.

Руновская М.С. Выявление дестабилизирующих ситуаций в устном синхронном переводе через хезитационные паузы // Языки. Культуры. Перевод: XI Международный научно-образовательный форум молодых исследователей, Вологда, 11–15 сентября 2024 г.: материалы форума, 2024. С. 90–98.

Серикова А.В. Эмоциональный интеллект в системе социальных ролей переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 4. С. 123–137.

Серкова С.Е. Аудиовизуальный перевод в системе подготовки переводчиков-синхронистов // Русский язык и культура в зеркале перевода: XII Международная научная конференция; Материалы конференции, 2022. С. 220–227.

Серкова С.Е. Использование цифровых платформ с целью преодоления речевых ошибок в синхронном переводе // Языки. Культуры. Перевод: VIII Международный научно-образовательный форум (г. Комотини, Греция, 19–24 сентября 2021 г.): материалы форума, 2021а. С. 142–147.

Серкова С.Е. Обучение синхронному переводу с помощью цифровых платформ // Русский язык и культура в зеркале перевода: Юбилейная международная научная конференция; Материалы конференции, 2021б. С. 132–138.

Серкова С.Е. Переводческая интерференция и речевые ошибки в учебном синхронном переводе на родной язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020а. № 4. С. 55–62.

Серкова С.Е. Речевые ошибки в устном синхронном переводе у обучающихся при работе в комбинации В→А // Русский язык и культура в зеркале перевода: X Международная научная конференция, 2020б. С. 193–199.

Федоренкова Н.В. 6 платформ для удалённого синхронного перевода (RSI) и Zoom, 2020а. (Электрон. ресурс): translationrating.ru. Режим доступа: <https://translationrating.ru/remote-interpreting-platforms-2020/#VOICEBOXER> (дата обращения: 16.05.2023).

Федоренкова Н.В. Удалённый перевод (RSI) и с чем его едят, 2020б. (Электрон. ресурс): natfedorenkova.ru. Режим доступа: <https://www.natfedorenkova.ru/2020/04/02/2220/> (дата обращения: 16.05.2023).

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Изд-во «Международные отношения», 1978. 208 с.

Шебаршина Д.Ю. Комплексные трансформации в переводе // Русский язык и культура в зеркале перевода: Юбилейная международная научная конференция; Материалы конференции, 2021а. С. 180–188.

Шебаршина Д.Ю. Приём членения и объединения предложений как одна из ключевых синтаксических трансформаций в синхронном переводе // Русский язык и культура в зеркале перевода: IX Международная научная конференция (г. Салоники, Греция, 10–14 апреля 2019 г.): Материалы конференции, 2019. С. 261–269.

Шебаршина Д.Ю. Проблема внимания при синхронном переводе как один из ключевых факторов, обуславливающих «Конкуренцию интеллек-

тов» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021б. № 2. С. 21–31.

Шебаршина Д.Ю. Синхронный перевод как герменевтическая аномалия // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 2. С. 44–51.

Шебаршина Д.Ю. Устный синхронный перевод: оправданные и вынужденные трансформации и их влияние на качество перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 4. С. 63–81.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

Юе Жуйин. Теория и методика обучения синхронному переводу в Китае: национальные традиции и зарубежный опыт: дис. канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2022. 267 с.

Юе Жуйин. Теория и методология устного перевода в трудах Р.К. Миньяра-Белоручева // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 2. С. 118–133.

Юе Жуйин. Типичные проблемы в ходе устного перевода в русско-китайской комбинации и пути их решения // Мир науки, культуры, образования, 2019. Т. 79, № 6. С. 547–551.

Baigorri-Jalón J. (2014) From Paris to Nuremberg: The birth of conference interpreting / translated by H. Mikkelsen and B. Slaughter Olsen. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 277 p.

References

Baigorri-Jalón J. (2014) From Paris to Nuremberg: The birth of conference interpreting / translated by H. Mikkelsen and B. Slaughter Olsen. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 277 p.

Chernov G.V. (1978) *Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda* = Theory and practice of simultaneous interpreting. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 208 p. (In Russian).

Esakova M.N., Kol'tsova Yu.N. (2016) Aktsentologicheskie normy v rechi ustnykh perevodchikov = Accentual standards of interpreters' speech. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 81–92 (In Russian).

Esakova M.N., Kol'tsova Yu.N. (2017) Chego ne mozhet sebe pozvolit' ustnyy perevodchik? = What an interpreter cannot afford to do? *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*; 28.04.2017 — 03.05.2017, g. Afiny, Gretsiya: *Materialy konferentsii: elektronnoe izdanie*, pp. 176–185. (In Russian).

Fedorenkova N.V. (2020a) 6 platform dlya udalennogo sinkhronnogo perevoda (RSI) i Zoom = 6 platforms for remote simultaneous interpreting (RSI) and Zoom. (Electronic Resource): translationrating.ru. URL: <https://translationrating.ru/remote-interpreting-platforms-2020/#VOICEBOXER> (data of retrieval: 16.05.2023) (In Russian).

Fedorenkova N.V. (2020b) Udalennyy perevod (RSI) i s chem ego edyat = Remote interpreting (RSI) and what it actually is. (Electronic Resource): natfedorenkova.ru. URL: <https://www.natfedorenkova.ru/2020/04/02/2220/> (data of retrieval: 16.05.2023) (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2012) Sem' voprosov didaktiki perevoda ili scopos-didaktika perevodcheskoy deyatel'nosti = Seven issues of translation didactics: scopos didactics of translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 36–54 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2013) Rossiyskaya shkola perevoda: traditsii i vyzovy XXI veka = Russian school of translation and interpretation: traditions and new challenges. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 36–50 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2015) Teoriya i metodologiya ustnogo perevoda: traditsii otechestvennoy shkoly = Theory and methodology of interpreting: traditions of Russian school. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 3–16 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2016) Ot lingvodidaktiki k didaktike perevodcheskoy deyatel'nosti = From linguodidactics to translation didactics. *Russkiy yazyk v mirovom kontekste i mezhdunarodnykh organizatsiyakh: Mezhdunarodnyy forum*; 28.09.2016 — 03.10.2016, Rim, Italiya: Materialy konferentsii, pp. 78–84 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2017) Ustnyy perevod v usloviyakh novykh politicheskikh i ekonomicheskikh initsiativ: teoriya, praktika, didaktika = Interpreting within the framework of new political and economic initiatives: theory, practice, didactics. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 6–25 (In Russian).

Garbovskiy N.K., Kostikova O.I. (2019) Intellect dlya perevoda: iskusnyy ili iskusstvennyy? = Intelligence in translation: artful and artificial? *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–25 (In Russian).

Kostikova O.I. (2011) Istoriya perevoda: predmet, metodologiya, mesto v nauke o perevode = The history of translation: subject matter, methodology, place in translation studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 3–22 (In Russian).

Kostikova O.I. (2016) Professiogramma perevodchika mezhdunarodnykh organizatsiy: otsenka znaniy i navykov na nachal'nom etape kar'ery = Translator professional profile: skills and knowledge assessment at recruitment stage. *Russkiy yazyk v mirovom kontekste i mezhdunarodnykh organizatsiyakh: Mezhdunarodnyy forum*; 28.09.2016 — 03.10.2016, Rim, Italiya: Materialy konferentsii, pp. 164–174 (In Russian).

Kostikova O.I. (2018) Kognitivnaya obrabotka informatsii s onomasticheskim komponentom v ustnom sinkhronnom perevode = Language processing in simultaneous interpreting: information with the onomastic component. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Issue 34. Moscow: Neolit Publ., pp. 870–874 (In Russian).

Litvinova G.M. (2015) Rechevye oshibki obuchayushchikhsya sinkhronnomu perevodu = Language mistakes in simultaneous interpretation training.

Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, pp. 716–724 (In Russian).

Liu Wenjia. (2022) Teoriya i praktika kontseptsii obucheniya sinkhronnomu russko-kitayskomu perevodu dlya kitayskikh studentov = Theory and practice of the concept of teaching simultaneous Russian-Chinese interpreting to Chinese students. *Litera*. No. 6, pp. 22–34 (In Russian).

Liu Wenjia. (2023) Razmyshleniya ob istorii soedineniya sinkhronnogo perevoda s iskusstvennym intellektom v Kitae: 2017–2021 gg. = Reflection on the history of connecting simultaneous interpreting with artificial intelligence in China: 2017–2021. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 2, pp. 142–150 (In Russian).

Matasov R.A. (2008) Sinkhronnyy perevod na Nyurnbergskom protsesse = Simultaneous interpretation at the Nuremberg trial. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 18–34. (In Russian).

Matasov R.A. (2010) Sinkhronnye perevodchiki na Nyurnbergskom protsesse: humani nihil a me alienum puto = Simultaneous interpreters at the Nuremberg trial: humani nihil a me alienum puto. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 74–85. (In Russian).

Matasov R.A. (2020) Ultima ratio interpretum: verbal'noe oruzhie na Nyurnbergskom protsesse = Ultima ratio interpretum: the verbal weapon at the Nuremberg trial. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 76–87 (In Russian).

Min'yar-Beloruhev R.K. (1959) Metodika obucheniya perevodu na slukh = Methodology of Teaching Aural Translation. Moscow: In-t mezhdunarodnykh otnosheniy Publ. 190 p. (In Russian).

Runovskaya M.S. (2024) Vyyavlenie destabiliziruyushchikh situatsiy v ustnom sinkhronnom perevode cherez khezitatsionnye pauzy = Detecting destabilizing situations in simultaneous interpretation through hesitation pauses. *Yazyki. Kul'tury. Perevod: XI Mezhdunarodnyy nauchno-obrazovatel'nyy forum molodykh issledovateley*, Vologda, 11–15 sentyabrya 2024 g.: materialy foruma, pp. 90–98 (In Russian).

Serikova A.V. (2020) Emotsional'nyy intellekt v sisteme sotsial'nykh roley perevodchika = Emotional intelligence and the system of interpreters' social roles. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 123–137 (In Russian).

Serkova S.E. (2020a) Perevodcheskaya interferentsiya i rechevye oshibki v uchebnom sinkhronnom perevode na rodnoy yazyk = Translation interference and speech errors made by students in simultaneous interpreting in the B→A language combination. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 55–62 (In Russian).

Serkova S.E. (2020b) Rechevye oshibki v ustnom sinkhronnom perevode u obuchayushchikhsya pri rabote v kombinatsii B→A = The speech errors in simultaneous interpreting made by the students in B→A language combination. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: X Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*, pp. 193–199 (In Russian).

Serkova S.E. (2021a) Ispol'zovanie tsifrovyykh platform s tsel'yu preodoleniya rechevykh oshibok v sinkhronnom perevode = The usage of digital platforms as a possible way to prevent speech errors in simultaneous interpreting. *Yazyki. Kul'tury. Perevod: VIII Mezhdunarodnyy nauchno-obrazovatel'nyy forum* (g. Komotini, Gretsiya, 19–24 sentyabrya 2021 g.): materialy foruma, pp. 142–147 (In Russian).

Serkova S.E. (2021b) Obuchenie sinkhronnomu perevodu s pomoshch'yu tsifrovyykh platform = Teaching simultaneous interpreting with the help of digital platforms. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: Yubileynaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya; Materialy konferentsii*, pp. 132–138 (In Russian).

Serkova S.E. (2022) Audiovizual'nyy perevod v sisteme podgotovki perevodchikov-sinkhronistov = Audiovisual translation in the system of simultaneous interpreters training. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: XII mezhdunarodnyy nauchnaya konferentsiya; Materialy konferentsii*, pp. 220–227 (In Russian).

Shebarshina D.Yu. (2016) Sinkhronnyy perevod kak germenevticheskaya anomal'ya = Simultaneous interpreting as a hermeneutic anomaly. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 44–51. (In Russian).

Shebarshina D.Yu. (2019) Priem chleneniya i ob'edineniya predlozheniy kak odna iz klyuchevykh sintaksicheskikh transformatsiy v sinkhronnom perevode = Sentence fragmentation and integration as one of major syntactic transformations in simultaneous interpreting. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: IX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* (g. Saloniki, Gretsiya, 10–14 aprelya 2019 g.): Materialy konferentsii, pp. 261–269 (In Russian).

Shebarshina D.Yu. (2020) Ustnyy sinkhronnyy perevod: opravdannyye i vynyuzhdenyye transformatsii i ikh vliyaniye na kachestvo perevoda = Simultaneous interpreting: justified and forced transformations and their impact on the quality of interpreting. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 63–81 (In Russian).

Shebarshina D.Yu. (2021a) Kompleksnyye transformatsii v perevode = Complex transformations in translation. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: Yubileynaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya; Materialy konferentsii*, pp. 180–188 (In Russian).

Shebarshina D.Yu. (2021b) Problema vnimaniya pri sinkhronnom perevode kak odin iz klyuchevykh faktorov, obuslavlivayushchikh “Konkurentsiyu intellektov” = Attentional control in simultaneous interpreting as one of major factors in the competition between artificial and human intelligences. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 21–31 (In Russian).

Shiryaev A.F. (1979) Sinkhronnyy perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda = Simultaneous interpreting: activities of a simultaneous interpreter and methods of teaching simultaneous interpreting. Moscow: Voenizdat Publ. 183 p. (In Russian).

Vasina E.A. (2015) Sinkhronnyy perevod s kitayskogo yazyka na russkiy: osobennosti logicheskikh preobrazovaniy sintaksicheskoy struktury teksta

soobshcheniya = Chinese-to-Russian simultaneous interpreting: logic transformations in syntactic structure. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 50–59 (In Russian).

Vasina E.A. (2016) Ritmika politicheskogo teksta na kitayskom yazyke v zerkale sinkhronnogo perevoda = Rhythmical structures of chinese political discourse in simultaneous interpreting. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 16–27 (In Russian).

Vasina E.A. (2019a) O nekotorykh kachestvennykh i kolichestvennykh osobennostyakh kitayskoy zvuchashchey rechi v kontekste sinkhronnogo perevoda s kitayskogo yazyka na slukh = Qualitative and quantitative characteristics of Chinese public speeches in their connection to the process of simultaneous interpretation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 52–65 (In Russian).

Vasina E.A. (2019b) Ustnyy perevod na slukh s kitayskogo i russkogo yazykov — razrabotka uprazhneniy po uluchsheniyu vospriyatiya i ponimaniya na slukh dlya rossiyskikh i kitayskikh studentov = Interpretation in Chinese—Russian and Russian—Chinese — how to hear better? (exercises to improve listening skills of Chinese and Russian students). *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: IX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* (g. Saloniki, Gretsiya, 10–14 aprelya 2019 g.): Materialy konferentsii, pp. 36–51 (In Russian).

Vasina E.A. (2020) Vysshee obrazovanie v period epidemiy — opyt prepodavaniya sinkhronnogo perevoda v usloviyakh distantsionnogo rezhima obucheniya = Higher education during epidemic: teaching simultaneous interpreting online. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–20 (In Russian).

Vyshshaya shkola perevoda (fakul'tet) (Electronic Resource): msu.ru. URL: <https://msu.ru/divisions/faculteti/perevod> (data of retrieval: 01.03.2025) (In Russian).

Yue Ruiying. (2019) Tipichnye problemy v khode ustnogo perevoda v russo-kitayskoy kombinatsii i puti ikh resheniya = Typical problems during interpretation in the Russian-Chinese combination and ways of their solution. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Vol. 79. No. 6, pp. 547–551 (In Russian).

Yue Ruiying. (2020) Teoriya i metodologiya ustnogo perevoda v trudakh R.K. Min'yara-Belorucheva = Theory and methodology of interpretation in the works by R.K. Minyar-Beloruchev. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 118–133 (In Russian).

Yue Ruiying. (2022) Teoriya i metodika obucheniya sinkhronnomu perevodu v Kitae: natsional'nye traditsii i zarubezhnyy opyt = Theory and methodology of teaching simultaneous interpretation in China: national traditions and foreign experience: cand. philol. sci. diss.: 10.02.20. Moscow. 267 p. (In Russian).

Zharkova O.S. (2012) Mekhanizmy pamyati v ustnom posledovatel'nom perevode = Memory mechanisms in consecutive interpretation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 32–35 (In Russian).

Zharkova O.S. (2009) Psikhologicheskie osnovy raboty ustnogo perevodchika = Psychological foundations of the work of an interpreter. Russkiy yazyk v sovremennom mire: traditsii i innovatsii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo i v perevode: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, pp. 163–167 (In Russian).

Zharkova O.S. (2011) Russkiy yazyk v sisteme podgotovki perevodchikov dlya mezhdunarodnykh organizatsiy = Russian language in the system of training interpreters and translators for international organizations. *Russkiy yazyk v sovremennom mire...* Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, pp. 285–287 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2016) Politicheskii diskurs kak ob"ekt ustnogo perevoda (na materiale rechey rossiyskikh i frantsuzskikh politikov) = Political discourse as a subject matter of interpreting of speeches delivered by Russian and French politicians. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 41–57 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2017) Evolyutsiya vzglyadov na ustnyy perevod v zapadnoevropeyskoy nauchnoy traditsii = Evolution of research into interpreting in the Western European scientific tradition. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–20. (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2018) Skorost' oratora i ee vliyanie na deyatelnost' ustnykh sinkhronnykh perevodchikov = Speaker's rate and its influence on the performance of simultaneous interpreters. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Issue 34. Moscow: Neolit Publ., pp. 860–863 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2020a) Psikhologicheskie modeli ustnogo sinkhronnogo perevoda v evropeyskoy i sovetskoy nauchnoy mysli = Psychological models of simultaneous interpreting in the European and Soviet scientific tradition. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Vol. 83. No. 4, pp. 408–411 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2020b) Ustnyy sinkhronnyy perevod kak osobyiy vid recheymlitel'noy deyatelnosti: eksperimental'noe issledovanie = Simultaneous interpreting as a special kind of speech and mental activity: an experimental study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 21–41 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2021) Ustnyy politicheskii diskurs: faktory perevodimosti = Oral political discourse: factors of translatability: cand. philol. sci. diss.: 10.02.20. Moscow. 280 p. (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2021) Vozdeystvie pauzatsii ustnoy rechi oratorom na kachestvo sinkhronnogo perevoda = The impact of pausing in speech upon the quality of simultaneous interpretation. *Litera*. No. 5, pp. 71–80 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2022) Sintaksicheskie osobennosti iskhodnykh rechevykh proizvedeniy kak destabiliziruyushchiy faktor v ustnom sinkhronnom perevode (na materiale rechey amerikanskikh politikov) = Oral syntactic features as destabilizing factor in simultaneous interpreting of speeches delivered by American politicians. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie*. Vol. 4. No. 1, pp. 16–24 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зигмантович Дарья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; dashazigmantovich@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Daria S. Zigmantovich — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Translation Theory and Methodology, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; dashazigmantovich@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ШКОЛА ТЕОРИИ ДИСКУРСА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-168-187

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Надежда Николаевна Миронова, Ду Канцзэ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: nnmironova@yandex.ru, dkz951029@gmail.com

Аннотация. В данной статье представлен обзор современных подходов к анализу мультимодального дискурса. В мультимодальных исследованиях дискурсов отмечаются разные определения модуса и разные фокусы. Рассматривается теория мультимодального анализа разных типов дискурса с функционалистской, когнитивной и интеракционистской социологической перспектив и представляется мультимодальный корпусный анализ и мультимодальные эмпирические исследования рекламного дискурса.

Ключевые слова: мультимодальность, мультимодальный дискурс, дискурс-анализ, функционалистские исследования, когнитивные исследования, интеракционистские социологические исследования, мультимодальный корпусный анализ, мультимодальные эмпирические исследования, рекламный дискурс

Для цитирования: Миронова Н.Н., Ду Канцзэ. Мультимодальные дискурсы в фокусе современных исследований // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025, № 1. С. 168–187. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-168-187

Статья поступила в редакцию 18.02.2025;
одобрена после рецензирования 13.04.2025;
принята к публикации 16.04.2025.

MULTIMODAL DISCOURSES: CONTEMPORARY RESEARCH FOCUS

Nadejda N. Mironova, Du Kangze

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: nnmironova@yandex.ru, dkz951029@gmail.com

Abstract. This article presents an overview of contemporary approaches to multimodal discourse analysis. In multimodal discourse studies, different definitions of mode and different foci are noted. The multimodal analysis theory of different types of discourse is considered from functionalist, cognitive and interactionist sociological perspectives and multimodal corpus analysis and multimodal empirical studies of advertising discourse are presented.

Keywords: multimodality, multimodal discourse, discourse analysis, functionalist research, cognitive research, interactionist sociological research, multimodal corpus analysis, multimodal empirical research, advertising discourse

For citation: *Mironova N.N., Du Kangze. (2025) Multimodal discourses: contemporary research focus. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 1. P. 168–187. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-168-187*

The article was received on February 18, 2025;
approved for reviewing on April 13, 2025;
accepted for publication on April 16, 2025.

Введение

В настоящее время в качестве объекта исследования часто рассматриваются мультимодальные дискурсы, в которых одновременно взаимодействуют различные семиотические системы. Появление такого метода исследования как мультимодальный дискурс-анализ значительно обогатило методологию дискурсивного анализа.

Цель статьи состоит в представлении краткого обзора качественных и количественных подходов к анализу мультимодального дискурса. Актуальность работы обусловлена быстрым развитием теоретических и практических мультимодальных исследований и растущим интересом к этим вопросам. Представленный в статье материал может послужить базой для проведения дальнейших исследований с применением практических методов, что может спо-

способствовать новым достижениям в изучении мультимодальности разных видов дискурсов.

Мультимодальность в качестве объекта исследования рассматривается в трудах исследователей, которые концентрируются на различных аспектах актуализации текстов (G. Kress; T. van Leeuwen; K. O'Halloran; J. Bateman; А.А. Кибрик; Н.Н. Миронова; 张德禄; 冯德正 и др.)

В целом существует три основных направления исследования мультимодального дискурса:

- 1) функционалистская перспектива основывается на идеях социальной семиотики, представленной теорией систематической функциональной лингвистики для изучения смыслового потенциала различных знаковых модальностей;
- 2) когнитивная перспектива фокусируется на том, как несколько модальностей могут одновременно представлять сферу-источник и сферу-цель в когнитивной модели, обращая внимание на выбор собеседником различных модальностей или комбинаций для создания связного дискурса;
- 3) интеракционистская социологическая перспектива направлена на изучение вариативности способов социального общения, связанного с характеристиками и интересами отдельной личности и особенностями использования мультимодальных дискурсов для построения коммуникативных ситуаций и идентичности коммуникантов в процессе общения.

Функционалистская перспектива

Социальная семиотика фокусируется на социальных и идеологических эффектах ежедневно используемых символических модусов и подчеркивает социальную природу мультимодального дискурса.

Системно-функциональная лингвистика (Systemic functional linguistics) была фундаментом исследования мультимодального дискурса с момента его зарождения. Опираясь на теории систематической функциональной лингвистики М.А.К. Халлидея (Halliday, 1985), концепция «грамматики визуального дизайна» активно принимается в мультимодальном исследовании с точки зрения социальной семиотики. В книге «Язык отображаемого искусства (The Language of Displayed Art)» исследуется визуальная грамматика трёх видов изобразительного искусства: живописи, скульптуры и архитектуры. Здесь предлагается использовать изобразительное значе-

ние (representational meaning), модальное значение (modal meaning) и композиционное значение (compositional meaning) для анализа произведений изобразительного искусства (O'Toole, 1994).

Работа «Чтение изображений: грамматика визуального дизайна» (1996), написанная Гюнтером Крессом и Тео Ван Левеном, является первой академической монографией, в которой систематически и всесторонне анализируются визуальные символические объекты. Концепция «грамматики визуального дизайна» подчёркивает роль визуальных элементов в коммуникации и способы их систематического анализа и понимания в сочетании с лингвистическими элементами. Такой подход облегчает понимание того, как различные режимы взаимодействуют, создавая смысл. При этом подчёркивается необходимость создания метаязыка, позволяющего эксплицитно описывать эти взаимодействия (Unsworth, 2006: 75).

Грамматика визуального дизайна предлагают три уровня анализа значений изображения: репрезентативное, интерактивное и композиционное значения (Kress, Van Leeuwen, 2006: 114–115). Репрезентативное значение изображения представляет собой коммуникативные или концептуальные отношения между людьми, местами и событиями на изображении. Композиционное значение включает в себя расположение элементов в визуальном тексте, влияющее на интерпретацию зрителем. Интерактивное значение сосредоточено на отношениях между зрителем и визуальным текстом.

В последние годы некоторые учёные также предложили «критически» относиться к мультимодальным дискурсам, раскрывать идеологический смысл и властные отношения в них. Д. Мачин предложил концепцию «Мультимодального критического дискурс-анализа» (Multimodal Critical Discourse Analysis), направленную на выявление явных и неявных идеологических оснований использования разных модусов для передачи определённой мысли, чувства или намерения (Machin, 2013). Мультимодальный критический дискурс-анализ применялся при анализе идеологического смысла военных памятников (Abousnnouga, Machin, 2010) и рекламных роликов китайской и американской полиций (潘, 2019), а также стратегии и приёмы визуализации образов изображаемых политиков (Кожемякин, Степаниденко, 2019).

Однако отметим, что для некоторых дискурсивных явлений, таких как поэзия, добиться эффективного раскрытия идеологии невозможно, не задействуя когнитивные и психологические механизмы, лежащие в основе использования символических ресурсов.

По нашему мнению, в функционалистской перспективе мультимодального дискурс-анализа учёные отдают приоритет визуальным элементам над вербальными. Данный подход даёт возможность рассмотрения роли и значений визуальных элементов в коммуникации, способов их систематического анализа и понимания с помощью грамматики визуального дизайна.

Когнитивная перспектива

Мультимодальный анализ дискурса с когнитивной точки зрения подчёркивает роль мультисенсорных взаимодействий и когнитивных параметров в понимании и интерпретации мультимодальных текстов.

Для придания смысла мультимодальным текстам используются различные семиотические коды, обусловленные социальными и культурными факторами. Эти коды служат ресурсами, активирующими когнитивные процессы и позволяющими интерпретировать сообщения в таких контекстах, как реклама и СМИ (Бронникова, Головкин, 2024: 133).

Активно рассматриваются отношения между различными модальностями и их роль в построении значения. Ю.А. Гордеев выделяет три основных типа взаимодействия между словесными и изобразительными компонентами рекламных сообщений в газетах и журналах: 1) «текст — иллюстрация»; 2) «изображение — вербальный комментарий»; 3) ассоциативная связь между изображением и текстом (Гордеев, 2001: 116).

Мультимодальная конфигурация точек зрения необходима для формирования смысла. Например, на политических плакатах согласование точек зрения говорящего и адресата, выраженное разными семиотическими модусами, имеет решающее значение для эффективной передачи политических идей (Roh et al., 2019). В то же время отношения языка и образа в мультимодальных текстах часто характеризуются интерсемиотической конвергенцией, когда обе модальности имеют одинаковую конструкцию сцены. Этой конвергенции способствуют когнитивные лингвистические структуры, определяющие такие аспекты концептуализации, как структура событий и метафора (Hart, Queralto, 2021).

Полимодальное проявление прецедентных явлений в мультимодальном дискурсе также привлекают учёных. А.А. Адзинова и Л.В. Копоть выявили в качестве семиотического кода такие прецедентные единицы, как косвенные отсылки, намёки, аллюзии в сопровождении изображения при анализе заглавий креолизо-

ванных текстов (Адзинова, Копоть, 2017). Прецедентный феномен усиливает прагматический потенциал дискурса (Куликова 2014).

С точки зрения когнитивной психологии нейропознание мультимодального взаимодействия включает понимание значений вербальных и невербальных сигналов. Для этого была предложена концепция «вертикальной релевантности» (vertical relevance), при которой синхронные высказывания актуальны, в отличие от традиционной последовательной организации дискурса (Lücking, Ginzburg, 2022).

Нужно подчеркнуть, что с момента публикации книги «Метафоры, которыми мы живём» (Лакофф, Джонсон, 2004) когнитивная лингвистика развивается в течение почти 40 лет, что приводит к появлению новых подходов. Так, в отличие от традиционного взгляда на метафору как на литературный риторический приём, концептуальная теория метафоры, предложенная Дж. Лакоффом, определяет метафору как образ мышления (Lakoff et al., 1989: 103–104).

Метафора основана на взаимосвязи между двумя различными областями опыта. Ч. Форсвилл сначала ограничился изучением изобразительной/визуальной метафоры, а затем предложил её усложнённый вариант в виде мультимодальной метафоры. В визуальной метафоре как исходный домен, так и целевой домен представлены в форме изображений (то есть визуальной модальности). Напротив, в мультимодальной метафоре исходный домен и целевой домен определяются разными символическими модусами (Forceville, 2006: 384). Когнитивные механизмы, такие как мультимодальная метафора, играют решающую роль в понимании мультимодального дискурса. Это видно из политических карикатур, где визуальные элементы используются для передачи сложных политических посланий (Kwon, Roh, 2018: 131).

Кроме визуальной и мультимодальной метафоры когнитивный аспект исследования включает в себя и визуальную, и мультимодальную метонимию.

И.А. Кондакова (2015) рассмотрела репрезентацию топообъекта в рамках британской туристической рекламы на вербально-визуальном уровне, где активно используется визуальная метонимия.

Это направление исследований рассматривает когнитивные процессы, участвующие в мультимодальном дискурсе. Отметим, что с когнитивной перспективы анализа мультимодального рекламного дискурса особое значение имеют прецедентные феномены и мультимодальная риторика.

Интеракционистская социологическая перспектива мультимодальных исследований

Исследования мультимодального дискурса с интеракционистской социологической перспективой позволяет исследователям охватить весь спектр динамики взаимодействия, включая воплощённые и пространственные аспекты коммуникации, которые в традиционном вербальном анализе часто упускаются из виду. Этот подход имеет решающее значение для понимания осложнённого взаимодействия, например в видах коммуникации, опосредованных переводчиком, где для совместного конструирования смысла используется несколько модальностей (Davitti, 2019). Интеракционистский подход также способствует изучению многоязычного взаимодействия, в котором сочетание языков и модальностей отражает современные языковые реалии, сформированные в результате влияния глобализации СМИ (Wagner, 2018).

В исследованиях под руководством А.А. Кибрика был проведён конверсационный анализ, где была создана ситуация живого общения и подробно рассмотрена организация вербального, просодического, мануально-жестового и окуломоторного каналов. В 2013 году был проведён эксперимент с целью количественно оценить вклад вербального, просодического и кинетического компонентов в общий процесс понимания дискурса. В итоге было отмечено, что вербальный компонент играет роль якоря, к которому прикрепляется информация, поступающая по другим каналам (Kibrik, Molchanova, 2013: 2708).

В это направление исследование входит и мультимодальный анализ речевой ситуации (Multimodal conversation analysis), направленный на распознавание «порядка» речевого взаимодействия. Ч. Гудвин использовал процедуры анализа речевой коммуникации для исследования мультимодального взаимодействия (Goodwin, 2000). На материале гипертекстов на китайских сайтах были рассмотрены связи мультимодального взаимодействия (взгляда, жестов и других векторов измерения взаимодействия субъектов коммуникативной ситуации) и их влияние на структуру и тип коммуникации в мультимодальном дискурсе (卞, 2009).

А. Депперманн и Ю. Стрик в книге «Time in Embodied Interaction: Synchronicity and Sequentiality of Multimodal Resources (Время в воплощённом взаимодействии: синхронность и последовательность мультимодальных ресурсов)» провели исследование того, как участники коммуникации синхронизируют и упорядочивают мо-

дальные ресурсы, такие как их речевые средства, обмен взглядами и жестами, характерными для выполнения социальных действий (Deppermann, Streeck, 2018).

Отметим, что это направление исследований особенно актуально в контексте мультимодальных исследований, целью которых является изучение того, как различные модальности, такие как жесты, взгляд и пространственное расположение, способствуют общему формированию смысла в социальном взаимодействии, например, в исследованиях телерекламы.

Мультимодальный корпусный анализ

Мультимодальный корпусный анализ объединяет методы корпусного анализа, системно-функциональную лингвистику (Systemic functional linguistics/SFL) и семиотические теории для проверки гипотезы генерации смысла в области мультимодальных исследований. Дж. Бейтман считает, что на начальном этапе развития мультимодальных исследований анализ одного отдельного случая очень важен, но по мере созревания теории необходимо изучить предметную область и доказать универсальность этой теории посредством количественного исследования. Он разделил корпус на две категории: линейная категория (например, текст или устные записи) и нелинейная категория (например, печатная реклама и веб-страницы) (Bateman, 2014). А. Болдри и П. Тибо создали онлайн-мультимодальный корпус (Multimodal Corpus Authoring/MCA), который можно использовать для поиска и аннотирования мультимодальных данных (Baldry, Thibault, 2008).

Линейный корпус можно аннотировать с помощью ELAN (<https://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/download/>), что служит инструментом визуальной лингвистической аннотации, разработанной Институтом имени Макса Планка в Неймегене (Нидерланды); это позволяет одновременно аннотировать видео- и аудиоданные для статистического анализа. Нелинейный корпус можно аннотировать с помощью модели 'Жанр-Мультимодальность' (Genre and multimodality model/GeM).

Кроме новых технологий аннотирования важно и само создание мультимодальных корпусов. Гу Юэго является одной из ведущих фигур в создании мультимодальных корпусов в Китае. Он разработал корпус импровизированного диалога на китайском языке ("Spoken Chinese Corpus of Situated Discourse"). Импровизированный диалог — это мультимодальное взаимодействие, процесс, в котором люди задействуют свои мультимодальные сенсорные

системы для построения и осмысления внешнего мира (顾, 2006). Созданный им корпус импровизированного диалога на китайском языке и предложенное им агентно-ориентированное моделирование (Agent-oriented modeling) являются наиболее значительным прогрессом в мультимодальных исследованиях с точки зрения корпусных исследований за последние годы.

Лю Цзянь, Ху Кайбао и их группа провели исследование создания и применения корпуса мультимодальной интерпретации (刘, 胡, 2015). Ли Вэнь и Ван Чжэньхуа собрали аудио- и видеокорпус, включая судебные дебаты, и построили мультимодальный корпус для анализа судебного дискурса (李, 王, 2019).

Другие исследователи, Ван Чжэн и Чжан Делу, создали мультимодальный корпус обложек журналов с помощью программного обеспечения для корпусов UAM Image Tool 2.0 и описали общие черты мультимодальных обложек журналов в рамках SFL (王, 张, 2016).

А.А. Кибрик и Е.А. Гришина внесли значительный вклад в корпусное исследование мультимодального дискурса в России. Мультимедийный русский корпус (МУРКО) является подкорпусом Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который содержит в основном устные русские тексты в формате видео- и аудиофайлов из кинофильмов 1930–2000 годов. Объём МУРКО превышает 3 млн словоупотреблений. МУРКО включает в себя не только существующие системы аннотирования НКРЯ, такие как метатекстовое аннотирование, морфологическую разметку, сематическую разметку, акцентологическую разметку, социологическую разметку и т.д., но и три специфические системы аннотирования: орфоэпическую разметку, разметку речевого действия и жестовую разметку.

Мультимодальный корпус «Рассказы и разговоры о грушах», созданный под руководством А.А. Кибрика, является одним из самых высоко оценённых мультимодальных корпусов в российской лингвистике. В 2015 году была собрана первая часть ресурса, включающая 24 видеоклипа общей продолжительностью 9 часов со средней продолжительностью видеоклипа 23 минуты и общим количеством слов около 100 000 единиц. В 2017 г. по той же процедуре была собрана вторая часть ресурса, состоящая из 16 видеоклипов общей продолжительностью 6 часов, со средней продолжительностью видеоклипа 21 минута и общим количеством слов около 60 000. Аннотирование ресурса «Рассказы и разговоры о грушах» осуществляется с помощью программы ELAN.

Эмпирический анализ

В рамках лингвистики эмпирический анализ мультимодальных дискурсов часто связан с распознаванием жанра определённого дискурса. Модель 'Жанр-Мультимодальность' (Модель GeM) разработана для предоставления схемы для эмпирического анализа мультимодальных документов. Она закладывает основу для того, чтобы сделать видимыми организацию и содержание мультимодальных документов. Модель GeM определяет несколько слоёв описания, которые включают в себя базовый (base), макетный (layout), риторический (rhetorical) и навигационный (navigation) слои (Bateman, 2008).

Дж. Бейтман и Дж. Делин представили модель GeM для межъязыкового сравнения жанров документов. Взяв в качестве примера инструкции на английском и японском языках, они выяснили, что информация в английских текстах в основном передаётся с помощью макета и типографики, которые составляют его содержание и риторическую структуру, а в японских текстах многие функции выполняются нелингвистическими средствами, в частности диаграммами и изображениями (Bateman, Delin, 2003: 250).

М. Томас применил модель GeM для проведения исследования различий в упаковке продуктов из китайского Тайваня и Великобритании. Данные представляют собой корпус из 24 упаковок потребительских товаров, таких как упаковки зубной пасты и шампуня, что является недостаточно изученным жанром и отличается от странично-ориентированных документов (Thomas, 2009). М. Томас добавил слой типа сообщения к исходной структуре GeM, что демонстрирует, что модель GeM является открытой и не ограничивается четырьмя аналитическими слоями. Дополнительный слой позволяет эмпирически исследовать конкретные гипотезы (Thomas, 2014: 75). М. Томас внёс важный методологический вклад, показав, как вводить дополнительные слои в структуру GeM для удовлетворения конкретных требований анализа. Вслед за его исследованиями, при разработке полуавтоматической системы аннотаций Т. Хииппала добавил слой предварительной обработки, включая извлечение элементов макета с помощью инструмента OCR для автоматической идентификации основных единиц документа (таких как абзацы, ограничивающие рамки изображений); и выполнение проверок согласованности между слоями (Hiippala, 2016).

Чжан Пейцзя использовала модель GeM для сравнения плакатов общественного здравоохранения в Нью-Йорке и Гонконге. Ею создан аннотированный с помощью модели GeM корпус для

мультимодального анализа из 60 плакатов. Результаты показывают, что на плакатах общественного здравоохранения в Нью-Йорке предпочитают использовать повелительные предложения и слова с выраженной модальностью, тогда как их аналоги в Гонконге предпочитают использование имён существительных и символических изображений (Zhang, 2018).

А.Н. Гребнев и А.Ю. Шаюк использовали системно-функциональную модель и модель 'Жанр-Мультимодальность' для анализа структуры и содержания начальной веб-страницы рекламы. Выясняется, что раскрытие смыслопорождающего потенциала определённого мультимодального ресурса зависит от его семиотической принадлежности, а также от его взаимодействия с другими ресурсами и их положения в структуре мультимодального артефакта (Гребнев, Шаюк, 2018: 316).

Технология отслеживания взгляда играет важную роль в мультимодальном эмпирическом анализе. Эта технология фиксирует движения глаз, чтобы анализировать особенности внимания, когнитивные процессы и уровень вовлечённости. С помощью эксперимента по мультимодальному восприятию и эксперимента по отслеживанию движения глаз Ван Лэй проверил гипотезу о механизме мультимодального восприятия двуязычных брендов китайскими потребителями в паре языков китайский и английский и построил модель интеграции мультимодальных метафор для брендов (王, 2016).

В настоящее время большинство предлагаемых учёными методов мультимодального дискурс-анализа ещё находится в процессе разработки. Но уже ясно, что некоторые теории мультимодального дискурс-анализа могут подходить не ко всем видам дискурса. Отметим, что необходимо осуществлять проверку теорий мультимодального дискурс-анализа в конкретных видах дискурса.

На основе собственной эмпирической базы мы проверили теорию мультимодальной когезии Тео ван Левена применительно к рекламному дискурсу в паре языков китайский — русский. Для данного исследования было собрано 177 фрагментов мультимодальной печатной рекламы. Результаты показывают, что влияющие факторы на когензию в рекламном дискурсе совпадают с четырьмя процессами (ритм, композиция, связность информации и диалог), которые выделяет Тео ван Левен. Мультимодальная когезия в рекламном тексте улучшает степень его понимания целевой аудиторией.

Многие учёные уделяют внимание соотношению вербальной и невербальной составляющей в мультимодальных дискурсах. Мы провели опрос по восприятию мультимодальных рекламных

текстов среди 60 студентов (30 русских и 30 китайских) от 22 до 30 лет. Результаты анкетирования показывают, что рекламный дискурс, несопровождаемый вербально, представляет трудности для понимания в условиях иноязычной коммуникативной ситуации (Ду, 2022).

Заключение

Мультимодальный дискурс-анализ проводится в основном с функционалистской, когнитивной и интеракционистской социологической перспективы. Активно развивается мультимодальный корпусный анализ и мультимодальные эмпирические исследования.

Мультимодальный анализ дискурса с когнитивной точки зрения подчёркивает роль мультисенсорных взаимодействий и когнитивных параметров в понимании и интерпретации мультимодальных текстов.

Мультимодальный корпусный анализ объединяет методы корпусного анализа, системно-функциональную лингвистику и семиотические теории. Рассматривается создание мультимодальных корпусов и новые технологии их аннотирования.

В рамках лингвистики эмпирический анализ мультимодальных дискурсов часто связан с распознаванием жанра определённого дискурса. Нами была изучена модель 'Жанр-Мультимодальность'. Эта модель актуальна для выявления жанров мультимодальных дискурсов, включая рекламный дискурс.

Список литературы

Адзинова А.А., Копоть Л.В. Взаимосвязь вербального и иконического компонентов креолизованного текста (на материале журнала для автолюбителей «За рулём») // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2017. № 1 (192). С. 25–29.

Бронникова О.В., Головки А.С. Мультимодальные средства репрезентации прагматического потенциала в рекламном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2024. № 1. С. 132–144.

Гордеев Ю.А., Корнилова Е.Е. Слово и изображение в рекламе. Воронеж, 2001.

Гребенев А.Н., Шаюк А.Ю. Структура полисемиотического артефакта: мультимодальный анализ начальной веб-страницы видеоблог-канала на хостинге 'YouTube // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5–2 (83). С. 316–322.

Гришина Е.А. Мультиmodalный модуль в составе Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2015. Вып. 6. С. 65–87.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.

Кибрик А.А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. М.: ИП РАН, 2010. С. 135–152.

Кожемякин Е.А., Степаниденко М.С. Политика визуализации и визуализация политиков: медиарепрезентации кандидатов на пост Президента РФ в 2018 году // Дискурс-Пи, 2019. № 3 (36). С. 78–97.

Кондакова И.А. Репрезентация топообъекта в рекламном дискурсе (мультиmodalный аспект на примере англоязычной туристической рекламы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11. С. 107–111.

Куликова Е.В. Прецедентные феномены в поликодовом рекламном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 3-1. С. 301–309.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Миронова Н.Н. Рецепция и интерпретация мультиmodalных дискурсов художественного творчества // Материалы II Международной научной конференции «Универсальное и национальное в языковой картине мира». Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, 2017, С. 21–24.

Миронова Н.Н. Дискурсология в статике и динамике // Большое Евразийское партнёрство: лингвистические, политические и педагогические аспекты, РИО ГУП Москва, 2023, С. 175–180.

Abousnouga G., Machin D. (2010) The Language of War Monuments. Visual Communication VIS COMMUN. No. 9, pp. 131–149.

Bateman J.A., Delin J.L. (2003) Genre and multimodality: expanding the context for comparison across languages. Contrastive Analysis in Language: Identifying Linguistic Units of Comparison, pp. 230–266.

Bateman J.A. (2008) Multimodality and Genre: A Foundation for the Systemic Analysis of Multimodal Documents. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Bateman J.A., Wildfeuer J. (2014) A multimodal discourse theory of visual narrative. *Journal of Pragmatics*. No. 74, pp. 180–208.

Davitti E. (2019) Methodological explorations of interpreter-mediated interaction: novel insights from multimodal analysis. *Qualitative Research*. No. 19 (1), pp. 7–29.

Deppermann A., Streeck J. (2018) Time in embodied interaction: Synchronicity and sequentiality of multimodal resources. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.

Forceville C. (2006) Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research // Applications of Cognitive Linguistics. No. 1, pp. 379–402.

Goodwin C. (2000) Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*. No. 32, pp. 1489–1522.

Halliday M.A.K. (1985) *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.

Hart C., Queralto J.M. (2021) What can cognitive linguistics tell us about language-image relations? A multidimensional approach to intersemiotic convergence in multimodal texts. *Cognitive Linguistics*. No. 32 (4), pp. 529–562.

Hiippala T. (2016) Semi-automated annotation of page-based documents within the Genre and Multimodality framework. In *Proceedings of the 10th SIGHUM Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences, and Humanities*, pp. 84–89.

Kibrik A.A., Molchanova N.B. (2013) Channels of multimodal communication: Relative contributions to discourse understanding. M. Knauff, M. Pauen, N. Sebanz, I. Wachsmuth (yds.). *Proceedings of the 35th Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Austin, TX: Cognitive Science Society, pp. 2704–2709.

Kress G. (1996) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London: Routledge.

Kress G. & Van Leeuwen T. (2006) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London — New York: Routledge.

Kwon I., Roh J.H. (2018) Multimodality and cognitive mechanisms: A cognitive-semantics analysis of political cartoons. *Linguistic Research*. No. 35 (1), pp. 117–143.

Lakoff G., Mark T. (1989) *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: The University of Chicago Press.

Lücking A., Ginzburg J. (2022) Leading voices: dialogue semantics, cognitive science and the polyphonic structure of multimodal interaction. *Language and Cognition*. No. 15 (1), pp. 148–172.

Machin D. (2013) What is multimodal critical discourse studies? *Critical discourse studies*. No. 10 (4), pp. 347–355.

O'Halloran K.L. (2021) Multimodal Discourse Analysis. In K. Hyland, B. Paltridge & L. Wong (Eds.), *Bloomsbury Companion to Discourse Analysis* (2nd ed.). London: Bloomsbury, pp. 249–266.

O'Toole M. (1994) *The Language of Displayed Art*. 2nd Edition, Routledge, London and New York.

Roh J.H., Jin W., Kim E., Kim H. & Kwon I. (2019) Multimodality and discourse viewpoint configuration: A case study of UK political posters. *Linguistic Research*, No. 36 (2), pp. 289–323.

Thomas M. (2014) Evidence and circularity in multimodal discourse analysis. *Visual Communication*. No. 13 (2), pp. 163–189.

Unsworth L. (2006) Towards a Metalanguage for Multiliteracies Education: Describing the Meaning-Making Resources of Language-Image Interaction // *English Teaching: Practice and Critique*. No. 5 (1), pp. 55–76.

Wagner J. (2018) Multilingual and Multimodal Interactions // *Applied Linguistics*. No. 39 (1), pp. 99–107.

Zhang P. (2018) Public Health Education Through Posters in Two World Cities: A Multimodal Corpus-Based Analysis. PhD thesis. The Hong Kong Polytechnic University.

王蕾. (2016) 基于多模态隐喻整合模型的国际化品牌名研究 [D]. 上海: 东华大学.

Ван Лэй. (2016) Исследование международных брендов на основе модели мультимодальной метафорической интеграции [D]. Шанхай: Университет Дунхуа.

王正, 张德禄. (2016) 基于语料库的多模态语类研究 —— 以期刊封面语类为例 // 外语教学, 37(5): 15–20.

Ван Чжэн, Чжан Делу. (2016) Корпусное исследование мультимодальных жанров на примере жанров обложек журналов // Преподавание иностранных языков. № 37 (5). С. 15–20.

顾曰国. (2006) 基于角色的建模语言 // 第十二届 CODATA 国际学术大会论文集. 北京: 中国科学院, 2006: 21–47.

Гу Юэго. (2006) Язык ролевого моделирования // Материалы 12-й Международной академической конференции CODATA Пекин: Китайская академия наук. С. 21–47.

叶起昌. (2006) 超文本多语式的社会符号学分析 // 外语教学与研究, 38(6): 437–442.

Е Цичан. (2006) Социально-семиотический анализ многоязычного гипертекста // Преподавание иностранных языков и исследования, № 38 (6): 437–442.

李文, 王振华. (2019) 司法话语多模态研究的现状与未来 // 上海交通大学学报 (哲学社会科学版), (129): 110–119.

Ли Вэнь, Ван Чжэньхуа. (2019) Текущее состояние и будущее мультимодальных исследований судебного дискурса // Журнал Шанхайского университета Цзяо Тун (по философии и социальным наукам), № 129. С. 110–119.

刘剑, 胡开宝. (2015) 多模态口译语料库的建设与应用研究 // 中国外语, 12(5): pp. 77–85.

Лю Цзянь, Ху Кайбао. (2015) Исследования по построению и применению мультимодального корпуса устного перевода // Иностранные языки Китая, 2015, № 12 (5). С. 77–85.

潘艳艳. (2019) 多模态视阈下的国家安全话语分析 —— 以中美警察形象宣传片的对比分析为例 // 外国语文, (1): pp. 78–87.

Пань Яньянь. (2019) Анализ дискурса национальной безопасности в мультимодальной перспективе (На примере сравнительного анализа имиджевых рекламных видеороликов китайской и американской полиции) // Иностранные языки, (1). С. 78–87.

References

Abousnnouga G., Machin D. (2010) The Language of War Monuments. Visual Communication VIS COMMUN. No. 9, pp. 131–149.

Adzinova A.A., Kopot' L.V. (2017) Vzaimosvyaz' verbal'nogo i ikonicheskogo komponentov kreolizovannogo teksta (na materiale zhurnala dlya avtolyubitelei "Za rulyom") = The relationship between the verbal and iconic components of a creolized text (based on the material of the magazine for car enthusiasts "Behind the Wheel"). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. No. 1 (192), pp. 25–29 (In Russian).

Bateman J.A. (2008) *Multimodality and Genre: A Foundation for the Systemic Analysis of Multimodal Documents*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Bateman J.A., Delin J.L. (2003) Genre and multimodality: expanding the context for comparison across languages. *Contrastive Analysis in Language: Identifying Linguistic Units of Comparison*, pp. 230–266.

Bateman J.A., Wildfeuer J. (2014) A multimodal discourse theory of visual narrative. *Journal of Pragmatics*. No. 74, pp. 180–208.

Bronnikova O.V., Golovko A.S. (2024) Mul'timodal'ny'e sredstva reprezentatsii pragmaticheskogo potentsiala v reklamnom diskurse = Multimodal means of representing pragmatic potential in advertising discourse. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 1, pp. 132–144 (In Russian).

Davitti E. (2019) Methodological explorations of interpreter-mediated interaction: novel insights from multimodal analysis. *Qualitative Research*. No. 19 (1), pp. 7–29.

Deppermann A., Streeck J. (2018) *Time in embodied interaction: Synchronicity and sequentiality of multimodal resources*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.

顾曰国. (2006) 基于角色的建模语言 // 第十二届 CODATA 国际学术大会论文集. 北京: 中国科学院, 2006: 21–47.

Gu Yueguo. (2006) Role-based modeling language. *Proceedings of the 12th CODATA International Academic Conference*. Beijing: Chinese Academy of Sciences, pp. 21–47 (In Chinese).

Forceville C. (2006) Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: Agendas for research // *Applications of Cognitive Linguistics*. No. 1, pp. 379–402.

Goodwin C. (2000) Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*. No. 32, pp. 1489–1522.

Gordeev Yu. A., Kornilova E.E. (2001) Slovo i izobrazhenie v reklame = Word and image in advertising. Voronezh. (In Russian).

Grebenev A.N., Shayuk A.Yu. (2018) Struktura polisemioticheskogo artefakta: mul'timodal'ny'y analiz nachal'noj veb-stranicy videoblog-kanala na xostinge 'YouTube = The Structure of a Polysemiotic Artifact: A Multimodal Analysis of the Home Page of a YouTube Video Blog Channel. *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki*. No. 5–2 (83), pp. 316–322 (In Russian).

Grishina E.A. (2015) Mul'timodal'ny'y modul' v sostave Nacional'nogo korpusa russkogo yazy'ka = Multimodal module as part of the National Corpus of the Russian Language. *Trudy' Instituta russkogo yazy'ka im. V.V. Vinogradova*. Moscow, (6), pp. 65–87 (In Russian).

Halliday M.A.K. (1985) *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.

Hart C., Queralto J.M. (2021) What can cognitive linguistics tell us about language-image relations? A multidimensional approach to intersemiotic convergence in multimodal texts. *Cognitive Linguistics*. No. 32 (4), pp. 529–562.

Hiippala T. (2016) Semi-automated annotation of page-based documents within the Genre and Multimodality framework. In *Proceedings of the 10th SIGHUM Workshop on Language Technology for Cultural Heritage, Social Sciences, and Humanities*, pp. 84–89.

Kibrik A.A. (2010) *Mul'timodal'naya lingvistika = Multimodal linguistics. Kognitivnye issledovaniya: sbornik nauchnyh trudov*. Moscow: In-t psihologii RAN, pp. 135–152 (In Russian).

Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. (2009) *Rasskazy o snovideniyah: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa = Dream Stories: A Corpus Study of Russian Oral Discourse*. Moscow: YASK (In Russian).

Kibrik A.A., Molchanova N.B. (2013) Channels of multimodal communication: Relative contributions to discourse understanding. M. Knauff, M. Pauen, N. Sebanz, I. Wachsmuth (yds.) *Proceedings of the 35th Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Austin, TX: Cognitive Science Society, pp. 2704–2709.

Kondakova I.A. (2015) *Reprezentaciya topoob'ekta v reklamnom diskurse (mul'timodal'ny'j aspekt na primere angloyazyčnoj turisticheckoj reklamy) = Representation of a Topographic Object in Advertising Discourse (Multimodal Aspect on the Example of English-Language Tourist Advertising. Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, No. 11, pp. 107–111 (In Russian).

Kozhemyakin E.A., Stepanidenko M.S. (2019) *Politika vizualizacii i vizualizaciya politikov: mediareprezentacii kandidatov na post Prezidenta RF v 2018 godu = Politics of Visualization and Visualization of Politicians: Media Representations of Candidates for the Post of President of the Russian Federation in 2018. Diskurs-Pi*. No. 3 (36), pp. 78–97 (In Russian).

Kress G. (1996) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London: Routledge.

Kress G. & Van Leeuwen T. (2006) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London — New York: Routledge.

Kulikova E.V. (2014) *Precedentny'e fenomeny' v polikodovom reklamnom tekste = Precedent phenomena in polycode advertising text. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No. 3–1, pp. 301–309 (In Russian).

Kwon I., Roh J.H. (2018) Multimodality and cognitive mechanisms: A cognitive-semantics analysis of political cartoons. *Linguistic Research*. No. 35(1), pp. 117–143.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. (2004) *Metafor'y, kotory'mi my' zhivem = Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS (In Russian).

Lakoff G., Mark T. (1989) *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: The University of Chicago Press.

李文. 王振华. (2019) 司法话语多模态研究的现状与未来 // 上海交通大学学报 (哲学社会科学版), (129): 110–119.

Li Wen, Wang Zhenhua. (2019) The current status and future of multimodal research on judicial discourse. *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. No. 129, pp. 110–119 (In Chinese).

刘剑. 胡开宝. (2015) 多模态口译语料库的建设与应用研究 // 中国外语, 12(5): pp. 77–85.

Liu Jian., Hu Kaibao. (2015) Research on the construction and application of multimodal interpretation corpus. *Foreign Languages in China*, No. 12 (5), pp. 77–85 (In Chinese).

Lücking A., Ginzburg J. (2022) Leading voices: dialogue semantics, cognitive science and the polyphonic structure of multimodal interaction. *Language and Cognition*. No. 15 (1), pp. 148–172.

Machin D. (2013) What is multimodal critical discourse studies? *Critical discourse studies*. No. 10 (4), pp. 347–355.

Mironova N.N. (2017) Recepciya i interpretaciya mul'timodal'nyh diskursov hudozhestvennogo tvorchestva = Reception and interpretation of multimodal discourses of artistic creativity. *Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Universal'noe i nacional'noe v yazykovej kartine mira"*. Minskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. Belarus', pp. 21–24 (In Russian).

Mironova N.N. (2023) Diskursologiya v statike i dinamike = Discourseology in statics and dynamics. *Bol'shoe Evrazijskoe partnerstvo: lingvisticheskie, politicheskie i pedagogicheskie aspekty*, RIO GUP Moskva, pp. 175–180 (In Russian).

O'Halloran K.L. (2021). *Multimodal Discourse Analysis*. In K. Hyland, B. Paltridge & L. Wong (Eds.), *Bloomsbury Companion to Discourse Analysis* (2nd ed.). London: Bloomsbury, pp. 249–266.

O'Toole M. (1994) *The Language of Displayed Art*. 2nd Edition, Routledge, London and New York.

潘艳艳. (2019) 多模态视阈下的国家安全话语分析 —— 以中美警察形象宣传片的对比分析为例 // 外国语文, (1): pp. 78–87.

Pan Yanyan. (2019) Analysis of national security discourse from a multimodal perspective = A comparative analysis of Chinese and American police image propaganda films as an example. *Foreign Languages*. No. 1, pp. 78–87 (In Chinese).

Roh J.H., Jin W., Kim E., Kim H. & Kwon I. (2019). Multimodality and discourse viewpoint configuration: A case study of UK political posters. *Linguistic Research*, No. 36 (2), pp. 289–323.

Thomas M. (2014) Evidence and circularity in multimodal discourse analysis // *Visual Communication*. No. 13 (2), pp. 163–189.

Unsworth L. (2006) Towards a Metalanguage for Multiliteracies Education: Describing the Meaning-Making Resources of Language-Image Interaction. *English Teaching: Practice and Critique*. No. 5(1), pp. 55–76.

Wagner J. (2018) Multilingual and Multimodal Interactions. *Applied Linguistics*. № 39(1), pp. 99–107.

王蕾. (2016) 基于多模态隐喻整合模型的国际化品牌名研究 [D]. 上海: 东华大学.

Wang Lei. (2016) Research on international brand names based on the multimodal metaphor integration model [D]. Shanghai: Donghua University (In Chinese).

王正. 张德禄. (2016) 基于语料库的多模态语类研究 —— 以期刊封面语类为例 // 外语教学. 37(5): 15–20.

Wang Zheng, Zhang Delu. (2016) Corpus-based research on multimodal categories — Taking journal cover categories as an example // Foreign Language Teaching. No. 37 (5), pp. 15–20 (In Chinese).

叶起昌. (2006) 超文本多语式的社会符号学分析 // 外语教学与研究, 38(6): 437–442.

Ye Qichang. (2006) A socio-semiotic analysis of multilingual hypertext. Foreign Language Teaching and Research. No. 38 (6), pp. 437–442 (In Chinese).

Zhang P. (2018) Public Health Education Through Posters in Two World Cities: A Multimodal Corpus-Based Analysis. PhD thesis. The Hong Kong Polytechnic University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Миронова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, д. 1, корп. 51, к. 1150; nnmironova@yandex.ru

Ду Каницэ — аспирант кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, д. 1, корп. 51; dkz951029@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Nadejda N. Mironova — Dr. Sc. (Philology), Professor, Higher School of Translation and Interpreting (Department), Lomonosov Moscow State University, Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; nnmironova@yandex.ru

Du Kangze — Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; dkz951029@gmail.com

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают по-

зицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

ШКОЛА КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'276.6-811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-188-212

СПЕЦИФИКА ЮМОРА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ TED TALKS ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕТАФОРЫ И ДРУГИХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

Лариса Александровна Манерко¹,
Наталья Сергеевна Блинова²

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

² Федеральное автономное учреждение «Российский дорожный научно-
исследовательский институт» (ФАУ «РОСДОРНИИ»), г. Москва, Россия

Для контактов: wordfnew@mail.ru, ns.blinova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются примеры использования юмора и его языковые и невербальные особенности в научно-популярном дискурсе на английском языке, которые известны как TED lectures или TED TALKS. Юмор используется говорящими для привлечения внимания и установления контакта с аудиторией, фокусировки внимания на конкретных моментах содержания и для передачи сложных идей, которые в процессе восприятия могут быть упрощены оратором для восприятия научно-популярного дискурса на английском языке.

В работе осуществляется анализ текста речи на основе выделения вербальных механизмов формирования юмора в анализируемом устном научно-популярном дискурсе и происходит сопоставление языковых средств с невербальными особенностями. Понимание когнитивных механизмов создания юмора говорящим оратором и затем его восприятие слушающими, выраженного вербально, и одновременно невербально и мультимодально, может помочь изучающим язык профессионального общения улучшить свои языковые навыки и обеспечить лучшее воспри-

ятие и понимание профессиональной речи на английском языке. Кроме того, изучение юмора в лекциях, прочитанных для публики на английском языке (TED lectures), может дать представление о том, как спикеры пользуются юмором и каковы его особенности в зависимости от ситуативно-прагматических характеристик общения. Авторы статьи показывают также разницу между специальным текстом и специальным дискурсом, чтобы провести более глубокий анализ обсуждаемых явлений.

В качестве материала исследования представлено рассмотрение текста лекции известного американского нейрофизиолога С. Фирестайна (Firestein, 2013).

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, текст лекции, TED TALKS, юмор, языковые особенности, метафора, средства создания юмора, невербальные механизмы, мультимодальность

Для цитирования: Манерко Л.А., Блинова Н.С. Специфика юмора в научно-популярном англоязычном дискурсе TED TALKS через призму метафоры и других языковых средств // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 1. С. 188–212. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-188-212

Статья поступила в редакцию 03.03.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025;
принята к печати 15.07.2025.

SPECIFIC FEATURES OF HUMOUR IN POPULAR ENGLISH SCIENTIFIC DISCOURSE OF TED TALKS THROUGH THE PRISM OF METAPHOR AND OTHER LANGUAGE MEANS

Larissa A. Manerko¹, Nataliia S. Blinova²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Federal Autonomous Institution "Russian Road Scientific-Research Institute" (FAI "ROSDORNII"), Moscow, Russia

For contacts: wordfnew@mail.ru, ns.blinova@yandex.ru

Abstract. The article deals with examples of humour creation and their verbal and non-verbal peculiarities in English popular scientific discourse. These examples are known as TED lectures or TED talks. Humour is often used by speakers to attract the audience's attention. It happens while establishing a contact or focusing attention on some concrete aspects in the lecture's content.

The information in the lecture is used for transmitting complex ideas, which in the process of perception may become not so sophisticated in English popular scientific discourse.

The text of the speech is shaping the analysis of verbal mechanisms of humour representing orally popular scientific discourse, sometimes mingled with non-verbal features. The understanding of cognitive mechanisms of humour creation in the orator's speech and the perception of it by the listeners is expressed by a verbal form and it is combined with the nonverbal and multimodal characteristics. It may help language learners improving their language skills and understanding of English as well as providing the better perception and comprehension of the professional speech in the English language. Besides that, humour studies in lectures aimed at the audience in English in TED lectures may reveal the way speakers use humour, and pointing which particular features depend upon the situational-pragmatic characteristics of communication. The authors of the article represent the difference between a special text and special discourse to perform a much deeper analysis of the discussed problems. The material of this research is based on the text of the lecture by the well-known American neurophysiologist Stuart Firestein (Firestein, 2013).

Keywords: popular science discourse, the text of the lecture, TED TALKS, humour, language peculiarities, metaphor, means of humour creation, non-verbal mechanisms, multimodality

For citation: *Manerko L.A., Blinova N.S. (2025) Specific features of humour in popular English scientific discourse of TED TALKS through the prism of metaphor and other language means. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 1. P. 188–212. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-188-212*

The article was received on March 03, 2025;
approved for reviewing on April 07, 2025;
accepted for publication on April 15, 2025.

Введение

Среди всех других разновидностей текстов особо выделяется специальный (научный) текст. Основными характеристиками специального текста является рассмотрение определённых теорий, фактов, сведений, рекомендаций отдельных наук и отраслей знаний, которые позволяют их подразделить на «научные, технические и деловые тексты» (Герд, 1996: 68). Кроме того, «для текста, относящегося к зрелому научному уровню знания, характерны чёткая синтаксическая последовательность в организации предложений и изложения в целом, тщательный отбор лексики и терминологичность, строгость и точность объективной переда-

чи информации, полнота высказывания, которая не дополняется знанием той или иной ситуации, а вытекает из значимости описываемого» (Манерко, 2006: 176). По мнению В.Ф. Новодрановой, «специальный текст на основе системы лингвистических средств общенационального языка» использует терминологические формы отдельного языка для специальных целей, относящиеся к «языковым структурам, сложившимся в определённый период времени в конкретной предметной области знания, важный для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс» (Новодранова, 2007: 139).

Но когда учитывается то, что связано с процессом и результатом акта коммуникации, с экстралингвистической действительностью, языковыми и ментальными структурами, которыми пользуется говорящая (пишущая) личность (Кубрякова, 2012: 119), мы опираемся на понимание специального (в том числе научного) дискурса. Основными принципами построения специального (научного) дискурса являются объективность, точность и логическая аргументация (Новодранова, 2007: 139), а также «формализованная и кодифицируемая разновидность, используемая для специальных целей с функцией передачи информации специальной природы любого уровня посредством наиболее экономичных языковых средств, точных терминов и отсутствием двусмысленности» (Picht, Draskau, 1985: 3).

Специальный научный дискурс «может быть представлен научно-популярным, научно-учебным и академическим типами» (Манерко, 2013: 114), при этом в последние годы особое место занимает научно-популярный дискурс. Он завоёвывает всё большее внимание специалистов в области лингвистики, коммуникации, социолингвистики, лингвопрагматики и других областей знания из-за того, что в нём учитываются функция сообщения, коммуникативная и когнитивная функции. Это связано, в первую очередь, с интересом общества к научным знаниям и достижениям, а также с умением ораторов заинтересовать публику новыми идеями, желанием вовлечь её в конкретную сферу исследований на основе хорошо продуманной подачи информации. Последний аспект напрямую обуславливает тот интерес, который наблюдается сегодня в социуме к вопросам речевого воздействия в публичной коммуникации. Автор академического дискурса, звучащего в виде научно-популярной лекции, должен уметь убеждать читателя «в достоверности создаваемых или излагаемых автором научных позиций и в истинности общенаучного и своего личного взгляда на суть

научных понятий и устанавливаемых между ними взаимоотношений» (Манерко, 2004: 132).

Подобный вид дискурса представлен в виде лекций, известных как TED TALKS. Сокращение TED представляет собой развитие разнообразных идей, связанных с новыми технологиями, развлечением и дизайном (technology, entertainment и design) (Манерко, 2020: 284). Изначально лекции задумывались организаторами как умение «эффективно выступать», «обладать презентационной грамотностью» (Андерсон 2017: 12, 14) и служить неотъемлемой частью образования. Эти короткие лекции (как правило, длительностью не более 18 минут) стали представлять отдельный «гибридный жанр», который отличается своей собственной дискурсивной направленностью на «оптимизм, страстное отношение к жизни, способствуя социальной активности» (Ludewig, 2017). Данный формат коротких выступлений должен быть понятен и доступен для широкой аудитории, а также являться эмоционально привлекательным событием, чтобы у тех, кто знакомится с лекцией сначала в зале, а затем — в интернет-пространстве, осталось желание вернуться к увиденному и прослушанному, а также привлечь к общему эмоциональному фону и её тематике других участников подобной коммуникации. Вместе с тем подобная разновидность дискурса представляет собой довольно «динамическую систему человеческого познания и коммуникации» (Манерко, 2013: 115), где некоторые «факты и их объяснение зависят от видения и понимания мира конкретной языковой личностью», которая пытается объяснить то, «как осуществляется научный поиск и научное открытие» (Манерко, 2020: 284).

Лекторы используют яркие примеры из жизни разных учёных, которые увлечённо занимаются исследованиями в своей области знания, истории развития науки в целом и отдельной области жизнедеятельности человека, рассказывают интересные случаи из своей жизни, знакомят с собственными научными идеями и открытиями. Неудивительно, что в подобных лекциях часто звучат примеры, связанные с языковой игрой, происходит жонглирование разнообразными мыслями в речи учёного, используются яркие и образные эпитеты, сравнения, метафоры, шутки, шаржи и многое другое — все эти характеристики способствуют популяризации науки и способны привлечь публику к такому событию. Это не только конкретная информация, имеющая отношение к научной области знания, но и умение учёного представить свои идеи, озвученные разнообразными языковыми и неязыковыми средствами, которые

в большей степени имеют отношение не столько к повышению уровня образования, но прежде всего к пониманию события как развлечения, и эта лёгкость и непринуждённость осуществляется посредством юмора и языковой игры.

Изучение юмора в различных областях знания и лингвистики

Хотя изучение юмора начинается ещё в философских трудах античности древней Греции и Рима, где появляются первые описания изучения стилистических тропов и других языковых средств в рамках риторической традиции, он затем продолжает пользоваться интересом в XVII столетии и наконец интенсивно развивается в XX веке и в современный период. Последний период направляет внимание на изучение языков для специальных целей, специального дискурса и особенностей профессиональной культуры в специальных научных сообществах, при этом он «отражает сходящиеся в одной точке пересечения трёх независимых друг от друга дисциплин» (“reflects the converging triangulation of three independent disciplines”) (Isani, van der Yeught, 2023: VIII). Этими дисциплинами являются лингвистика, теория специализированных областей знания и теории юмора, к которым добавляются также аспекты, опирающиеся на мультимодальность и социообусловленность пересечения научного и обыденного знания в процессе общения (Манерко, 2018).

Именно с позиции указанных аспектов рассматриваются явления заранее заготовленного использования юмора в научно-популярной лекции, что показывает способность индивида воспринимать смешные стороны жизни и определяет эту способность как основополагающую характеристику человека (Карасик, 1997: 45).

Опираясь на данные толковых словарей английского языка английское слово *humour* (*humor*) указывает не только на «умение развлекаться чем-то увиденным, услышанным или задуманным, иногда вызывающим улыбку или смех», но и «качество в чём-то, вызывающее такое развлечение» (Cambridge Dictionary, www.dictionary.cambridge.org). Согласно словарю Вебстера, английское слово *humor* описывается как: 1) процесс восприятия, которое позволяет испытать радость, даже когда сталкиваешься с испытаниями; 2) что-то, что должно быть комичным или забавным (Webster's New World dictionary of American English, 1998: 356). Юмор изучался в основном в художественных произведениях, обращая внимание на языковые особенности использования игры слов, изменения семантики слов, загадок и т.п.

Одной из основных теорий, способной описать существующие теории юмора, является та, которая основывается на «когнитивном сдвиге» и на «неконгруэнтности решений» (incongruity-resolution theory) (Attardo, 2007: 147) / «неконгруэнтности и контрасте» (incongruity and contrast) (Isani, van der Yeught, 2023: VIII; Camiciottoli, 2023: 249). Данный подход позволяет рассмотреть не только фонологический, морфологический, лексический и синтаксический уровни, представленные в языке, участвующие в популяризации научного знания, но и связать аспекты социопрагматического (отражающие социальные взаимоотношения между коммуникантами) и психологического характера (основанные на психологическом воздействии одного общающегося на другого) (Attardo, 1994: 129). То есть в этой теории рассматривается формирование юмора с точки зрения когнитивных и коммуникативных механизмов формирования смысла, репрезентируя свой собственный взгляд на мир в тексте научно-популярной лекции.

Следовательно, формирование и восприятие юмора участниками коммуникации «осуществляется через разнообразие ментальных механизмов..., в рамках которых структуры представления знания показываются на основе социокультурных, исторических, событийно-ситуативных, прагматических условий применения языковой системы (грамматики и лексики)», включая явления мультимодальности, что является основой для междисциплинарных когнитивных исследований (Манерко, 2016; Манерко, 2024: 400).

Вербализация юмора в научно-популярном англоязычном дискурсе (на примере материалов платформы TED TALKS)

В звучащей лекции показателем появления того, что вызывает смех (laugh), служит сочетание вербальных и невербальных средств, участвующих в создании дискурсивного пространства. В ходе практического исследования были рассмотрены несколько выступлений на платформе TED TALKS, но за основу для данной публикации было взято только одно из них. Это лекция Стюарта Фирестайна с лекцией “The pursuit of ignorance” (Firestein, www.ted.com/talks/stuart_firestein_the_pursuit_of_ignorance). В ней определены языковые единицы, содержащие юмор, а также некие механизмы, способные вызвать смех в зале.

Темой выступления С. Фирестайна является практика научного познания и роль осознания собственного «невежества» в ходе

этого процесса. Название состоит из подчинительной конструкции с главным номинативным компонентом, связанного со вторым существительным — “The pursuit of ignorance”.

Казалось бы, в названии закладывается противоречие. Первое слово *pursuit*, будучи многозначным, указывает прежде всего на «акт погони или преследования»: 1) the act of pursuing: *The police car raced through the streets in pursuit of another car* (LDCE, 1992, vol. 2: 843). Но следует обратить внимание на то, что после основного слова конструкции стоит предлог *of*. Оттенки значения, выделенные Кембриджским словарём английского языка, определяют отражение планомерной деятельности человека на довольно длительный период времени, то есть «поиски и стремление»: 2) the act of trying to achieve a plan, activity, or situation, usually over a long period of time: *the pursuit of happiness, The company is ruthless in its pursuit of profit, The union is on strike in pursuit of (= trying to achieve) a ten percent pay increase* (Cambridge Dictionary). Ещё одно значение указано «Словарём английского языка» издательства Лонгман: 3) *fm* an activity to which one gives time, whether as work or for pleasure («занятие, устремление») (LDCE, 1992, vol. 2: 843). Устремление состоит в попытке достижения чего-либо как кратковременного действия: *pursuit* — noun an attempt to achieve something: *The Declaration of Independence states that life, liberty, and the pursuit of happiness are basic human rights*.

Второе слово заголовка определяется целым рядом существующих контекстов, в которых мы находим лексику *ignorance* — *Overcoming ignorance is a lifelong pursuit* («Преодоление невежества — это стремление на всю жизнь»), тогда название следует переводить, исходя из данной фразы: это «Преследование невежества», при этом автором лекции подчёркивается мысль о его преодолении. Подобное понимание названия лекции тем более важно, что именно невежество является барьером в понимании действительности (*His ignorance was a barrier to understanding*). Автор лекции говорит об образовании, науке и просвещении. Он акцентирует внимание на том, что, чтобы уменьшить невежество, что изначально входило в понимание устремлений создателей лекций TED, необходимо популяризировать научные достижения (*We should educate people to reduce ignorance*) или то, что невежество не является добродетелью (*Ignorance is not a virtue*).

Из текста лекции мы осознаем, что С. Фирестайн часто, понимая свой научный стиль от публицистического, который часто фиксируется в лексике газетного материала и текстов романов

(Coxhead, Walls, 2012) до разговорно-бытового, прибегает к использованию идиоматических фразовых глаголов, что является характерной чертой в большей степени американского варианта английского языка и одновременно к игре слов и их смыслов, ср.: *to figure out* (“to begin to comprehend someone or something; to come to understand someone or something better” (<https://idioms.thefreedictionary.com>)), «понимать, постигать» (A2), *farting around* (*slang* “to engage in aimless recreation or frivolous time-wasting” (<https://idioms.thefreedictionary.com>)), «бесцельно тратить время» (A3), *excel at something* (“to perform especially well at something” (<https://idioms.thefreedictionary.com>)), «преуспеть» (A7)), эпитетам (*smelly question* (A20)), неформальной лексике (*kinda* (A14 и A18), *gonna* (A23), *hefty* (A5) и т.д.), пословицам, с одной из них начинается сама лекция (A1). В лекции выявлено 28 синтаксических единиц, направленных на создание определённых эмоций у аудитории. Следует обратить внимание, что вторая часть идентификатора в таблице ниже обозначает номер выделенной языковой единицы, содержащей юмор, либо как минимум единицу в составе высказывания, вызывающую смех и эмоцию у слушателей (см. табл.).

Таблица

Коды и языковые средства в лекции “The pursuit of ignorance”, вызывающих смех или положительные эмоции у публики

Языковое средство	Интервал	Код	Пример из текста
Параллельные конструкции с лексическим повтором	00:20 – 00:30	A2	<i>...bumping around in a dark room, bumping into things, trying to figure out what shape this might be, what that might be.</i>
Пословица	00:04 – 00:14	A1	<i>There’s an ancient proverb that says it’s very difficult to find a black cat in a dark room, especially when there’s no cat.</i>
Ирония	03:31 – 03:37	A6	<i>I have to point out this has always been one of my favorite pictures of Marie Curie, because I’m convinced that that glow behind her is not a photographic effect.</i>
	02:09 – 02:15	A4	<i>The course I was and am teaching is called Cellular and Molecular Neuroscience ... one.</i>
	04:16 – 04:23	A7	<i>Maybe I should teach a course on ignorance, something I can finally excel at, perhaps, for example.</i>

Таблица (продолжение)

Языковое средство	Интер-вал	Код	Пример из текста
	10:31 – 10:40	A17	What's really disturbing is the trend line that goes through that, because, of course, then it dips below the zero axis, there, it gets into the negative area. That's where you find people like me, I'm afraid.
	11:26 – 11:36	A18	Well, one thing the brain does, it moves us around. (...) That sounds kinda simple somehow or another. I mean, virtually every over 10 month of age walks around on two legs, right?
	12:56 – 13:00	A20	I'll give you an example from my own lab, my own particularly <i>smelly question</i> since we work on the sense of smell.
Сарказм	04:55 – 05:05	A8	The ignorant are clearly unenlightened, unaware, uninformed, and present company to-day excepted, often occupy elected offices, it seems to me... That's another story perhaps.
	07:08 – 07:24	A11	Scientists are patiently putting the pieces of puzzle together to reveal some grand scheme or another. This's clearly not true. For one, with puzzles, the manufacturer has guaranteed that there's a solution. We don't have such guarantee. Indeed, there are many of us who aren't so sure about the manufacturer.
	07:44 – 08:01	A12	Model of iceberg. (...) We can cheap away at this iceberg and <i>figure out</i> what it is, or we could just wait for it to melt, I suppose, these days...
	08:48 – 08:50	A14	I find this (cite) <i>kinda</i> glorious, and I think he precisely right, plus it's a <i>kinda</i> job security.
	09:33 – 09:40	A15	Scientists argue about this all the time. Sometimes we call them bull sessions. Sometimes we call them grant proposals.
	14:58 – 15:05	A23	The business model of the university (...) <i>gonna have</i> to change. We just can't sell facts for living anymore.
	16:03 – 16:09	A26	We have this remarkably efficient system for beating any interest out of everybody's head.

Таблица (окончание)

Языковое средство	Интервал	Код	Пример из текста
Языковая игра и игра смыслами	01:02 – 01:06	A3	The Scientific method vs Farting Around... In the dark.
	11:42 – 11:48	A19	How about our visual system? (...) I mean, we (scientists) love our visual system. We do all kind of cool stuff.
	13:09 – 13:11	A21	Two little holes in the front of your face (implying nose).
	06:13 – 06:19	A9	3 new papers per minute. So, I've been here a little over 10 minutes, I've already lost 3 papers. I have to get out of here actually. I have to go read.
	11:42 – 11:48	A19	How about our visual system? (...) I mean, we (scientists) love our visual system. We do all kind of cool stuff.
Оксюморон	06:47 – 06:54	A10	Knowing a lot of stuff doesn't make you a scientist. (...) Knowing a lot of stuff is there to help you get ... to more ignorance.
	10:24 – 10:30	A16	And finally you get your Ph.D., where it turns out you know a tremendous amount about almost nothing.
	14:21 – 14:23	A22	I like the quote because I think dead people shouldn't be excluded from the conversation.
	15:30 – 15:36	A24	We currently have an educational system which is very efficient but is very efficient at a rather bad thing.
Умолчание	15:46 – 15:50	A25	They go to science museum. They like to... play around. They're in second grade. Um...
Эпитет и градация	16:14 – 16:27	A27	A teacher colleague of mine calls (this) "the bulimic method of education". We just jam a whole bunch of facts down their throats over here and then they puke it up on an exam over here and everybody goes home with no added intellectual heft whatsoever.
Концовка лекции и метафоры в высказывании	18:02 – 18:12	A28	So let me end with a quote from William Butler Yeats, who said "Education is not about filling the buckets; it's lighting fires". So, I'd say, let's get out the matches.

Многие примеры в тексте С. Фирестайна тесно связаны с другими средствами, используемыми в тексте лекции как динамическом явлении, так как «развитие дискурса» происходит только «локально», опираясь на «ситуативно-прагматический контекст», который оказывает влияние «на способ и реализацию семантико-синтаксических и прагматических свойств речевого кода» (Правикова, 2004: 28). В развитии дискурса мы можем наблюдать разворачивание мысли учёного. В нашей статье (Манерко, 2020: 293–296) детально проанализировано начало лекции С. Фирестайна, которая начинается с пословицы, известной со времен Конфуция: *It's very difficult to find a black cat in a dark room, especially when there is no cat*. Приведём данный отрывок ещё раз:

There is an ancient proverb that says *it's very difficult to find a black cat in a dark room, especially when there is no cat*. I find this a particularly apt description of science and how science works — bumping around in a dark room, bumping into things, trying to figure out what shape this might be, what that might be, there are reports of a cat somewhere around, they may not be reliable, they may be, and so forth and so on (https://www.ted.com/talks/stuart_firestein_the_pursuit_of_ignorance#t-70069).

Введение известного с древности изречения заставляет слушателей погрузиться в определённую атмосферу известных истин и расслабиться (A1), воспринимая сказанные слова, но автор, переходя ко второму предложению, формулирует цель своей лекции — он хочет предложить «особенно уместное» объяснение (*a particularly apt description*) науки, научной деятельности и научного поиска (A2 табл.). Как мы уже указывали, развитие дискурсивного пространства происходит на основе многих составляющих: знаковой системы языковых единиц, связанных друг с другом и определяющих семиологические разряды для передачи различных значений и определённых «содержаний-намерений» (*purports*) говорящей личности (Назарова 1994: 7). То есть можно определить, что семиологические функции, используемые в тексте лекции, позволяют выстроить определённые ряды концептуализаций в сознании человека, что напрямую связано именно с когнитивной функцией языка, а с другой стороны, учесть интерактивные составляющие коммуникативной функции, направленной на обслуживание общения, выражение экспрессивности и социальное общение, нацеленное на слушателей. В потоке речемыслительной деятельности происходит «сознательное обыгрывание» (Там же: 156) некоторых моментов публичного выступления через используемые конструкции, про-

думанные лексические повторы посредством слов, отсылающих к предыдущей мысли и для связи с последующей идеей.

Лексический повтор присутствует во фразе: ...*bumping around in a dark room, bumping into things, trying to figure out what shape this might be, what that might be*. Данный повтор — это «родовое обозначение анафоры, эпифоры, анадиплосиса, симплоки, повторения одной и той же словоформы на обозримом участке текста» (Лагута, 1999: 30). В данном случае имеет место эпифора.

Обыгрывание смысла фиксируется как некоторое противопоставление одной мысли другой — знание всякой информации не способно сразу создать учёного (так считает лектор) и одновременно ведет к ещё большему невежеству. Его мысль начинается с одних и тех же слов, ср. пример A10: *Knowing a lot of staff doesn't make you a scientist. (...) Knowing a lot of staff is there to help you get ... to more ignorance*. Это «семантическая фигура речи, сочетание слов, противоречащих друг другу по значению, в результате чего рождается новый концепт» (Лагута, 1999: 33). Автор подчеркивает, что необходимо научиться мыслить, интерпретировать факты, делать правильные выводы.

Невербальные механизмы в формировании юмора в научно-популярном англоязычном дискурсе на примере материалов платформы TED talks

В ряде примеров С. Фирестайн использует пример контроля темпа речи и расставляются риторические паузы, усиливая комедийный эффект:

The Scientific method vs Farting Around... In the dark. (A3, 01:02–01:06)

The course I was and am teaching is called Cellular and Molecular Neuroscience ... one. (A4, 02:09–02:15)

Остановимся на примечательном примере фразы A3, произносимой С. Фирестайном:

The Scientific method vs Farting Around... In the dark.

Эта короткая фраза построена на двусмысленности, которая в научной устной или письменной научной речи обычно не приветствуется, так как ведет к непониманию из-за появления противоположных смыслов. Но в данном случае звучит устная речь, и автор выполняет свою цель — заинтересовать слушателей и за счёт этого понижает планку до разговорного стиля в зависимости от того, на какое из значений и употреблённого смысла конструкции, выходят слушатели через восприятие устной (звучащей) и письменной речи (написанной в презентации слов).

Обратимся к словарным дефинициям из словаря идиом английского языка: фразовый глагол *farting around* имеет два различных значения. Одно из них “making a sound like a fart” («пукать»), другое переосмысленное значение, используемое в сленге, ср. *farting around* — *slang* “to engage in aimless recreation or frivolous time-waiting” («пребывать в бесцельном времяпрепровождении»), что наглядно представлено также в следующих примерах из словаря, e.g.: *Quit farting around and work on your book report already! If the government would quit farting around and put their minds to the problem, they'd have an effective solution ready in no time!* (<https://idioms.thefreedictionary.com>). Как правило, подобное переосмысление достигается посредством метафоры.

Лектор ждёт реакции зала, он намеренно останавливается, чтобы люди поняли, о каком из значений говорится во фразовой конструкции — у них есть время для выбора. Подобное использование паузы перед появлением шутки относится к невербальным механизмам. Это замирание (остановка) является важным когнитивным (и риторическим) приёмом использования паузы перед шуткой для добавления эффекта неожиданности. Для лучшего понимания шутки и дальнейшего использования иронии или сарказма также фиксируется в целом ряде примеров (A1, A3, A4, A10, A15, A25).

И вот последний штрих (который также представлен и в презентации к речи), указывающий на значительное переосмысление всей конструкции, так как употреблено слово *dark* в конструкции *In the dark* — вроде указывается на первое значение предыдущей фразы, имеющей отношение к темноте, но оказывается, это совсем не темнота. Здесь представлено второе значение у фразовой конструкции и затем употреблённое *In the dark* напрямую связано с названием лекции С. Фиренштейна “The pursuit of ignorance” — а именно, на что указывает и словарь Лонгмана: “without knowledge; in the state of ignorance” (LDCE 1992, vol. 1: 260). Речь имеет отношение к определённой денотативной ситуации понимания роли учёного в науке и того, как научный поиск осуществляется в рамках науки как области знания. Это проявление языковой игры в тексте лекции и презентации. Подобное несоответствие первичному смыслу фразы и умение лектора акцентировать определённые моменты вызывает бурную реакцию и смех в аудитории. В некоторых научных статьях, посвящённых TED talks, отмечается тот факт, что «лекции учёных отличаются большей увлечённостью, информативностью, что придаёт им большую убедительность» (“talks by academics

as being significantly more fascinating, informative and persuasive”) (MacKrill et al., 2021: 1035).

С точки зрения взаимосвязи динамики речи и использования юмора, можно установить, что автор использует юмор как приём сегментации повествования. Если рассматривать речь в виде модели сообщения и реакции (реально фиксируемой или по крайней мере ожидаемой), между сегментами речи можно выделить интервалы, оканчивающиеся завершённой текстовой единицей, содержащей юмор. При этом имеет смысл исключить короткие интервалы, которые содержат подчас взаимодополняемые единицы. У С. Фирестайна данные интервалы имеют следующее распределение (см. рисунок).

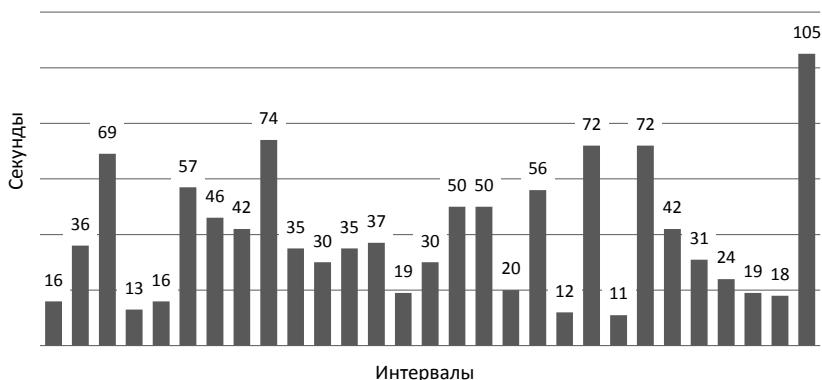

Рисунок. Длительность интервалов для ввода языкового средства, направленного на реакцию слушателей

Если исключить достаточно формальный промежуток заключительной части речи (107 секунд), среднее значение интервала составляет примерно 35–37 секунд, а стандартное отклонение равно 19,4 секунды. Можно полагать, что у С. Фирестайна возможно существование определённой установки, связанной с допустимым интервалом, в пределах которого он хотя бы раз использует юмор, и который не превышает $1\frac{1}{3}$ минуты.

Чаще всего в рассмотренной лекции невербальные механизмы были одинаково характерными для всей речи и использовались для акцентуации отдельных частей текста или его членения. Подобное применение в случае интонации и жестикуляции было основным даже при наличии юмористического контекста. Чаще всего имела место жестикуляция, интонация и просодия (Попова, 2021). Если

жестикуляция применялась обычно в виде визуализации, то просодические элементы вычленились на фразовом уровне и состояли из пауз между элементами, а на уровне сегментных единиц они опирались на динамику и темп речи.

Для речи Фирестайна характерна активная жестикуляция. В начале лекции он часто применяет жесты указательными пальцами, поскольку у него заняты руки. В примере A1, например, он показывает обеими руками на зал в конце шутки. В дальнейшем, используя нижнюю часть кисти, он начинает всё чаще делать жесты ладонями, либо расправленными пальцами кисти. В ряде примеров жесты были направлены на вовлечение аудитории. Например, жесты указательными пальцами в A1, кивки в A14, A15, распростёртые к залу руки в A15 и A22. Иногда жесты могли, наоборот, служить для перехода к следующему тезису, в случае если шутка не была воспринята аудиторией. В примере A8 и A9 спикер разводит руками, наблюдая отсутствие реакции зала. Что примечательно, тот же жест распростёртых рук в A18 уже имеет значение недоумения и сомнения. Вербальные и невербальные механизмы взаимодополняют друг друга. Жесты часто использовались как способ дублирования речевых механизмов.

Совокупность средств выражения позволяет спикеру добиваться эффекта актёрской игры. В примере A8 спикер делает вид, что уходит, он всем телом делает движение в сторону выхода, отыгрывая то, что он собирается уйти. Он использует интонацию недоумения, чтобы сделать вид, что вспомнил что-то не очень срочное. В A12 беспорядочные взмахи дополняют ускоренную речь, добавляя к вербальной шутке форму наигранной жалобы.

Важным элементом является мимика. Улыбка (A1, A11, A27) и усмешки (A4, A6, A7, A8, A9, A14, A16, A23, A24, A25), стиснутые или прикушенные губы (A14, A15). Все эти случаи сочетания движения тела и мимики использовались, как основной способ обратной связи от аудитории — для того, что вызвать у зала реакцию смеха.

Интонация в речи спикеров позволяет делать акценты на незначительных деталях, вычленив их из общей цепи речи. Таким образом, правильно расставленные акценты позволяют учёному представить обычные факты в комедийном ключе. В примерах A5 и A9 для этого использовалось восклицание, в A10 вздох с понижением интонации, в A11 понижение голоса, имитируя, будто пытаются что-то утаить, в A18 мы наблюдаем выражение наигранного сомнения.

Мультимодальные механизмы, основывающиеся на метафоре в дискурсе лекции С. Фирестайна

В лекции С. Фирестайна фиксируются остановки, относящиеся к невербальным средствам, подобным примером выступает пример A4: *The course I was and am teaching is called Cellular and Molecular Neuroscience ... one*. Он включён в состав значительно большего сверхфразового единства, в котором фиксируются мультимодальные метафоры, имеющие отношение к мультикодowości передачи человеческого знания (Манерко, 2016; Манерко, 2021). Мультимодальные метафоры призваны объединить образы, выраженные вербально с теми, которые представлены в виде визуальной и слуховой информации. «Мультимодальность» (the quality of being modal) представляет собой качество обладания разной формой (modes) и имеет отношение к отдельным семиотическим системам для выражения значения с помощью специфических средств аудиовизуального характера, музыки, отрывков из фильмов, постеров и т.д. (Kress, Leuwen, 2001: 54) в коммуникации, начала изучаться с 90-х годов XX века. Особенно важным оказывается сочетание вербального и визуального компонентов при восприятии и когнитивной обработке информации, что часто происходит при знакомстве с научно-популярной лекцией на английском языке (TED lectures).

Интересным примером из лекции нейрофизиолога С. Фирестайна является следующий отрывок, который связан со следующими словами, произносимыми учёным для присутствующей в зале публики:

But at the same time, it's my responsibility to teach a large course to undergraduates on the brain, and that's a big subject, and it takes quite a while to organize that, and it's quite challenging and it's quite interesting, but I have to say, it's not so exhilarating. So what was the difference? Well, the course I was and am teaching is called Cellular and Molecular Neuroscience — I. (Laughs) It's 25 lectures full of all sorts of facts, it uses this giant book called "Principles of Neural Science" by three famous neuroscientists. This book comes in at 1,414 pages, it weighs a hefty seven and a half pounds. Just to put that in some perspective, that's the weight of two normal human brains.

В произносимом отрывке учёный сразу обращает внимание на то, что он читает курс лекций выпускникам университета о мозге (to teach a large course to undergraduates on the brain). Затем описывается как называется читаемый им курс — пример A4 в таблице — это учебник о принципах нейронауки *Cellular and Molecular*

Neuroscience — I (one). Он показывает слайд презентации, на котором представлена информация о читаемом курсе (он состоит из 25 лекций), говорится о большой книге (*this giant book*), он делает остановку, произнося слово *one* для того, чтобы было ясно, что есть ещё и вторая часть такого курса, которая также является обширной.

Итак, этот курс называется “Principles of Neural Science”, название учебника содержит аллюзию благодаря первому слову заглавия “Principles...” на известную работу И. Ньютона “*Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*” (обычно переводимую с латинского на русский как «Математические начала натуральной философии»). Далее нанизывается бленд, представляющий интеграцию первого «ментального пространства» курса, который читается студентам и чрезвычайно важной информации про данный курс (то, что он является первым — среди когнитивных наук) и учебник. Исследования, посвящённые лекциям на платформе TED, акцентируют внимание на «уникальности, редкости и оригинальности находок» лекторов, которые апеллируют к прилагательным, выделяющим особенности проводимых исследований в научной области знания (Scotto di Carlo, 2015: 204). С. Фирестайн также выделяет эти характеристики (*one* — порядковое прилагательное «первый», *this giant book* — «эта гигантская книга», и т.д.) указывает на значительный объём учебника и его вес (7,6 фунтов, то есть около 3,5 килограммов) на основе сопоставления с объёмом и весом мозга двух человек, способных вместить столько знаний из изучаемой науки. Пример бленда объёма и веса учебника по нейронауке и таких же данных человеческого мозга из речи С. Фирестайна можно найти в статье (Манерко, 2016: 728) и книге Л.А. Манерко (Манерко, 2024: 414).

Ещё одна аналогия наблюдается в речи С. Фирестайна при указании на фото Марии Кюри, когда обыгрывается не фотографический эффект, а то, что эта женщина-учёный, открывшая совместно с мужем радий и полоний, занималась исследованием радиоактивности:

I have to point out this has always been one of my favorite pictures of Marie Curie, because I am convinced that that glow behind her is not a photographic effect. (Laughter) That's the real thing. It is true that her papers are, to this day, stored in a basement room in the Bibliothèque Française in a concrete room that's lead-lined, and if you're a scholar and you want access to these notebooks, you have to put on a full radiation hazmat suit, so it's pretty scary business.

Он начинает новую мысль с того, что представленная фотография Марии Кюри является его любимой. Далее в словах лектора звучит ирония. Здесь фотографический эффект свечения на портрете, обыгрываемый через радиоактивное излучение, исходящее от трудов женщины-исследователя, хранимых в Национальной библиотеке Франции, что требует специального скафандра для прочтения её работ. В примере А6 (см. таблицу) спикер одновременно изображает руками сияние вокруг головы, пародируя фото на слайде. Выводное знание отсылает нас к тому, что ореол над головой появляется при изображении святых (Манерко, 2024: 415). Так рождается мультимодальная метафора, которая помогает лучше понять номинативно-стилистические, когнитивно-дискурсивные и мультимодальные механизмы, раскрывающие особенности речемыслительной деятельности учёного.

Примечателен и заключительный отрывок речи:

So let me end with a quote from William Butler Yeats, who said “Education is not about filling the buckets; it’s lighting fires. So, I’d say, let’s get out the matches”.

С. Фирестайн обращается к творчеству известного английского поэта, писателя и драматурга ирландского происхождения В.Б. Йейтса, получившего Нобелевскую премию в 1923 за своё творчество. Благодаря мысли поэта, в лекции подчёркивается, что образование — это не накопление многочисленных фактов и знаний, а возможность зажечь некий горящий факел для осуществления своих научных идей. Это факел способен воодушевить молодых людей заниматься наукой. И последняя мысль в лекции о том, что стоит достать спички, которыми можно зажечь факелы-мысли людей. И третья метафора в речи как некий «каскад» метафор становится определяющей смысл воодушевлённой речи учёного — “The pursuit of ignorance” («Преследование невежества») как возможность не только сразиться с невежеством, но и выиграть в схватке за научный поиск (*it’s lighting fires*) и желание увлечь молодёжь научными исследованиями.

Заключение

Таким образом, в статье был рассмотрен академический дискурс на английском языке на примере одной известной научно-популярной лекции из серии программ TED talks. В работе представлено отличие языковых и неязыковых особенностей научно-популярного дискурса на примере лекции специалиста в об-

ласти нейрофизиологии С. Фирестайна. Авторы показывают, что в заголовке, и в самой речи происходит опора на научное познание и отражение роли сознания в процессе оформления особого языка для специальных целей, направленного на раскрытие особенностей научного поиска.

Мы попытались показать, что изучение не текста, а именно дискурса должно осуществляться, опираясь на языковые, когнитивные, невербальные и мультимодальные особенности в его изучении. Такой многосторонний взгляд на дискурс оказался связанным с понимаем юмора, примеры которого вызывают улыбки, радость, положительные эмоции и удовольствие у публики. Вместе с тем в речи С. Фирестайна это способ подчеркнуть комические стороны изучаемых объектов, научных фактов, событий и людей, часто используется метафора, ирония и сарказм. Подобные примеры обладают когнитивной ценностью, проявляющейся на разных уровнях языка и речи. В нашей статье показывается, как происходит переход на разговорную речь, где именно использовались идиоматические выражения, игра слов и неформальная лексика. Средства юмора также создавались в опоре на социокультурную реальность и научно специфические контексты.

Среди невербальных механизмов выделены жестикуляция, движение, мимика, интонация, паузы, динамика и темп речи, а также показывается связь сказанного с тем, что появляется в презентации к лекции. Жесты использовались для вовлечения аудитории и возможность визуализации речи. Движение лектора по сцене контролировало дистанцию между спикером и аудиторией. Мимика помогала вовлекать аудиторию в то, о чем говорилось, она была индикатором проявления юмора. Интонация выделяла смысловые моменты и придавала дополнительный смысл. Паузы часто использовались для выражения вводимой метафоры, переосмысления в зависимости от ситуации общения, иронии и сарказма. Вербальные, невербальные и мультимедийные средства часто дополняли друг друга. Наиболее полное проявление всех этих характеристик наблюдалось, когда оратор использовал также актёрскую игру и паузы для достижения нужного эффекта. Активное взаимодействие с аудиторией не только достигало юмористического эффекта, но также формировало атмосферу и образ оратора, которые позволяли воспринимать юмор.

В данной статье авторы опирались на когнитивную методологию, помогающую раскрыть структуры знания, приводящие к появлению новых типов знания посредством метафоры или сочетания

метафоры с блендами и выводным знанием. В целом было показано, что подобный когнитивно-дискурсивный подход способен раскрыть специфику исследования в когнитивно-дискурсивной лингвистике и когнитивно-коммуникативном терминоведении, где важными аспектами являются те, которые опираются на структуры знания в представлении языковой, невербальной, когнитивной и мультимодальной информации, опирающихся на когнитивную, интерактивную и коммуникативную функции.

Список литературы

Андерсон К. TED TALKS. Слова меняют мир: первое официальное руководство по публичным выступлениям / К. Андерсон; пер. с англ. Т.О. Новиковой. М.: Изд-во «Э», 2017. 288 с.

Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии) / Н.Б. Гвишиани. М.: Высшая школа, 1986.

Герд А.С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 68–90.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.

Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Часть 1. Учебно-методическое пособие / О.Н. Лагута. Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999.

Манерко Л.А. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований. М.: Гнозис, 2024. 448 с.

Манерко Л.А. Концептуально-смысловое пространство текста / Л.А. Манерко // Теория и практика германских и романских языков. Ульяновск, 2004. С. 131–138.

Манерко Л.А. Мультимодальность дискурса как основа для междисциплинарных когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка. Крутлый стол ИЯ РАН. 8 ноября 2016 г. Вып. 27: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сб. науч. трудов / Отв. ред. В.З. Демьянков. М., Тамбов, 2016. С. 720–730.

Манерко Л.А. Наука о языке: парадигмы лингвистического знания / Л.А. Манерко. Рязань: Изд-во РГУ им. С.А. Есенина, 2006 (1).

Манерко Л.А. Образность номинации как основа для понимания научного поиска в английском академическом дискурсе // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: сборник научных статей к 90-летию профессора В.Н. Телия / отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 282–299.

Манерко Л.А. Специальный текст как ступень формирования новых типов знания / Л.А. Манерко // Вестник МГЛУ. Вып. 512: Лексическая система как результат и инструмент познания. Серия. Лингвистика. М.: Изд-во МГЛУ, 2006 № 2. С. 176–190.

Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах / Л.А. Манерко // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 1. С. 100–118.

Назарова Т.Б. Филология и семиотика: Современный английский язык. М.: Высшая школа, 1994. 184 с.

Новодранова В.Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. научных трудов. Вып. 5. М., Рязань, 2007. С. 136–141.

Попова М.В. Сравнительный анализ понятий «просодия», «интонация» и смежных специальных терминов в лингвистике / М.В. Попова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2021. № 11 (853). С. 150–160.

Правикова Л.А. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. 300 с.

Attardo Salvatore. (2007) The general theory of verbal humor. The Routledge Handbook of Language and Humor. Edited by S. Attardo. N.Y. and London: Routledge. Taylor and Francis Group, pp. 126–142.

Coxhead A.J., Walls R. (2012) Ted talks, vocabulary, and listening for EAP. *TESOLANZ Journal*. No. 20, pp. 55–67.

Isani Shaeda, van der Yeught Michael. (2023) Introduction. English for Specific Purposes and Humour. Ed. by Shaeda Isani, Michael van der Yeught. Cambridge Scholars Publishing, pp. VII–XXII.

Ludewig J. (2017) TED talks as an emergent genre. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. No. 19, pp. 1–9.

MacKrill K., Silvester C., Pennebaker J.W., Petrie K.J. (2021) What makes an idea worth spreading? Language markers of popularity in TED talks by academics and other speakers. *Journal Assoc InfSci Technology*, 72, pp. 1028–1038.

Picht Herbert, and Draskau Jennifer. (1985) Terminology: An Introduction. Guilford, UK: University of Surrey.

Scotto di Carlo Giuseppina. (2015) Stance in TED talks: Strategic use of subjective adjectives in online popularization. *Ibérica*. 29, pp. 201–222; ISSN: 1139-7241 / e-ISSN: 2340-2784.

Словарные и текстовые источники

Cambridge Dictionary, www.dictionary.cambridge.org

Firestein S. The pursuit of ignorance. S. Firestein. URL: https://www.ted.com/talks/stuart_firestein_the_pursuit_of_ignorance.

LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English: Словарь современного английского языка: с 2-х т. Moscow: Русский язык, 1992. (In Russian).

Webster's New World dictionary of American English, 1998.

References

Anderson K. (2017) TED TALKS. Slova menjajut mir: pervoe oficial'noe rukovodstvo po publicnym vystuplenijam = Words change the world: the first official TED guide to public speaking. Per. s angl. T.O. Novikovoj. Moscow: Izd-vo "Je". 288 p. (In Russian).

Attardo Salvatore. (2007) The general theory of verbal humor. The Routledge Handbook of Language and Humor. Edited by S. Attardo. N.Y. and London: Routledge. Taylor and Francis Group, pp. 126–142.

Cambridge Dictionary, URL: www.dictionary.cambridge.org

Coxhead A.J., Walls R. (2012) Ted talks, vocabulary, and listening for EAP. *TESOLANZ Journal*. No. 20, pp. 55–67.

Firestein S. The pursuit of ignorance. URL: https://www.ted.com/talks/stuart_firestein_the_pursuit_of_ignorance.

Gvishiani N.B. (1986) Jazyk nauchnogo obshhenija (voprosy metodologii) = Language of scientific communication (Issues of Methodology). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russian).

Gerd A.S. (1996) Special'nyj tekst kak predmet prikladnogo jazykoznanija = Special text as the subject of applied linguistics. *Prikladnoe jazykoznanie*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, pp. 68–90 (In Russian).

Isani Shaeda, van der Yeught Michael. (2023) Introduction. *English for Specific Purposes and Humour*. Ed. by Shaeda Isani, Michael van der Yeught. Cambridge Scholars Publishing, pp. VII–XXII.

Kubryakova E.S. (2012) V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovanija = In search of language nature: Cognitive studies. Moscow: Znack. 208 p. (In Russian).

Laguta O.N. (1999) Uchebnyj slovar' stilisticheskikh terminov. Prakticheskie zadanija. Chast' 1. Uchebno-metodicheskoe posobie = Training dictionary of stylistic terms. Practical tasks. Part 1. Training manual. Novosibirsk: Novosibirskij gosuniversitet. (In Russian).

LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English: Dictionary of the modern English language: in 2 vols. Moscow: Russian language, 1992. (In Russian).

Ludewig J. (2017) TED talks as an emergent genre. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. No. 19, pp. 1–9.

Manerko L.A. (2024) Kognitivnaja teorija jazyka: filosofskie osnovanija i napravlenija issledovanij = Cognitive theory of language: philosophical foundations and directions of research. Moscow: Gnozis. 448 p. (In Russian).

Manerko L.A. (2004) Konceptual'no-smyslovoe prostranstvo teksta = Conceptual and meaningful space of the text. *Teorija i praktika germanskih i romanskih jazykov*. Ul'janovsk, pp. 131–138. (In Russian).

Manerko L.A. (2016) Mul'timodal'nost' diskursa kak osnova dlja mezhdisciplinarnyh kognitivnyh issledovanij = Multimodality of discourse as the basis for interdisciplinary cognitive study. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. Kruglyj stol IJa RAN 8 nojabrja. Issue 27: Antropocentricheskij podhod v

kognitivnoj lingvistike: sb. nauch. trudov. Otv. red. V.Z. Dem'jankov. Moscow, Tambov, pp. 720–730 (In Russian).

Manerko L.A. (2006 (1)) Nauka o jazyke: paradigmy lingvisticheskogo znanija = Language Science: Paradigms of linguistic knowledge. Rjazan': Izd-vo RGU im. S.A. Esenina. (In Russian).

Manerko L.A. (2020) Obraznost' nominacii kak osnova dlja ponimaniya nauchnogo poiska v anglijskom akademicheskom diskurse = Imagery of nomination as the basis of scientific search in English academic discourse. *Jazyk, kul'tura, tvorchestvo: Mirovye praktiki izuchenija*, sbornik nauchnyh statej k 90-letiju professora V.N. Telija, otv. red. I.V. Zykova, V.V. Krasnyh. Moscow: Gnozis, pp. 282–299 (In Russian).

Manerko L.A. (2006 (2)) Special'nyj tekst kak stupen' formirovanija novyh tipov znanija = Special text as steps of formation of new types of knowledge. *Vestnik MGLU*. Issue 512: Leksicheskaja sistema kak rezul'tat i instrument poznaniya. *Seriya. Lingvistika*. Moscow: Izd-vo MGLU, pp. 176–190 (In Russian).

Manerko L.A. (2013) Struktury znanij, predstavlennye v hudozhestvennom i akademicheskom diskursah = Knowledge structures, representations in fictional and academic discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teorija perevoda*. No. 1, pp. 100–118 (In Russian).

Nazarova T.B. (1994) Filologija i semiotika: Sovremennyy anglijskij jazyk = Philology and Semiotics: Modern English language. Moscow: Vysshaja shkola. 184 p. (In Russian).

Novodranova V.F. (2007) Tipy znanija i ih reprezentacija v jazyke dlja special'nyh celej = Knowledge types and their representation for special purposes. *Kognitivnaja lingvistika: novye problemy poznaniya*. Issue 5. Moscow, Rjazan', pp. 136–141 (In Russian).

MacKrill K., Silvester C., Pennebaker J.W., Petrie K.J. (2021) What makes an idea worth spreading? Language markers of popularity in TED talks by academics and other speakers. *Journal Assoc InfSci Technology*, 72, pp. 1028–1038.

Popova M.V. (2021) Sravnitel'nyj analiz ponjatij «prosodija», «intonacija» i smezhnyh special'nyh terminov v lingvistike = Comparative analysis of the notions of “prosody”, “intonation” and related special terms in linguistics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* No. 11 (853), pp. 150–160 (In Russian).

Picht Herbert, and Draskau Jennifer. (1985) Terminology: An Introduction. Guilford, UK: University of Surrey.

Pravikova L.A. (2004) Sovremennaja teorija diskursa: kognitivno-frejmovyj i argumentativnyj podhody = Modern discourse theory: cognitive-framework and argumentative approaches Pjatigorsk: Izd-vo PGLU. 300 p. (In Russian).

Scotto di Carlo Giuseppina. (2015) Stance in TED talks: Strategic use of subjective adjectives in online popularization. *Ibérica*. 29, pp. 201–222; ISSN: 1139-7241 / e-ISSN: 2340-2784.

Webster's New World dictionary of American English (1998).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Манерко Лариса Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики английского языка, факультет «Высшая школа перевода», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Ленинские горы, строение 51, 1 учебный корпус; wordfnew@mail.ru

Блинова Наталья Сергеевна — ведущий специалист отдела информационного сопровождения Федерального автономного учреждения «Российский дорожный научно-исследовательский институт», г. Москва, ул. Смольная, д. 2; ns.blinova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Larissa A. Manerko — Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Subdepartment of the Theory and Practice of the English language, Higher School of Translation and Interpreting (Department), Lomonosov Moscow State University, Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; wordfnew@mail.ru

Nataliia S. Blinova — Leading Specialist of the Information Support Department of the Federal Autonomous Institution “Russian Road Scientific-Research Institute”, 125493, Russia, Moscow, 2 Smolnaya Str.; ns.blinova@yandex.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

ШКОЛА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'374

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-213-230

О РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ XIX ВЕКА

Яков Дмитриевич Айсен

Наталия Ивановна Голубева-Монаткина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: aysen567@mail.ru; golmonat@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена результатам сопоставительного изучения российских и британских энциклопедий XIX века. Цель исследования — выявить особенности развития российской и британской энциклопедистики по отношению друг к другу, а также конкретизировать черты сходства и различия структуры энциклопедических статей в этих изданиях. Было обнаружено, что если для российской энциклопедистики этой эпохи главной задачей являлось создание преимущественно национального издания, то британские энциклопедисты прежде всего стремились предоставить читателю информацию об актуальных событиях, новейших достижениях науки и техники в мире. В начале этого века британская энциклопедистика развивалась активнее, чем российская, и на её развитие значительно повлияла коммерциализация книгоиздательского дела и серьёзная конкуренция между издательствами. В целом в Великобритании (особенно за первую четверть века) было издано больше энциклопедий, чем в России, причём выпускались не только алфавитные энциклопедии, но и систематические (тематические). В энциклопедиях обеих стран использовались сходные типы статей (статья-обзор, статья-справка, статья-толкование, статья-отсылка), как персонифицированные, так и неперсонифицированные. В российских энциклопедиях, в отличие от британских, обычно указывалось, что материал или его часть переведены или заимствованы. Сопоставление статей в «Энциклопеди-

ческом словаре» Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона и девятом издании «Британской энциклопедии» выявило, что к концу века выработана модель такой статьи-персоналии, которой следуют и российские и британские редакторы: заголовочное слово — индивидуальный или групповой антропоним, выбор которого национально ориентирован; информация подаётся отсылочным способом; статья нередко имеет оценочную модальность. Заголовочные слова статей о мифонимах, которых в «Британской энциклопедии» несколько меньше, чем «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона, в обеих энциклопедиях представляют собой имена ряда сфер ономастического пространства. Сходство российских и британских энциклопедий XIX в. обусловлено тем, что их российские и британские составители следуют уже сложившимся правилам как отбора энциклопедических статей, так и их составления. Обнаруженные различия обусловлены культурными и национальными традициями России и Великобритании.

Ключевые слова: энциклопедия, энциклопедическая статья, российские энциклопедии XIX века, британские энциклопедии XIX века, «Энциклопедический словарь» Брокгауза — Ефрона, девятое издание «Британской энциклопедии»

Для цитирования: Айсен Я.Д., Голубева-Монаткина Н.И. О российских и британских энциклопедиях XIX века // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025, № 1. С. 213–230. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-213-230

Статья поступила в редакцию 28.02.2025;
одобрена после рецензирования 13.04.2025;
принята к публикации 20.04.2025.

ON RUSSIAN AND BRITISH ENCYCLOPAEDIAS OF THE 19TH CENTURY

Iakov D. Aisen, Natalia I. Golubeva-Monatkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: aisen567@mail.ru; golmonat@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the results of the comparative study of Russian and British encyclopaedias of the 19th century. The aim of the study is to reveal the peculiarities of the historical development of Russian and British encyclopaedias in relation to each other and to specify the features of similarities and differences in the structure of encyclopaedic articles in these editions.

© Aisen Ia.D., Golubeva-Monatkina N.I., 2025

If the main task for the Russian encyclopaedia of that period was to create a predominantly national edition, the British encyclopaedists were primarily concerned with providing the reader with information on current events, the latest achievements of science and technology in the world. It was found that at the beginning of this century British encyclopaedias developed more actively than Russian encyclopaedias and that the development of British encyclopaedias, unlike the Russian ones, was significantly influenced by the commercialisation of book publishing and serious competition between publishers. In general, more encyclopaedias were published in Britain (especially in the first quarter of the century) than in Russia, and at the same time, unlike Russia, not only alphabetical but also systematic (thematic) encyclopaedias were published in Britain. The comparison of encyclopaedic articles in Russian and British editions showed that the encyclopaedias of both countries used similar types of articles (review article, reference article, explanatory article, cross-reference article), and the indication/non-indication of the authorship of the article is not nationally conditioned. Unlike British encyclopaedias, Russian encyclopaedias usually indicate that the material, or part of it, is translated or borrowed. A comparison of the articles in Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary and the ninth edition of the Encyclopaedia Britannica shows that by the end of the century had been developed a model of a personalia-article that was used by both Russian and British editors: the headword is an individual or group anthroponym, the choice of which is nationally specific; the information is presented in a referential way; the article often has an evaluative modality. The headwords of the articles on mythonyms, which are somewhat fewer in the Encyclopaedia Britannica than in the Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary, represent in both encyclopaedias the names of several spheres of onomastic space. The similarity of Russian and British encyclopaedias of the 19th century is due to the fact that their Russian and British compilers followed the already established rules of selection and compilation of encyclopaedic articles. The differences found can be explained by the cultural and national traditions of Russia and Great Britain.

Keywords: encyclopaedia, encyclopaedic article, 19th-century Russian encyclopaedias, 19th-century British encyclopaedias, Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary, the ninth edition of the Encyclopaedia Britannica

For citation: Aisen Ia.D., Golubeva-Monatkina N.I. (2025) On Russian and British encyclopaedias. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 1. P. 213–230. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-213-230

The article was received on February 28, 2025;
approved for reviewing on April 13, 2025;
accepted for publication on April 20, 2025.

Введение

Проблема сохранения, систематизации и передачи знания стояла перед человечеством на протяжении всей его истории, однако именно развитие научной и философской мысли в период научной революции (XVI–XVIII вв.) и становление новых философских идеалов эпохи Просвещения потребовало разработки новой методики составления сводов знаний и создания принципиально новых энциклопедий. Если труды древности и Средневековья были нередко результатом работы одного автора и отражали субъективный взгляд на картину мира, то в XVIII в. всё чаще работа над созданием энциклопедии осуществляется коллективом авторов в соответствии с заранее разработанным планом. Наиболее известный тому пример — французская «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера¹, изначально задуманная как перевод английского энциклопедического словаря Э. Чемберса «Циклопедия, или Всеобщий словарь ремёсел и наук» (2 тома, Лондон, 1728 г.) и отразившая стремление её создателей искоренить суеверия, преодолеть консервативную идеологию, критиковать клерикализм и предоставить общественности доступ к объективному рациональному знанию.

Издание французской «Энциклопедии», имевшее огромное значение для развития всей европейской энциклопедистики, способствовало появлению первых русских собственно энциклопедических изданий. В Москве выходит, например, словарь Л.В. Максимовского «Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясашные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежние и новые иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной Империи Российской в нынешнем её состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великия новоустроен-

¹ Среди последних российских работ об «Энциклопедии, или толковом словаре наук, искусств и ремёсел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) (35 томов, 1751–1780 гг.) интересны, в частности, статьи (Герасимова, 2020; Пилавов, 2024).

ном; с объяснением и тех мест, которые в прежняя войны и прошедшую Турецкую; а некоторые прежде того и от Персии храбростию российскою или обладаемы были, или и ныне находятся ещё во владении; также и тех, которые в преславное настоящее царствование с Белоруссиею и с полуостровом Крымом к России присоединены; из достопамятных и достоверных древних и новых источников собранный» (6 томов, Москва, 1788 г.). Также появляется «Словарь исторический, или Сокращённая библиотека, заключающая в себе жития и деяния: патриархов, царей, императоров и королей; великих полководцов, министров и градоначальников; богов и героев древнего язычества; пап римских, учителей церковных; философов древних и нынешних веков, историков, стихотворцев, ораторов, богословов, юриспрудентов, медиков и прочих, с показанием главнейших их сочинений; учёных женщин, искусных живописцев и прочих художников, и вообще всех знатных и славных особ во всех веках и из всех в свете земель, в котором содержится всё любопытства достойнейшее и полезнейшее из священной и светской истории. Перевод с французских исторических словарей, с приобщением к оному деяний и жития великих князей и государей всероссийских, и прочих мужеством, подвигами и дарованиями отличившихся ко благоденствию и славе монархов своих и отечества особ» (14 томов, 1790–1798 гг.). Важными для развития российской энциклопедистики оказались труд «Пространное поле обработанное и плодоносное, или всеобщий исторический оригинальный словарь, из наилучших авторов, как российских, так и иностранных, выбранный, сочинённый, по азбучным словам, расположенный п. п. Священником Иоанном Алексеевым» (не завершён, Москва, 1793–1794 гг.), а также вышедший в конце века и признаваемый исследователями первой российской энциклопедией «Лексикон российский исторический, географический и гражданский» В.Н. Татищева (не завершён, Санкт-Петербург, 1793 г.), который был создан в середине века, но напечатан только после смерти автора.

Первый энциклопедический словарь на английском языке, «Технический лексикон, или Всеобщий английский словарь наук и искусств» (“Lexicon Technicum: or, An Universal English Dictionary of Arts and Sciences: Explaining not only the Terms of Art, but the Arts Themselves”) (2 тома Лондон, 1704–1710 гг.), был составлен священником Дж. Харрисом. В числе первых в XVIII в. британских энциклопедий — «Циклопедия или Всеобщий словарь ремёсел и наук» Э. Чемберса (“Cyclopaedia: or, an Universal Dictionary of Arts and

Sciences”) (2 тома, Лондон, 1728 г.), «Полный словарь наук и искусств» (“The complete dictionary of arts and sciences”) (1 том, Ковентри, 1764–1766 гг.), первое издание «Британской энциклопедии» (“Encyclopaedia Britannica”) (3 тома, Эдинбург, 1768–1771 гг.).

Одной из особенностей как русских, так и британских энциклопедических изданий XVIII в. явилось отсутствие в них статей-персоналий. Такие статьи появляются в энциклопедиях следующего века.

Основная часть

I. Об истории и особенностях энциклопедистики XIX в. в России и Великобритании.

В начале XIX в. в России предпринимается несколько попыток создания сводов знаний. Публикуются «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: Астрономические, Математические, Медицинские, Анатомические, Химические, Юридические, Коммерческие, Горные, Музыкальные, Военные, Артиллерийские, Фортификационные, Морские и многие другие, означающие Придворные, Гражданские и Военные чины, достоинства, должности, и проч. как древних, так и нынешних времен» Н.М. Яновского (Санкт-Петербург, 1803–1806 гг.) и «Энциклопедический словарь» издателя С.А. Селивановского (не завершён, Москва, 1823–1825 гг.). На данном этапе становления российской энциклопедистики «издания энциклопедического и справочного характера были результатом прежде всего индивидуального творчества и выражали достаточно субъективный взгляд их авторов» (Артемьева, 2004: 112).

Первой универсальной российской энциклопедией, разработанной в соответствии с современной практикой составления энциклопедических изданий, включающей «создание отраслевых (тематических) и единого алфавитного словарей; привлечение авторов, науч. консультантов, рецензентов из числа ведущих специалистов; работу специализир. энциклопедич. служб — проверки фактографич. материала, транскрипции, этимологии, библиографии, литературно-контрольного чтения и др.» (Энциклопедия URL), стал «Энциклопедический лексикон» издателя А.А. Плюшара. Выпущенный в 1835–1841 гг. в 17 томах под редакцией сначала Н.И. Греча, затем под руководством нескольких других редакторов, «Энциклопедический лексикон» закончен не был — его словарь

завершился буквой «Д». Изначально планировалось издать 24 тома энциклопедии, причём большинство статей предполагалось составить специально для энциклопедии, но отсутствие необходимой методологической базы не позволило закончить проект в срок и в том объёме и виде, как задумывалось (Шпаковская, 2004: 131). Составители не скрывали, что в итоге значительную часть материала пришлось заимствовать из западноевропейских изданий (хотя и в отредактированном виде). Однако статьи, касающиеся России и стран Азии и преимущественно стран арабского мира, были написаны специально для энциклопедии.

Первой завершённой российской универсальной энциклопедией стал «Справочный энциклопедический словарь», изданный в 12 томах в 1847–1855 гг. типографией К.К. Крайя под редакцией А.В. Старчевского. Успех «Энциклопедического словаря» отчасти объяснялся его компактностью: именно ограничение издания справочной информацией позволило избежать разрастания словника и выпустить запланированные тома без существенных задержек. Статьи энциклопедии, зачастую заимствованные из зарубежных энциклопедий и «Энциклопедического лексикона», приводились в сокращённом виде (Шпаковская, 2004: 134–135).

Хронологически следующая российская энциклопедия, «Энциклопедический словарь, составленный русскими учёными и литераторами», выпускавшаяся в 1861–1863 гг. в типографии И.И. Глазунова под редакцией А.А. Краевского и, начиная со второго тома, П.Л. Лаврова, завершена не была. Всего были изданы пять томов, посвящённых статьям на букву «А», и один — букве «Е». К статьям на букву «Б» предполагалось вернуться после завершения подготовки томов, содержащих буквы «Е», «Ж», «З», «И» и «І». Прекращение выпуска «Энциклопедического словаря» явилось следствием критики со стороны прессы и церкви, приведшей к прекращению государственного финансирования и, затем, цензурному запрету на издание новых томов (Шишхова, 2014: 160). Составители хотели, чтобы их энциклопедия предоставляла доступную информацию в небольших по объёму статьях и вместе с тем выполняла просветительскую функцию, в связи с чем редакция разделила статьи на крупные, представляющие наиболее цельный взгляд на важные вопросы, и малые, содержащие справочные сведения.

«Русский энциклопедический словарь» в 16 томах, вышедший в 1873–1879 гг. под редакцией И.Н. Березина, завершён был, и главное место в этой энциклопедии занимала информация о России. Необходимо отметить, что составители, прямо указав в предисловии

то, что ориентируются на 11-е издание немецкой «Энциклопедии Брокгауз», принятому образцу, однако, следовали в большей степени по форме, чем по содержанию. Помимо зарубежных источников, составители заимствовали также из вышедших ранее отечественных энциклопедий, поэтому некоторые статьи представляют собой сокращённые или отредактированные статьи «Энциклопедического словаря, составленного русскими учёными и литераторами». Что касается объёма статей, то «Русский энциклопедический словарь» состоит главным образом из малых и средних справочных статей объёмом приблизительно от 30 до 400 слов.

В конце XIX в. началось издание наиболее авторитетного российского энциклопедического издания века, сопоставимого с современными ему западноевропейскими энциклопедиями — «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона, который выпускался в период с 1890 по 1907 гг. и состоял из 41 основного и двух дополнительных томов (в другом издании из 82 основных томов и четырёх дополнительных полутомов). Первоначально редакция планировала использовать как основу будущей энциклопедии 13-е издание немецкой энциклопедии издательства «Брокгауз», дополнив её информацией, касающейся России, и исключив некоторые статьи, не представляющие большого интереса для русскоязычного читателя. Однако после смерти главного редактора И.Е. Андреевского, начиная с 9-го полутома новая редакция во главе с К.К. Арсеньевым и Ф.Ф. Петрушевским принимает решение значительно увеличить долю оригинального материала энциклопедии. В связи с этим для написания новых статей привлекаются выдающиеся российские учёные: в числе редакторов отделов энциклопедии — А.Н. Бекетов (отдел биологических наук), С.А. Венгеров (отдел истории литературы), Д.И. Менделеев (химико-технический и фабрично-заводской отдел), В.С. Соловьёв (отдел философии). Также было создано большое количество статей-персоналий.

В Великобритании в первую четверть века практически одновременно начинают издаваться несколько крупных энциклопедий: «Энциклопедия Пертенсис» (“The Encyclopaedia Perthensis”) (23 тома., Перт, 1796–1806 гг.), «Энциклопедия Лондиненсис» (“Encyclopaedia Londinensis”) (24 тома., Лондон, 1801–1829 гг.), «Циклопедия, или универсальный словарь искусств, наук и литературы» А. Риза (“The Cyclopaedia; or, Universal Dictionary of Arts, Sciences, and Literature”) (39 томов., Лондон, 1802–1819 гг.), «Английская энциклопедия» (“The English Encyclopaedia”) (10 томов,

Лондон, 1802 г.), «Пантология» (“Pantologia”) (12 томов, Лондон, 1802–1813 гг.).

Продолжает выходить и считающаяся главным конкурентом для остальных сводов знаний «Британская энциклопедия»: в 1801–1810 гг. в объёме 20 томов под редакцией Дж. Миллара было опубликовано её четвёртое издание. Некоторые статьи предыдущего издания были переработаны и дополнены, также был написан и ряд новых статей (например, “Algebra” “Magnetism”, “Russia”). Издания пятое (20 томов., Эдинбург, 1815–1817 гг.) и шестое (20 томов, Эдинбург, 1823 г.) являлись исправленными репринтами четвёртого. В 1824 г. было выпущено шеститомное дополнение, примечательное несколькими новшествами, которые будут использоваться и в последующих изданиях этой энциклопедии: впервые в начале томов опубликованы диссертации философа Д. Стюарта, математика Дж. Плейфэра, химика У.Т. Бранда; для написания статей впервые были привлечены иностранные авторы. Ещё одним нововведением стало указание инициалов автора в конце некоторых статей, и для того, чтобы читатель мог узнать, кому принадлежат инициалы, в начале каждого тома поместили специальный указатель. В седьмом издании (21 том, Эдинбург, 1823–1842 гг.) впервые появляется так называемый «индексный» том, выполняющий функцию указателя. Восьмое издание вышло в 1853–1860 гг. и состояло из 21 тома. Девятое издание (25 томов, Эдинбург, 1875–1889 гг.), считается одним из наиболее успешных и авторитетных, о чем свидетельствует его неофициальное название “Scholar’s edition” («Академическое издание»), поскольку в его создании приняло участие много известных авторов, среди которых физики У. Томсон и Дж. Максвелл, зоолог Т. Гексли, социальный антрополог Дж. Фрейзер, а также П.А. Кропоткин, составивший несколько статей о географии России. Как и российский «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона, девятое издание «Британники» характеризуется большим количеством персоналий.

В 1817–1845 гг. выпускалась «Энциклопедия Метрополитана» (“The Encyclopaedia Metropolitana”), состоявшая из 25 основных томов, трёх томов иллюстративного материала и алфавитного указателя, составляющего отдельный том. По структуре словника она является систематической, так как её словник организован не в алфавитном порядке, а тематически. В соответствии с планом, подготовленном поэтом и философом С.Т. Колриджем, издание состояло из пяти разделов: 1) фундаментальные науки; 2) теоре-

тико-прикладные и прикладные науки; 3) биографии и история; 4) этимологический словарь английского языка, словари философских и географических терминов, 5) алфавитный указатель. Такой способ организации материала, как предполагалось, позволил бы избежать многих недостатков алфавитного способа, в частности повторов и пропусков, неравномерности объёма словарных статей, необходимости создания зачастую неудобной для читателя системы ссылок. Тем не менее, этот энциклопедический проект оказался относительно неудачным, и, несмотря на высокое качество статей, «Энциклопедия Метрополитана» уступала современным ей энциклопедиям из-за использования устаревшего тематического способа организации материала, а также из-за многочисленных перестановок в редакторском составе (Collison, 1966: 179). В 1848–1858 гг. было выпущено её второе издание в 40 томах.

Также систематическим изданием была выходившая под редакцией Д. Ларднера «Кэбинет циклопедия» (“The Cabinet Cyclopaedia”) (1829–1846, 133 тома), разделённая на девять тематических разделов (“Cabinets”) так, чтобы каждый том давал бы читателю исчерпывающую информацию по какой-то одной теме. Например, первый том — «История Шотландии» — был составлен писателем В. Скоттом и относился к разделу «История». Также в «Циклопедию» входили разделы «Искусства и ремесла», «География», «Биографии», «Естественная история», «Естественная философия». Энциклопедия, организованная таким образом, позволяла читателю покупать только отдельные тома или интересующие его разделы, не обязывая приобретать издание целиком (Peckham, 1951: 41).

«Циклопедия Пенни» (“The Penny Cyclopaedia”) была издана в 27 томах в 1833–1843 гг. под редакцией Дж. Лонга. Ещё два дополнительных тома вышли в 1851–1856 гг. «Циклопедия» была одной из первых попыток создания справочного издания для широкой аудитории, являлась справочным изданием и потому была организована алфавитным способом. Хотя главной задачей составителей было предоставление доступной справочной информации, крупные обзорные статьи в ней тем не менее присутствуют. Из-за низкой цены энциклопедии издатели столкнулись с финансовыми трудностями (в частности, не удалось выпустить «индексный» том), и, хотя все номерные тома были изданы, в дальнейшем энциклопедия не переиздавалась (Collison, 1966: 185).

В 1859 г. началось издание «Энциклопедии Чемберсов» (“Chambers’s Encyclopaedia”), первое издание которой состояло из 10 томов и было завершено к 1868 г. При её создании издатели

ориентировались на последнее издание немецкой энциклопедии издательства «Брокгауз», о чем сообщается в предисловии: немецкий первоисточник был существенно отредактирован и дополнен информацией о Великобритании и её колониях, государствах Северной и Южной Америки, статьями, посвящёнными естественным и прикладным наукам, а также новым иллюстративным материалом (Chamber's URL). В XIX в. вышли ещё два обновлённых и дополненных переиздания: в 1874 г., 1888–1892 гг. — оба в 10 томах, причём в XX в. эта энциклопедия продолжила выходить до 1998 г. и завершилась на 11-м издании.

Сравнение истории и общих особенностей российской и британской энциклопедистики XIX в. даёт возможность сделать ряд выводов.

1. Если для российской энциклопедистики главной задачей являлось создание преимущественно национального издания, то британские энциклопедисты прежде всего стремились предоставить читателю информацию об актуальных событиях, новейших достижениях науки и техники в мире. В связи с этим в отечественных энциклопедиях особое внимание уделяется информации о России, культуре, истории страны, присутствует большое число биографических статей о российских исторических деятелях, правителях, деятелях культуры, а британские энциклопедии, в целом, более «интернациональны» по тематике и поэтому переиздаются в США и других англоговорящих государствах и колониях, в их создании участвуют зарубежные авторы.

2. В начале этого века британская энциклопедистика развивалась активнее, чем российская. Среди рассмотренных пяти российских изданий завершены были только три, а британские энциклопедии были изданы в полном объёме и практически все неоднократно переиздавались. Кроме того, если в Великобритании только за первую четверть века было полностью издано шесть разных энциклопедий, не считая переизданий и дополнений к ним, то первая российская универсальная энциклопедия XIX столетия («Энциклопедический Лексикон») начала издаваться в 1835 г., первая завершённая («Справочный энциклопедический словарь») — в 1847 г.

3. На развитие британской энциклопедистики значительное влияние оказала коммерциализация книгоиздательского дела в начале XIX в. Британские энциклопедии создавались в условиях серьёзной конкуренции между издательствами, что свидетельствует об имевшемся в стране спросе на справочные и энциклопедические

издания. В России же работа над главными энциклопедическими проектами века велась иначе: составители каждого следующего из упомянутых в данной статье изданий, совершенствуя как методологическую базу, так и практику составления энциклопедий, и иногда заимствуя отдельные статьи, в большей или меньшей степени пользовались достижениями предшественников.

4. Все рассмотренные российские энциклопедии являются алфавитными по своей структуре, в то время как британские «Энциклопедия Метрополитана» и «Кэбинет циклопедия» организованы систематически, т.е. материал в них разделён на тематические разделы, посвящённые отдельным отраслям знаний и научным дисциплинам. Необходимо отметить, что эти своды знаний не являются справочными изданиями: они содержат подробные статьи и трактаты (в отдельных случаях занимающие целые тома издания), превышающие по объёму статьи других рассмотренных энциклопедий. Относительная непопулярность систематических энциклопедий в Великобритании подтверждается тем, что алфавитные энциклопедии многократно переиздавались, причём не только в XIX в., но и в XX в., в то время как «Метрополитана» была выпущена только в двух изданиях, а «Кэбинет циклопедия» не переиздавалась. Выбор же российских издателей в пользу алфавитной макроструктуры при составлении энциклопедий объясняется использованием опыта наиболее успешных современных им западноевропейских, главным образом немецких, энциклопедий, также являющихся алфавитными.

5. В энциклопедиях обеих стран указание авторства статьи или его отсутствие национально не обусловлено. Использование инициалов или других символов помет, указывающих на автора статьи, или выделение «авторских» статей в отдельный список (в «Энциклопедии Чемберсов») является отличительной чертой каждого отдельного энциклопедического издания. Например, персонифицированные статьи были обнаружены в «Энциклопедическом лексиконе», «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учёными и литераторами», «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «Британской энциклопедии», «Энциклопедии Чемберсов», но отсутствуют в «Справочном энциклопедическом словаре», «Русском энциклопедическом словаре» и «Циклопедии Пенни».

6. Что касается использования в энциклопедиях переводных и заимствованных статей, то это характерно, например, для более ранних российских изданий, прибегавших к значительным заим-

ствованиям, особенно в статьях, посвящённых науке и культуре других стран. Британские энциклопедии также содержат переводные статьи и заимствования, однако если в отечественных энциклопедиях наличие переводного материала декларируется открыто с перечислением основных источников, то в британских изданиях зачастую факт заимствования не оглашается.

**II. Об особенностях статей «Энциклопедического словаря»
Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона (1890–1907 гг.)
и девятого издания «Британской энциклопедии»
(1875–1889 гг.) по отношению друг к другу**

1. В алфавитных энциклопедиях обеих стран имеются сходные типы статей: статьи-обзоры, статьи-справки, статьи-толкования и статьи-отсылки. И русские, и британские обзорные статьи отличаются от справочных главным образом объёмом, но могут иметь и другие отличия, продиктованные спецификой конкретной энциклопедии. Например, в «Британской энциклопедии» наиболее крупные статьи-обзоры имеют отличное от других статей оформление: содержат заголовок, а первый абзац начинается с буквы. К типу «статья-обзор» чаще всего относятся статьи о государствах, научных дисциплинах, знаменитых личностях. В некоторых энциклопедиях наиболее объёмные статьи-обзоры могут содержать тематические разделы. Например, статьи о государствах в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона имеют подзаголовки: «Географический очерк», «Климат», «Население», «Военное дело», «Государственный строй», «История», «Язык и литература», «Искусство», «Музыка», а статьи «Британской энциклопедии» состоят из разделов “History” («История»), “Physical features” («Физико-географические характеристики»), “Statistics” («Статистические данные»), “Language” («Язык»), “Literature” («Литература») и имеют собственный указатель.

2. В алфавитных энциклопедиях России и Великобритании больше всего статей-справок. Средний объём таких статей зависит от специфики энциклопедии и может варьироваться от нескольких десятков до десятков тысяч слов. Статьи-толкования состоят только из дефиниции и, в отдельных случаях, содержат ссылку на другую статью энциклопедии, предоставляющую исчерпывающую информацию по теме статьи. Статьи-отсылки в свою очередь являются нулевой формой энциклопедической словарной статьи и лишь отсылают к другой статье или нескольким статьям. Что касается британских систематических энциклопедий («Энциклопедия Ме-

трополитана» и «Кэбинет циклопедия»), то они содержат лишь подробные обзорные статьи-трактаты.

3. Использование количественного критерия позволило сделать определённые выводы о примерно одинаковом среднем объёме словарных статей двух энциклопедий:

- статьи-обзоры большие, до 50 тыс. слов и более («Великобритания», “Acoustics”), средние, от 1,5 тыс. слов («Алмаз») до 8–9 тыс. (“Abyssinia”) и малые, от 500 слов («Адам и Ева», “Act of Parliament”);
- статьи-справки большие (100–500 слов) («Азбест», “Adamites”), и малые, в несколько десятков слов («Артамонов (Гавриил)», “Ames, Joseph”);
- статьи-толкования большие, содержащие более одной дефиниции («Абажур», “Acephali”) — 20–60 слов, и малые, состоящие из одной дефиниции («Азурин», “Amianthus”) — 10–20 слов;
- статьи-отсылки с кратким пояснением в одно — пять слов («Абсцесс», “Adrian, Publius”) и нулевая форма статьи без дополнительного пояснения, состоящая только из ссылки на другую статью энциклопедии («Абзорпция», “Amerigo Vespucci”).

4. Сопоставление черт сходства и различия в представлении статей-персоналий, многочисленных как в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона, так и в девятом издании «Британской энциклопедии», позволило выявить конкретные сходства, обусловленные общими для России и Великобритании традициями в создании сводов знаний: заголовочное слово такой статьи представлено как индивидуальными, так и групповыми антропонимами, используется отсылочный способ подачи информации, объёмные статьи иногда персонифицированы, а тексты статей могут иметь оценочную модальность. Оказалось, что различие энциклопедий проявляется как в отборе виднейших исторических и современных деятелей стран и народов мира для создания их персоналий, так и в объёме русских и английских статей, им посвящённых, что обусловлено, в основном, национально-ориентированным представлением контента обеих энциклопедий: авторы энциклопедий при составлении словника отдают предпочтение прежде всего выдающимся соотечественникам. Также в энциклопедиях обеих стран значительное место занимают биографии представителей Германии, Франции, США, государств арабского мира. Необходимо отметить и что британские персоналии пред-

ставлены в российской энциклопедии шире, чем российские в британской: в первых 11 томах «Британники» имеется лишь 29 статей о знаменитых россиянах — ровно столько статей о британцах содержится в одном только первом томе «Энциклопедического словаря».

5. При анализе статей о мифонимах в двух энциклопедиях были получены следующие данные: в томах на букву «А» «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона содержится 50 античных (древнегреческих и древнеримских) мифонимов, в то время как в «Британской энциклопедии» таких статей 42. Большая часть статей о мифических персонажах в обеих энциклопедиях относится к статьям-обзорам и статьям-справкам. Заголовочные слова представляют собой имена нескольких сфер ономастического пространства — это теонимы («Афродита», “Ares”), мифоантропонимы («Андромеда», “Alcinous”), мифотопонимы («Ахерон», “Atlantis”), мифозоонимы («Арион»), мифохремотонимы («Амброзия», «Аргос»).

Общие выводы

Сходство российских и британских энциклопедий XIX в. обусловлено тем, что их российские и британские составители следуют уже сложившимся правилам как отбора энциклопедических статей, так и их составления. Обнаруженные различия обусловлены культурными и национальными традициями России и Великобритании.

Список литературы

Артемяева Т.В. Пространное поле российского энциклопедизма // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / отв. редакторы Т.В. Артемяева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С. 110–125.

Герасимова С.А. Вклад в ориентирующее знание и идея информационного прорыва: энциклопедия XVIII века // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2020. Т. 6. № 2. С. 33–42.

Пилавов Г.Ш. Энциклопедия Дидро и Д’Аламбера: контекстуально-критическое осмысление // История философии, 2024. Т. 29. № 1. С. 43–57.

Предисловие. Энциклопедический словарь, составленный русскими учёными и литераторами. Т. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003820503/ (дата обращения: 10.02.2025).

Предисловие от редакции. Энциклопедический словарь: репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрон, 1890 г. Т. 1. Ярославль: А — Алтай, 1990 (без пагинации).

Шишкова Н.М. «Энциклопедический словарь, составленный русскими учёными и литераторами» и его место в типологии печати 60-х гг. XIX века // Вестник АГУ. Выпуск 3 (145). Майкоп, 2014. С. 158–162.

Шпаковская И.А. Влияние «Энциклопедического лексикона» Адольфа Плюшара на последующие энциклопедические издания // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. С. 131–138.

Энциклопедия. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4936349> (дата обращения: 22.02.2025).

Collison R. (1966) *Encyclopedias: their history throughout the ages*. 2nd ed. New York and London; Haffner Publishing Company. 319 p.

Peckham M. (1951) Dr. Lardner's "Cabinet Encyclopaedia". The Papers of the Bibliographical Society of America, Vol. 45, No. 1 (First Quarter, 1951), pp. 37–58.

Notice. Chambers's Encyclopaedia. Vol. 1. URL: <https://books.google.ru/books?id=VsxPAAAMA AJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 20.02.2025)

References

Artem'eva T.V. (2004) Prostrannoe pole rossijskogo enciklopedizma = The vast field of Russian encyclopedism. *Filosofskij vek. Al'manah*. Issue 27. *Enciklopediya kak forma universal'nogo znaniya: ot epohi Prosveshcheniya k epohe Interneta*, отв. redaktory T.V. Artem'eva, M.I. Mikeshein. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij Centr istorii idej, pp. 110–125 (In Russian).

Collison R. (1966) *Encyclopedias: their history throughout the ages*. 2nd ed. New York and London; Haffner Publishing Company. 319 p.

Enciklopediya. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/4936349> (data obrashcheniya: 22.02.2025).

Gerasimova S.A. (2020) Vklad v orientiruyushchee znanie i ideya informacionnogo proryva: enciklopediya XVIII veka = The contribution to orienting knowledge and the idea of the information breakthrough: The XVIII century encyclopedia. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. Vol. 6. No. 2, pp. 33–42 (In Russian).

Notice. Chambers's Encyclopaedia. Vol. 1. URL: <https://books.google.ru/books?id=VsxPAAAMA AJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 20.02.2025)

Peckham M. (1951) Dr. Lardner's "Cabinet Encyclopaedia". The Papers of the Bibliographical Society of America, Vol. 45, No. 1 (First Quarter, 1951), pp. 37–58.

Pilavov G.Sh. (2024) Enciklopediya Didro i D'Alamberta: kontekstual'no-kriticheskoe osmyslenie = Encyclopedia of Diderot and D'Alembert: Contextual and Critical Understanding. *Istoriya filosofii*. 2024. Vol. 29. No. 1, pp. 43–57 (In Russian).

Predislovie. Enciklopedicheskiy slovar', sostavlennoy russkimi uchyonymi i literatorami = Preface. Encyclopedic dictionary compiled by Russian scientists and writers. Vol. 1. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003820503/ (data obrashcheniya: 10.02.2025).

Predislovie ot redakcii = Editorial preface. (1890/1990) Enciklopedicheskiy slovar': reprintnoe vosproizvedenie izdaniya F.A. Brokgauz — I.A. Efron. Vol. 1. Yaroslavl': A-Altaj. (bez paginacii). (In Russian).

Shishkhova N.M. (2014) "Enciklopedicheskiy slovar', sostavlennoy russkimi uchenymi i literatorami" i ego mesto v tipologii pechati 60-h gg. XIX veka = "Encyclopedic Dictionary, compiled by Russian scientists and writers" and its place in the typology of the 1860s printing. *Vestnik AGU*. Issue 3 (145). Majkop, pp. 158–162 (In Russian).

Shpakovskaya I.A. (2004) Vliyanie "Enciklopedicheskogo leksikona" Adol'fa Plyushara na posleduyushchie enciklopedicheskie izdaniya. = The influence of Adolph Plushar's "Encyclopedic lexicon" upon the following encyclopedic publications. *Filosofskiy vek. Al'manah*. Issue 27. Enciklopediya kak forma universal'nogo znaniya: ot epohi Prosveshcheniya k epohe Interneta, otv. redaktory T.V. Artem'eva, M.I. Mikeshin. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij Centr istorii idey, pp. 131–138 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Айсен Яков Дмитриевич — аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; aysen567@mail.ru

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51, к. 1150; golmonat@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Iakov D. Aisen — Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; aysen567@mail.ru

Natalia I. Golubeva-Monatkina — Dr. Sc. (Philology), Professor, Higher School of Translation and Interpreting (Department), Lomonosov Moscow State University, Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; golmonat@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ»¹

Владислав Александрович Лекторский

академик РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН,
г. Москва, Россия

BOOK REVIEW OF INTERDISCIPLINARY COMMUNICATION AND LINGUISTIC EDUCATION IN A DIGITAL SOCIETY

Vladislav A. Lektorskij

Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Рецензируемая книга, рекомендованная к публикации Российской академией образования, представляет собой коллективный труд, посвящённый изучению современных направлений в теории межкультурной коммуникации, в науке о переводе, лингводидактике и дидактике перевода. Авторский коллектив монографии составляют учёные Российской академии образования, профессора ведущих университетов России — известные специалисты в области межкультурной коммуникации, истории, теории и методологии перевода, лингводидактики и дидактики перевода.

Авторы коллективной монографии показывают, как развитие информационных технологий не только предоставляет множество новых возможностей для массового обмена информацией самого разного характера и содержания, но и меняет характер межкультурного общения, переводческой деятельности, вносит су-

¹ Межкультурная коммуникация и лингвистическое образование в цифровом обществе: коллективная монография / Н.К. Гарбовский, Т.В. Кортава, Л.В. Куликова [и др.]; под ред. Н.К. Гарбовского. М.: Издательство Московского университета, 2025. 299 [1] с.

щественные коррективы в принципы и методы лингвистического образования.

Предметом исследования, описанного в коллективной монографии, является содержание и организация образовательной деятельности, направленной на обеспечение эффективности межкультурной и межъязыковой коммуникации в условиях цифровизации коммуникационной среды.

Актуальность данной книги обусловлена изменениями в общественной жизни, вызванными возрастающей цифровизацией различных сфер человеческой деятельности, в том числе межкультурного посредничества и межъязыковой коммуникации, а также образовательного процесса.

Проблемы лингвистического образования, призванного обеспечить успешность коммуникации в современном мировом сообществе, уже давно вышли на передний план. Причин этому много, а самая острая, хорошо всем известная и понятная — это, конечно, изобретение, а вернее — пришествие интернета, предоставляющего возможность свободного, массового, всемирного общения между представителями разных народов и разных культур. С развитием информационных технологий и интернета, люди получили возможность свободно общаться и взаимодействовать с представителями других культур, преодолевая географические и языковые границы. Однако, несмотря на все преимущества цифровой коммуникации, она создаёт новые вызовы и сложности.

По справедливому заключению авторов монографии, межкультурная коммуникация является сложным и многогранным процессом, который включает в себя передачу информации и взаимодействие между представителями различных культур. Анализируя происходящие на фоне процессов формирования нового миропорядка и развития новых информационных технологий трансформации, авторы подчёркивают важность культурной осведомлённости и адаптивности в международном взаимодействии, поднимают вопрос о роли языка как инструмента культурного самосознания и интеграции, акцентируют внимание на новых подходах и методах обучения в подготовке специалистов межкультурной коммуникации, подчёркивая значимость перевода в обмене знаниями и культурными ценностями.

Изменения в глобальном мире, в частности повышение конфликтности межкультурной коммуникации, также требуют изучения, что тоже обуславливает актуальность ряда глав монографии. Очевидна принципиальная новизна данной коллективной работы,

в которой оригинальное исследование современных дискурсивных практик в сфере лингвокультурного общения базируется на солидном теоретическом фундаменте работ предшественников — исследователей межкультурной коммуникации, межъязыкового посредничества, глобализации различных сфер жизни и развития новых образовательных технологий. Общий список публикаций, на которые ссылаются авторы публикации, составляет более 450 наименований на русском и иностранных языках.

Монография включает четыре раздела.

Первый раздел «Межкультурная коммуникация в меняющемся мире» содержит две главы: «Теория и практика межкультурной коммуникации в эпоху цивилизационных перемен: *quo vadis*» (автор — Л.В. Куликова) и «Лингвистические аспекты современной межкультурной коммуникации: глобализация vs культурно-языковое разнообразие» (автор — Т.В. Кортава). В первой из них рассматриваются актуальные тенденции эволюции межкультурной коммуникации и, в частности, проблема межкультурной медиации конфликтных дискурсов, вторая посвящена проблеме сохранения и поддержки языков народов России в современном мире.

Второй раздел «Изучение иностранных языков в России и национальная идентичность» включает главы «Изучение иностранных языков, межкультурная коммуникация и национальная идентичность в эпоху глобализации» (автор — М.А. Марусенко) и «Национальные особенности иноязычного образования в России» (автор — С.Г. Тер-Минасова). Первая посвящена исследованию образовательной языковой политики как производной межкультурной и межъязыковой коммуникации в эпоху глобализации, в частности автор уделяет особое внимание проблеме языковой и культурной самоидентификации учащихся. Вторая глава освещает актуальные вопросы обучения иностранному языку в России в контексте глобализации межкультурной коммуникации, при этом на первом месте оказывается вопрос о психологических и культурных стереотипах как учащихся, так и учителей.

Раздел третий «Теория и дидактика перевода в эпоху «господства цифры» содержит четыре главы. Автор первой главы (О.И. Костикова) «Аксиология перевода: традиции и «новые» ценности» убедительно показывает, как обращение к опыту предшественников позволяет установить неразрывную связь переводческой деятельности со всей жизнью общества, место и роль перевода в развитии цивилизации. Во второй главе «Междисциплинарный статус науки о переводе в цифровую эпоху» (автор — Н.К. Гарбовский),

предлагается новое понятие «цифровой перевод», определяющее новый вид технологии перевода, систему сетевого взаимодействия переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств, искусственного интеллекта (ИИ), способный повысить эффективность переводческого искусства и качество переводческой продукции. Автор третьей главы «Волны цифровизации и подготовка переводчиков» (А.В. Ачкасов) отмечает, что начиная с 1980-х цифровые технологии меняли условия, способы и инструменты межкультурной и межкультурной коммуникации. Переводоведение и университетские программы подготовки переводчиков и по-разному реагировали на новые реалии в разные периоды цифровизации. Можно говорить о трёх «волнах» цифровизации межкультурной и межкультурной коммуникации.

Четвёртый раздел «Перевод — вектор межкультурной коммуникации» посвящён вопросам разных видов переводческой практики. В первой главе «Переводы Священного Писания в цифровую эпоху: подходы и старые проблемы» (авторы — И.И. Валуйцева, А.А. Осипова, Г.Т. Хухуни) рассматривают некоторые переводы Библии, создатели которых претендуют на реализацию в них принципиально новых подходов, соответствующих потребностям современного общества и принятым в нём принципам. Отмечается, что в определённом отношении подход к воспроизведению Священного Писания на других языках характеризуется определённой парадоксальностью. Автор второй главы «Многогранность интерсемиотического перевода: от языка жестов к тифлокомментированию» (В.Е. Горшкова) отмечает, что расширяются исследования аудиовизуального перевода (АВП), основанного на широком применении новых информационных технологий, значительно ускоряющих и в определённой степени облегчающих переводческую деятельность. Среди реципиентов АВП учитывается особая категория слабовидящих зрителей, нуждающихся в своего рода комментировании происходящего на экране (аудиодескрипции / тифлокомментировании), в частности, вербализации маркеров культурообусловленных и интертекстуальных аллюзий в тесной связи с другими средствами языка кино (кинодиалог, шумовое оформление, музыка).

Раздел завершается главой «Язык как барьер на пути к пониманию чужого культурного кода» (автор — М.Н. Есакова). Автор замечает, что в ряде случаев межкультурной коммуникации язык оказывается не ключом, а барьером на пути расшифровки культурного кода другого этноса. Речь в этом случае идёт не о языке оригинала, глубокое понимание которого в самом деле является

ключом к познанию иной культуры, а о языке перевода, средствами которого и пишется «картина чужого мира».

Авторы монографии представили своё видение некоторой части проблематики лингвокультурологического образования в эпоху цифровизации коммуникации и изменений в глобальном образовательном пространстве, в частности, проблем подготовки переводчиков.

Монография является важной вехой в развитии современной теории межкультурной коммуникации, теории перевода, лингводидактики и дидактики перевода.

Практическое применение результатов проведённых авторами монографии исследований возможно как в плане обновления курсов по межкультурной коммуникации, сопоставительной лингвистике, истории и теории перевода, так и на практических занятиях по иностранным языкам и различным видам перевода.

Корректор *А. В. Игумнов*. Компьютерная верстка *В. Н. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.

Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 27.05.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 14,0.

Тираж 45 экз. Изд. № 13100. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23;

e-mail: zakaz@msupress.com. Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В,
стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62